

Джон
Стейнбек

Неведомому Богу
В битве с исходом сомнительным

[романы]

XX век / XXI век – The Best

Джон Стейнбек

**Неведомому Богу. В битве
с исходом сомнительным**

«Издательство АСТ»

1933,1936

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стейнбек Д. Э.

Неведомому Богу. В битве с исходом сомнительным /

Д. Э. Стейнбек — «Издательство АСТ», 1933,1936 — (XX век /
XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-137607-9

В сборник вошли романы Джона Стейнбека, очень разные по стилю и содержанию, однако объединенные не только огромным талантом их автора и местом действия (родной ему Калифорнией), но и темой переломных периодов истории США – эпохи покорения Запада и времени Великой депрессии.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-137607-9

© Стейнбек Д. Э., 1933,1936

© Издательство АСТ, 1933,1936

Содержание

Неведомому Богу	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	38
Глава 10	40
Глава 11	45
Глава 12	50
Глава 13	54
Глава 14	58
Глава 15	61
Глава 16	65
Глава 17	73
Глава 18	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джон Стейнбек
Неведомому Богу. В битве
с исходом сомнительным

John Steinbeck
To A God Unknown
In Dubious Battle

© John Steinbeck, 1933, 1936
© renewed John Steinbeck, 1961, 1964
© Перевод. Т. Осина, 2020
© Перевод. Е. Осенева, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Неведомому Богу

*Он дает дыхание, и сила – Его дар.
Высшие Божества чтят Его заповеди.
Его тень – это жизнь; Его тень – это смерть.
Кто же Он – Тот, Кому мы готовы принести
жертву?*

*Могущество сделало Его господином живого
светлого мира.
Он правит землей, людьми и животными.
Кто же Он – Тот, Кому мы готовы принести
жертву?*

*Его силой созданы горы, моря и далекие реки;
Это Его тело и Его руки.
Кто же Он – Тот, Кому мы готовы принести
жертву?*

*Он сотворил небо и землю; своей волей определил их
место.
И все же небо и земля с трепетом смотрят на
Него.
Солнце встает и освещает Его.
Кто же Он – Тот, Кому мы готовы принести
жертву?*

*Он окинул взглядом воды, вместившие Его мощь и
породившие жертву.
Он – Бог над Богами.
Кто же Он – Тот, Кому мы готовы принести
жертву?*

*Помилует ли Он нас – Тот, Кто создал землю,
сотворил небо и сияющее море?
Кто Он – Тот, Кому мы готовы принести жертву?*

Веды

Глава 1

Когда на ферме Уэйнов в Вермонте, неподалеку от Питтсфорда, убрали урожай, когда заготовили на зиму дрова, а земля покрылась первым легким снегом, на закате дня Джозеф Уэйн подошел к креслу возле камина и предстал перед отцом. Мужчины были очень похожи. Обоих отличали высокие крепкие скулы и крупный нос; казалось, их лица слеплены из материала более прочного и долговечного, чем человеческая плоть, – из неподвластной воздействию времени каменистой субстанции. Черная шелковистая борода Джозефа была достаточно редкой, чтобы позволить рассмотреть смутные очертания волевого подбородка, а длинная борода старика давно побелела. Время от времени он осторожно ее гладил, предусмотрительно закру-

чивая концы внутрь. Потребовалось время, прежде чем отец поднял безмятежные, мудрые, небесно-голубые глаза и заметил присутствие сына. Глаза Джозефа – такие же голубые – горели нетерпением и любопытством молодости. Сейчас, стоя перед отцом, Джозеф волновался, не решаясь признаться в новой ереси.

– У нас слишком мало земли, сэр, – робко проговорил он.

Старик поправил на худых прямых плечах пастуший плед и спросил мягким, созданным для простых и правдивых речей голосом:

– На что хочешь пожаловаться, Джозеф?

– Слышали, что Бенджи ухаживает за девушкой, сэр? Весной собирается жениться. Скорее всего, осенью родится ребенок, а следующим летом подоспеет еще один. Земля не способна растягиваться, сэр. Всем места не хватит.

Старик медленно опустил глаза и посмотрел на свои вялые, сложенные на коленях пальцы.

– Бенджамин еще ничего мне не говорил. Впрочем, Бенджамин никогда не внушал доверия. Ты уверен, что он ухаживает всерьез?

– Рэмси объявили о помолвке в Питтсфорде, сэр. Дженни Рэмси ходит в новом платье и выглядит симпатичнее, чем обычно. Сегодня я ее встретил, но она сделала вид, что не заметила меня.

– А! Тогда, наверное, так и есть. Но Бенджамин должен сам сказать.

– Видите ли, сэр, на всех нас земли не хватит.

Джон Уэйн снова поднял глаза.

– Земли достаточно, Джозеф, – проговорил он невозмутимо. – Бертон и Томас привели жен домой, и все благополучно разместились. По возрасту ты следующий. Пора жениться, Джозеф.

– Всему есть предел, сэр. Земля не прокормит такое количество едоков.

Взгляд отца заострился.

– Ты сердит на братьев, Джозеф? Возникла ссора, о которой я не слышал?

– Нет, сэр, – ответил сын. – Просто ферма слишком мала. К тому же, – он склонился к отцу и заговорил тише, – я давно мечтаю о собственном хозяйстве, сэр. Читал, что на западе есть хорошая дешевая земля.

Джон Уэйн вздохнул, снова погладил бороду и закрутил ее концы внутрь. В комнате повисло задумчивое молчание. Джозеф стоял перед отцом, ожидая решения.

– Если бы ты подождал год, – наконец проговорил старик. – В тридцать пять лет год другой ничего не значат. Если бы согласился подождать год – точно не больше двух, – я бы не стал возражать. Ты не старший из моих сыновей, Джозеф, однако мне всегда казалось, что благословение принадлежит тебе. Томас и Бертон – хорошие люди, верные сыновья, но благословение я хранил для тебя, чтобы ты смог занять мое место. Сам не знаю почему. В тебе больше силы, чем в братьях, Джозеф. Больше уверенности и глубины.

– Но идет заселение западных земель, сэр. Достаточно всего лишь прожить там год, построить дом и начать пахать, чтобы участок стал твоим. Никто и никогда не сможет его забрать.

– Знаю, слышал. Но представь, что уедешь сейчас. Лишь письма поведают мне, как ты живешь и что делаешь. А спустя год – не больше чем два – сам отправлюсь с тобой. Я уже стар, Джозеф. Да, отправлюсь с тобой – полечу по воздуху, над твоей головой. Своими глазами увижу, какую землю выберешь и что за дом построишь. Все это очень интересно. Может быть, время от времени даже смогу тебе помогать. Например, если вдруг потеряется корова, подскажу, где ее найти: ведь с высоты далеко видно. Подожди немного, Джозеф, и тогда уезжай.

– Но землю быстро разбирают, – упрямо возразил Джозеф. – Прошлый век закончился уже три года назад. Пока буду ждать, все хорошие участки займут. Мне нужна своя земля, сэр. – В голубых глазах вспыхнул лихорадочный, голодный огонь.

Джон Уэйн несколько раз кивнул и плотнее запахнул плед.

– Вижу, что тобою движет не минутное беспокойство, – проговорил он задумчиво. – Может быть, смогу найти тебя позже, когда придет мой час. – И продолжил уже решительно: – Подойти ко мне, Джозеф. Положи ладонь сюда... нет, вот сюда. Так делал мой отец. Старинный обычай не обманет. Хорошо, оставь ладонь там! – Он склонил седую голову. – Да пребудет с этим сыном благословение Господне и мое благословение. Пусть он живет в сиянии светлого Лица. Пусть любит свою жизнь.

Джон Уэйн на миг умолк и произнес главные слова:

– Теперь, Джозеф, можешь отправиться на запад. Я тебя отпускаю.

Вскоре пришла зима, на землю лег глубокий снег, а воздух насквозь промерз и стал колючим. Целый месяц Джозеф бродил по комнатам, не в силах расстаться с молодостью и теми вещами, которые живо напоминали о ней, однако отцовское благословение отсекло все связи. Он стал чужим в родном доме и почувствовал, что братья обрадуются отъезду. Отправился в путь еще до прихода весны, а когда прибыл в Калифорнию, увидел, что холмы покрыты сочной зеленой травой.

Глава 2

После долгих скитаний Джозеф приехал в обширную долину под названием Нуэстра-Сеньора, где занял и зарегистрировал участок земли. Нуэстра-Сеньора – названная в честь Пресвятой Девы протяженная долина в центральной Калифорнии – встретила его разнообразием пышной растительности. В зарослях дикого овса желтели канареечные цветы горчицы. По узкому лесистому убежищу, по каменистому руслу с шумом мчалась река Сан-Францискито. Вдоль океанского берега тянулись две параллельные гряды холмов. Они замыкали узкое пространство, с одной стороны ограждая его от морской стихии, а с другой – защищая от прилетавших из долины Салинас резких ветров. Далеко на юге холмы расступались, чтобы выпустить реку на волю, а возле этого величественного портала приютилась церковь и вырос крохотный городок Пресвятой Девы. Глиняные стены храма стояли в окружении убогих хижин мексиканских индейцев. Хотя сейчас церковь часто пустовала, святые обветшали, черепица с крыши обвалилась и неопрятной кучей лежала рядом, а колокола разбились, эти люди по-прежнему жили здесь: отмечали свои праздники, танцевали хоту на плотно утрамбованной земле и спали на солнце.

Зарегистрировав право на землю, Джозеф Уэйн безотлагательно отправился на свой участок. Под широкополой шляпой возбужденно сияли голубые глаза; ноздри жадно вдыхали ароматы долины. Всадник был одет в новые джинсы с медными заклепками на поясе, голубую рубашку и жилет со множеством карманов. На новых сапогах с высокими каблуками сверкали серебристые шпоры. По дороге ему встретился старый мексиканец, который устало брел обратно в городок. Когда Джозеф подъехал ближе, загорелое морщинистое лицо вспыхнуло радостью. Незнакомец снял шляпу и отошел в сторону.

– Где-то праздник? – спросил он вежливо.

Джозеф рассмеялся.

– Получил в долине сто шестьдесят акров земли. Собираюсь здесь жить.

Глаза прохожего замерли на притаившемся под ногой Джозефа зачехленном ружье.

– Если увидите оленя, сеньор, и убьете, вспомните о Старике Хуане.

Джозеф поехал дальше, однако отозвался через плечо:

– Как только построю дом, непременно устрою праздник и приглашу тебя, Старик Хуан.

– Мой зять играет на гитаре, сеньор.

– Значит, он тоже придет, Старик Хуан.

Шурша копытами по сухим дубовым листьям, задевая железными подковами торчащие из земли камни, лошадь энергично пошла дальше. Дорога вела вдоль берега реки, по длинной лесной полосе. Под пологом деревьев Джозеф пережил робость и волнение, словно юноша перед свиданием с опытной и прекрасной женщиной. Лес заворожил и ошеломил. В переплетении веток и побегов, в прорезанном рекой среди деревьев длинном зеленом углублении, в блестящем подлеске присутствовала странная женственность. Бесконечные зеленые залы, коридоры и альковы таили смыслы столь же неясные и многообещающие, как символы некой древней религии. Джозеф вздрогнул и прикрыл глаза. «Может быть, я заболел, – подумал он. – Открыв глаза, пойму, что все это – лихорадка и бред». Чем дальше он ехал, тем больше боялся, что окружающая красота окажется горячечным сновидением и сменится сухим пыльным утром. Зацепившись за ветку толокнянки, с головы слетела шляпа. Джозеф спешил, чтобы ее поднять, а когда наклонился, бережно прикоснулся ладонью к земле. Хотелось поскорее сбросить странное ощущение нереальности. Он взглянул на верхушки деревьев, где в солнечных лучах трепетали листья и хрипло пел ветер. Снова сел верхом и понял, что никогда не утратит страстной любви к земле. Скрип седла, тихий звон шпор, скрежет лошадиного языка по мундштуку сливались в прекрасную, вторившую живой пульсации мелодию. Джо-

зеф чувствовал себя так, словно очнулся от долгого забытья и внезапно обрел чувства; словно только что проснулся после беспробудного сна. В глубине сознания таилась мысль о собственной неверности. Прошрое, родной дом и все события детства утонули в туманной мгле; он понял, что должен найти способ сохранить воспоминания. Если не сопротивляться, новая земля захватит и поглотит целиком, без остатка. Чтобы что-то противопоставить силе природы, Джозеф начал думать об отце: о его спокойствии и умиротворении, о силе и бесконечной правоте. Постепенно различия исчезли; стало ясно, что никакого конфликта нет, что отец и эта земля – единое целое. Джозеф испугался.

– Отец умер, – прошептал он. – Должно быть, мой отец умер.

Лошадь вышла из прибрежного леса и зашагала по гладкой извилистой тропе, очертаниями напоминавшей след питона. Тропу эту протоптали копыта и мягкие лапы одиноких пугливых зверей, которые ходили по ней, словно радуясь даже призрачной компании. Бесконечные истории сменяли друг друга на каждом шагу. Вот тропинка почтительно огибала большой раскидистый дуб, где когда-то давным-давно пума поймала добычу и пометила место, чтобы преградить путь соперникам. А вот обходила стороной гладкий камень, где гремучая змея любила согреть свою холодную кровь. Не пропуская ни единого предупреждения, лошадь мудро выбирала середину дороги.

Неожиданно тропа привела на просторный луг, в центре которого, подобно зеленому острову посреди светлого озера, высилась дубовая роща. Подъезжая к деревьям, Джозеф услышал отчаянный предсмертный визг. Он обогнул рощу и увидел огромного кабана с загнутыми клыками, желтыми глазами и потрепанной рыжей гривой. Зверь жадно пожирал еще живого поросенка. Дикая свинья и пятеро уцелевших поросят в ужасе убегали прочь. Едва почуяв посторонний запах, вепрь на миг замер, однако лишь фыркнул, вернулся к визжащей жертве и продолжил трапезу. Джозеф натянул поводья. Лицо исказилось гневом; глаза побледнели, став почти белыми.

– Черт подери! – громко воскликнул он. – Ешь других тварей, а не собственных детей!

Он выхватил из чехла ружье и прицелился между желтых глаз. Однако в следующий миг напряженный палец ослаб, так и не нажав на курок, и ствол опустился. Джозеф коротко рассмеялся.

– Слишком много на себя беру, – проговорил он вслух. – Этот кабан уже произвел на свет полсотни поросят и произведет еще столько же.

И поехал своей дорогой, оставив зверя в покое.

Тропа повела вдоль длинного узкого холма, надежно защищенного кустарником: ежевика, толокнянка и дуб заостренный переплелись так плотно, что даже кроликам пришлось прогрызать в зарослях тоннели. Дорога поднялась на гребень и привела к полосе разнообразных дубов: здесь росли дуб американский, дуб виргинский и дуб белый. Среди ветвей возник крошечный белый клочок тумана и тут же легко взлетел над верхушками деревьев. Вскоре за ним последовал другой прозрачный лоскут, а потом еще и еще один. Становясь все больше и больше, они парили подобно частично материализованному привидению, пока не наткнулись на поток теплого воздуха и, став маленькими облачками, не поднялись в небо. По всей долине рождались и уносились ввысь хрупкие крошечные облачка. Наверное, точно так же из спящего города улетают души умерших. Казалось, они исчезали в голубом просторе, однако солнце отдавало им часть своего тепла. Лошадь подняла голову и принюхалась. На вершине холмистой гряды возвышались огромные земляничные деревья. С суеверным страхом Джозеф заметил, насколько эти странные создания напоминают человеческие мускулы: длинные красные сучья торчат, как освежеванная плоть, и извиваются, как тела на дыбе. Проезжая мимо, Джозеф прикоснулся к одной из веток: кора оказалась холодной, гладкой и жесткой. Однако на концах ужасных побегов росли блестящие ярко-зеленые листья. Земляничное дерево – жесткое и страшное растение. В огне оно кричит от боли.

Джозеф поднялся на вершину и посмотрел вниз – на простор своих новых владений, где от легкого ветерка перекачивались серебристые волны дикого овса, где в прозрачном вечернем свете синели островки люпинов, где маки на соседних холмах напоминали яркие солнечные лучи. Он остановился, чтобы впитать красоту обширных лугов, в которых царственно возвышались группы виргинских дубов, правя миром. Следуя собственному причудливому замыслу, по долине капризно струилась прикрытая деревьями река. Впереди, на расстоянии двух миль, возле огромного старинного дуба белело крошечное пятнышко: палатка, которую Джозеф поставил и тут же покинул, чтобы зарегистрировать право на землю. Сейчас он долго сидел неподвижно, любуясь долиной и чувствуя, как тело заливает горячая волна любви.

– Все это мое, – тихо, просто проговорил он. Глаза наполнились слезами, а сознание с трудом приняло удивительную новость. Он до жалости, до боли любил траву и цветы; деревья были его детьми; сама земля была его ребенком. На миг он воспарил и взглянул с высоты. – Это моя земля, – повторил уверенно, – и я должен о ней заботиться.

В небе собирались облака; целый легион спешил на восток, чтобы присоединиться к уже выстроившейся на холмистой линии армии. Из-за западных гор наступали скудные серые океанские тучи. Ветер налетел внезапно и вздохнул в ветвях деревьев. Лошадь легко пошла по спускающейся к реке тропинке, то и дело поднимая голову и принюхиваясь к свежему сладкому аромату подступающего дождя. Облачная кавалерия промчалась, и теперь на смену ей под ропот грома с океана медленно подступала огромная черная фаланга. Джозеф вздрогнул от радости, предвкушая разгул стихии. Что-то взволнованно бормоча встречным камням, река спешила по своим делам. И вот начался дождь: тяжелые капли лениво зашлепали по листьям. Гром прокатился по небу, как обоз с боеприпасами. Постепенно капли становились мельче и чаще, наполняя воздух и с шумом пробиваясь сквозь деревья. Уже спустя минуту одежда Джозефа промокла насквозь, а шкура лошади заблестела. Форель в реке заметалась, ловя утонувших насекомых, а стволы деревьев потемнели от влаги.

Тропа снова отступила от реки. Когда Джозеф подъехал к палатке, тучи уже откатились с запада на восток, подобно занавесу из серой шерсти. Позднее солнце осветило умытую землю, засверкало на мокрой траве и зажгло искры в серединках цветов. Джозеф спешился, расседлал лошадь, бережно протер тряпкой ее мокрую натруженную спину, отпустил усталое животное пасти и остановился перед палаткой. Закатное солнце играло на темных висках, вечерний ветерок шевелил бороду. При взгляде на протяженную долину голод в его глазах сменился алчностью. Жажда обладания переросла в страсть.

– Все это мое, – проговорил Джозеф нараспев. – Мое с начала и до конца – вширь и вглубь, до самого центра мира. – Он потоптался на мягкой земле. Ликование переросло в острую боль вождения, горячим потоком захлестнувшего тело. Он бросился на траву и прижался щекой к мокрым стеблям. Пальцы впились в растения, вырывали их с корнем и впились снова. Бедра тяжело бились о землю.

Когда приступ неистовства иссяк, на смену пришли холод, недоумение и страх перед самим собой. Джозеф сел, стер грязь с губ и бороды.

– Что это было? – спросил, обращаясь к деревьям. – Что на меня нашло? Неужели вождение способно овладеть мной с такой силой?

Джозеф попытался вспомнить, что случилось, и понял, что на миг земля стала его возлюбленной.

– Надо срочно жениться, – решил он. – Без жены здесь будет слишком одиноко.

Он устал. Тело болело, как будто пришлось поднять огромный камень, а внезапная страсть пугала.

Потом Джозеф развел небольшой костер и приготовил скудный ужин, а когда пришла ночь, сел возле палатки, посмотрел на холодные белые звезды и почувствовал, как мерно дышит его земля. Костер догорел, оставив лишь кучку углей. Среди холмов хохотали койоты,

над головой с криком пролетали маленькие совы, вокруг сустились в траве мелкие зверьки. Через некоторое время за восточной грядой показалась медовая луна. Прежде чем золотое лицо поднялось над холмами, оно осторожно выглянуло из-за решетки сосен. На мгновение острая верхушка пронзила диск и тут же пропала: луна вошла во всей красе.

Глава 3

Задолго до того, как появились повозки со строительными материалами, Джозеф услышал сладостный, хотя и грубый лязг колокольчиков – маленьких, но громких колокольчиков, предупреждавших встречные повозки об опасности столкновения на узкой дороге. Джозеф успел подготовиться к приему гостей: умылся, расчесал волосы и бороду. Глаза сияли радостным ожиданием, ведь уже две недели он не видел ни единого человека. Наконец среди деревьев показались большие телеги. Лошади двигались коротким напряженным шагом и с трудом тянули тяжелый груз по грубой, еще не утрамбованной дороге. Первый погонщик снял шляпу и приветственно помахал; на медной бляхе сверкнул солнечный луч. Джозеф вышел навстречу и уселся на козлы рядом с человеком средних лет, с коротко остриженными седыми волосами и смуглым, похожим на табачный лист лицом. Погонщик переложил поводья в левую руку и протянул правую.

– Думал, приедете раньше, – заговорил Джозеф. – Неприятности в пути?

– Не то чтобы неприятности, мистер Уэйн. У Хуанито подломилась ось, а у моего сына Вилли переднее колесо угодило в яму. Уснул, наверное. Последние две мили дорога никуда не годится.

– Ничего, – успокоил Джозеф. – Когда проедет побольше телег, земля уплотнится и дорога станет ровнее. – Он показал пальцем: – Разгрузим возле того большого дуба.

На лице погонщика отразилось сомнение.

– Собрались строить дом под деревом? Напрасно. Может отломиться большая ветка, и тогда крыше не поздоровится. Да еще, чего доброго, упадет на вас, когда будете спать.

– Это молодой крепкий дуб, – заверил Джозеф. – Не хочу строиться вдали от деревьев. Разве ваш дом стоит на голом месте?

– Нет. Потому и предупреждаю. Проклятая лачуга оказалась как раз под деревом. Сам не понимаю, как меня угораздило туда залезть. Немало ночей провел без сна, прислушиваясь к ветру и представляя, как ветка толщиной с бочку проломит крышу. – Он остановил лошадей и обмотал поводья вокруг тормоза. – Все, приехали! – крикнул товарищам.

Выгрузив доски, привязав лошадей головами к центру – так, чтобы в случае опасности животные смогли отбиться задними копытами, – и надев им на морды торбы с овсом, погонщики расстелили в повозках одеяла, а Джозеф тем временем развел костер и принялся готовить ужин. Держа сковородку высоко над огнем, он то и дело переворачивал куски копченой свинины. Старший из троих погонщиков – Ромас – подошел и сел рядом.

– Двинемся в обратный путь рано утром. Без груза скоро доберемся.

Джозеф убрал сковородку с огня.

– Почему не отпускаете лошадей пастись?

– Во время работы? Нет, ни за что. Трава не дает силы. Чтобы выдержать такую дорогу, нужно жевать что-нибудь обстоятельное. Если хотите приготовить мясо, лучше на минуту поставьте сковородку в огонь.

Джозеф покачал головой:

– Не знаете, как нужно правильно жарить бекон. Только на слабом огне и постоянно переворачивая. Иначе весь жир вытопится.

– Все равно еда, – возразил Ромас. – А еда и есть еда.

Хуанито и Вилли подошли вместе. На смуглом лице Хуанито ярко сияли голубые глаза. Покрытое пылью, но все равно бледное лицо Вилли обезобразил какой-то неизвестный недуг, а глаза смотрели воровато и испуганно: никто из посторонних не знал, какие приступы сотрясали по ночам его тщедушное тело и какие мрачные видения терзали во сне его расстроенный ум. Джозеф приветливо улыбнулся.

– Видите мои глаза? – заговорил Хуанито задиристо. – Я не индеец. Родился в Кастилии. У меня голубые глаза. Взгляните на кожу. Она смуглая, но это от солнца. А у кастильцев глаза голубые.

– Парень всем рассказывает свою легенду, – вставил Ромас. – Любит найти незнакомца и сообщить красивую историю. В Нуэстра-Сеньора каждый знает, что его мать родом из индейского племени. А кто отец – одному Богу известно.

Хуанито смерил обидчика гневным взглядом и прикоснулся к висевшему на поясе длинному ножу, однако Ромас лишь рассмеялся.

– Уверяет, что непременно кого-нибудь убьет этим ножом, и страшно собой гордится. Но сам знает, что никогда этого не сделает, а потому не особенно задается. Лучше поточи палочку, чтобы есть бекон, Хуанито, – посоветовал Ромас снисходительно. – А когда в следующий раз начнешь врать насчет Кастилии, заранее позаботься, чтобы никто из слушателей тебя не знал.

Джозеф поставил сковородку и осуждающе взглянул на Ромаса.

– Зачем вы на него нападаете? Что в этом хорошего? Оттого, что парень родился в Кастилии, никому не станет хуже.

– Это ложь, мистер Уэйн. А одна ложь ничем не отличается от другой. Если поверите в первую ложь, он тут же придумает следующую. Через неделю окажется кузеном испанской королевы. Хуанито – погонщик, причем чертовски хороший. Не могу допустить, чтобы он стал принцем и бросил работу.

Однако Джозеф покачал головой и снова взялся за сковородку. Не поднимая глаз, произнес:

– И все же я верю, что Хуанито – настоящий кастилец. Голубые глаза и что-то еще. Не знаю почему, но думаю, что так и есть.

Хуанито посмотрел твердо и гордо.

– Спасибо, сеньор. Вы говорите правду. – Он выпрямился. – Мы понимаем друг друга, сеньор, потому что оба – кабальеро.

С едва заметной улыбкой Джозеф разложил мясо по оловянным тарелкам и налил кофе.

– А мой отец считает себя почти Богом. Впрочем, так оно и есть.

– Не понимаете, что творите, – возмутился Ромас. – Что мне делать с этим кабальеро? Теперь наверняка откажется трудиться. Будет ходить и восхищаться собой.

Джозеф подул в кружку.

– Когда окончательно возгордится, найду ему применение. Здесь кастилец всегда пригодится.

– Проклятье! Он отъявленный мошенник!

– Знаю, – спокойно ответил Джозеф. – Джентльмены всегда таковы. Их не заставить работать.

Хуанито торопливо поднялся и уже собирался было скрыться в сгустившейся тьме, однако Вилли пришел ему на помощь и пояснил:

– Всего лишь лошадь запуталась в привязи.

На западе по-прежнему серебрился последний свет, но долина Нуэстра-Сеньора уже наполнилась тьмой вплоть до вершин окружающих гор. Появившиеся на стальном небе звезды мигали, тщетно пытаясь победить ночь. Четверо мужчин сидели вокруг догорающего костра; на сильных лицах играли тени. Джозеф гладил бороду; глаза смотрели задумчиво и отрешенно. Ромас обхватил руками колени. Сигарета у него во рту напоследок вспыхнула и погасла. Хуанито держал голову прямо и сквозь опущенные ресницы пристально наблюдал за Джозефом. Бледное лицо Вилли висело в воздухе независимо от тела, а рот время от времени искажался нервной гримасой под тонким длинным носом, напоминая клюв попугая.

Когда костер почти погас, оставив на виду лишь лица, Вилли вытянул худую руку, и Хуанито с силой сжал его пальцы. Он знал, как пугает товарища темнота. Джозеф опустил в костер ветку, зажег огонек и обратился к старшему из погонщиков:

– Ромас, трава здесь сильна, а земля тучна и свободна. Нужно лишь вспахать. Почему же она до сих пор пустовала? Почему никто ее не взял?

Ромас выплюнул окуроч в костер.

– Не знаю. Люди не спешат приходить в этот край. Слишком далеко от большой дороги. Думаю, если бы не засушливые годы, кто-нибудь обязательно бы здесь поселился. Они надолго нас задержали.

– Засушливые годы? Когда они случились?

– О, между восьмидесятыми и девяностыми. Тогда вся земля пересохла, колодцы истощились, а скот пал. – Он мрачно усмехнулся. – Уж поверьте, было так худо, что хуже не бывает. Половине из тех, кто здесь жил, пришлось уйти. Кто смог, перегнал скот к реке Сан-Хоакин. Там на берегах еще оставалась трава. Коровы дохли прямо на дороге. Я тогда был молодым, но до сих пор помню мертвых коров с раздутыми животами. Мы в эти животы стреляли, и они сдувались, как проткнутые воздушные шары. Вонь стояла нестерпимая.

– Но дожди все-таки вернулись, – торопливо возразил Джозеф. – Сейчас земля полна влаги.

– Да, через десять лет наконец-то пошли дожди. Целые потоки. Тогда трава снова начала расти, а деревья зазеленели. Помню, как мы радовались. Люди в долине танцевали прямо под дождем; только гитаристы сидели под крышей, чтобы не намочить струны и не испортить инструменты. Все напилось допьяна и плясали в грязи. Причем не только мексиканцы. А потом пришел отец Анджело и заставил прекратить праздник.

– Но почему? – удивился Джозеф.

– Потому что люди творили в грязи непотребное. Отец Анджело страшно разозлился. Сказал, что мы призываем дьявола. Прогнал дьявола, заставил всех разойтись по домам и вымыться. На каждого наложил епитимью. Да, тогда отец Анджело не на шутку рассердился. Остался с нами до тех пор, пока дождь не кончился.

– Говорите, все были пьяны?

– Да, целую неделю. И делали плохие вещи – раздевались догола.

Хуанито перебил:

– Они радовались. Прежде колодцы стояли пустыми, сеньор. Холмы стали белыми, как пепел. А когда пришел дождь, люди обрадовались. Просто не могли сдержать восторг и от счастья делали плохие вещи. Люди всегда делают плохие вещи, когда слишком счастливы.

– Надеюсь, такое больше никогда не повторится, – тихо проговорил Джозеф.

– Отец Анджело решил, что это было наказание за прегрешенья, а индейцы сказали, что на памяти стариков такое уже дважды случалось.

Джозеф нервно поднялся.

– Не хочу думать о плохом. Уверен, что больше такое несчастье не случится. Смотрите, какая высокая и сочная трава.

Ромас развел руками:

– Возможно. Но особенно рассчитывать на милость нельзя. Пора спать. Нам вставать с рассветом.

Джозеф проснулся, когда холодная заря только занималась. Разбудил его пронзительный крик. «Наверное, сова, – подумал он. – Во сне звуки кажутся громче и страшнее». Однако, прислушавшись, различил сдавленное рыданье. Натянул джинсы, сапоги и выбрался из палатки. Из повозки доносился тихий плач. Рядом, перегнувшись через борт, стоял Хуанито.

– Что случилось? – спросил Джозеф, приглядевшись и поняв, что тот держит за руку спящего Вилли.

– Ему часто снятся страшные сны, – тихо пояснил Хуанито. – Иногда не может проснуться без моей помощи. А иногда, проснувшись, думает, что это сон, а то, что было, – явь. Ну же, Вилли, ты уже проснулся. Да, сеньор, ему снятся ужасные сны, и потому я его щиплю. Ему страшно.

Из соседней повозки донесся голос Ромаса:

– Вилли слишком много ест на ночь, а потом страдает кошмарами. С детства. Ложитесь спать, мистер Уэйн.

Однако Джозеф склонился, увидел на лице Вилли ужас и попытался успокоить:

– Не бойся, Вилли. Ничего плохого не случится. Если хочешь, иди в мою палатку.

– Ему постоянно снятся какое-то ярко освещенное место – сухое и мертвое. Из нор выходят люди и начинают отрывать ему руки и ноги, сеньор. И так почти каждую ночь. Смотри, Вилли, я рядом. А вокруг собрались лошади и смотрят на тебя. Иногда, сеньор, лошади ему помогают. Он любит спать возле них. Как будто оказывается в этом страшном, сухом, мертвом месте, но добрые лошади защищают от злых людей. Ложитесь, сеньор, я с ним побуду.

Джозеф прикоснулся ко лбу Вилли и ощутил каменный холод.

– Сейчас разведу костер, чтобы он согрелся.

– Бесполезно, сеньор. Он всегда такой холодный. Никогда не может согреться.

– Ты хороший парень, Хуанито.

Хуанито отвернулся.

– Вилли – мой товарищ, сеньор.

Джозеф согрел ладонь о теплый бок лошади и вернулся в палатку. В слабом свете утра сосновая роща на восточном гребне казалась черной зазубренной линией. Трава лениво колыхалась при вздохах пробуждающегося ветерка.

Глава 4

Скелет квадратного дома, разделенного внутренними стенами на четыре равные комнаты, стоял в ожидании кожи. Огромный одинокий дуб простер над крышей хранительную руку. Почтенное дерево сияло молодыми листьями, желто-зелеными в лучах утреннего солнца.

Постоянно потряхивая сковородку, Джозеф поджарил на костре бекон. Потом, прежде чем приняться за завтрак, подошел к новому сараю, где стояла бочка. Налил полный таз воды и, зачерпывая ее пригоршнями, тщательно умылся: щедро намочил волосы, бороду и особенно старательно промыл глаза, чтобы прогнать остатки сна. Ладонями стер воду и явился к завтраку с сияющим влагой лицом. Роса на траве вспыхивала искрами. Возле палатки, с дружеским любопытством вытягивая клювы, прыгали три луговых жаворонка в желтых жилетках и светло-серых сюртучках. Время от времени они надувались, задирали головы, как самовлюбленные примадонны, и раздражались восторженной песней, а потом косились на Джозефа, словно спрашивая, оценил ли слушатель мастерство. Джозеф поднял оловянную кружку, допил кофе, а гущу выплеснул в костер. Встал, потянулся на уже ярком солнце, подошел к каркасу дома и откинул прикрывавший инструменты кусок парусины. Жаворонки побежали следом, время от времени останавливаясь, чтобы привлечь внимание отчаянной песней. Две стреноженные лошади приковыляли с пастбища, подняли головы и приветливо фыркнули. Джозеф взял молоко, повязал фартук с полными гвоздей карманами и раздраженно повернулся к жаворонкам.

– Отправляйтесь искать червей! – приказал он строго. – Хватит кричать. Из-за вашего шума скоро самому захочется поймать червяка. Уходите!

Взглянув удивленно, три жаворонка запели в унисон. Джозеф взял с кучи досок широкополую черную шляпу и надвинул на глаза.

– Отправляйтесь за червяками! – повторил он сердито. Лошади снова фыркнули, а одна пронзительно заржала. Джозеф тут же с явным облегчением бросил молоток.

– Привет! Кто к нам едет?

Из-за деревьев, с дороги, послышалось далекое ответное ржание, а через некоторое время показался всадник на усталом коне. Джозеф поспешил к дремлющему костру, разбудил огонь, снова поставил кофейник и довольно улыбнулся.

– Сегодня не хотелось работать, – признался он жаворонкам. – Летите за червяками, теперь мне некогда с вами разговаривать.

В этот момент подъехал Хуанито. Легко спрыгнул на землю, двумя движениями расседлал лошадь, а потом сорвал с головы сомбреро и с улыбкой замер в ожидании приветствия.

– Хуанито! Рад тебя видеть! Ты ведь еще не завтракал, верно? Сейчас что-нибудь поджарю.

Осторожная улыбка Хуанито мгновенно превратилась в широкую и радостную.

– Ехал всю ночь, сеньор. Явился, чтобы стать вашим вакеро¹.

Джозеф подал руку.

– Но у меня ведь нет ни одной коровы, Хуанито. Некого пасти.

– Появятся, сеньор. Готов выполнять любую работу. Я хороший вакеро.

– Сможешь помочь в постройке дома?

– Конечно, сеньор.

– А оплата, Хуанито? Сколько я должен тебе платить?

Голубые глаза торжественно прикрылись густыми ресницами.

¹ Вакеро – испанское название пастуха, ковбоя. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

– Мне уже доводилось работать вакеро, сеньор. Хорошим. Те люди каждый месяц платили мне тридцать долларов и называли индейцем. Хочу стать вашим другом, сеньор, и работать бесплатно.

Джозеф на миг растерялся.

– Кажется, понимаю, о чем ты говоришь, Хуанито, но, когда поедешь в город, деньги понадобятся, чтобы пропустить стаканчик и встретиться с девушкой.

– Когда соберусь в город, можете что-нибудь мне подарить, сеньор. Подарок – это не плата за работу. – Улыбка вернулась. Джозеф налил кофе.

– Ты – верный друг, Хуанито. Спасибо.

Хуанито запустил пальцы за ленту сомбреро и достал письмо.

– Вот что я вам привез, сеньор.

Джозеф взял письмо и медленно отошел в сторону. Он знал, о чем оно. Больше того, ожидал этого известия. Да и сама земля тоже знала: трава замерла, жаворонки улетели, и даже коноплянки прекратили щебетать в ветвях дуба. Джозеф сел на доски под дубом и осторожно надорвал конверт. Письмо пришло от Бертон.

«Томас и Бенджи попросили написать тебе, – начал брат. – То, что, как мы знали, должно было случиться, случилось. Смерть потрясает даже тогда, когда понимаешь, что она неминуема. Три дня назад отец отошел в царство вечности. Все мы оставались с ним до последнего мига. Все, кроме тебя. Надо было подождать.

В последнее время сознание отца помутилось. Он говорил очень странные вещи. Дело не в том, что он часто упоминал о тебе, но он беседовал с тобой. Сказал, что мог бы прожить столько, сколько сам решит, однако очень хочет увидеть твою новую землю. Эта новая земля захватила воображение отца целиком. Конечно, его разум померк. Он заявил, что не знает, сможет ли Джозеф выбрать хорошую землю. Не знает, хватит ли у сына опыта. А потому должен отправиться туда и посмотреть сам. Потом много рассуждал о полетах над землей; ему казалось, что он летит. Наконец уснул. Бенджи и Томас вышли из комнаты. Отец бредил. Не следовало бы повторять его слова, потому что он уже не был собой. Заговорил о спаривании животных. Сказал, что вся земля – это... Нет, нельзя повторять такие слова. Я попытался уговорить отца помолиться вместе со мной, но он уже почти отошел. Меня беспокоит, что последние его мысли не были христианскими. Другим братьям я ничего не сказал, потому что слова эти предназначались тебе. Он беседовал с тобой».

Далее следовало подробное описание похорон, а заканчивалось письмо так:

«Томас и Бенджи считают, что, если на западе еще осталась свободная земля, все мы могли бы туда переехать. Дождемся твоего ответа и тогда решим, что делать дальше».

Джозеф выронил письмо и закрыл лицо ладонями. Сознание молчало в оцепенении, но печали не было. Он спрашивал себя, почему не испытывает горя. Бертон осудил бы его, узнав, что в его душе растет чувство радости и счастливого предвкушения. Он слышал, как на землю возвращаются звуки. Жаворонки строили маленькие хрустальные башенки мелодий, земляная белка сидела у входа в нору и о чем-то громко рассуждала. Ветер пошептался с травой, а потом задул сильно и уверенно, разнося по долине ароматы растений и влажной земли, а огромное дерево ожило и заволновалось. Джозеф поднял голову, посмотрел на мощные, свободно раскинувшиеся ветки. В глазах вспыхнуло узнавание и приветствие, ибо сильная и простая суть отца, в юности воплощенная в облаке счастья, теперь вселилась в дуб.

Джозеф приветственно поднял руку и тихо произнес:

– Рад, что вы пришли, сэр. До сих пор не признавал, как мне вас не хватало.

Дерево едва заметно кивнуло.

– Теперь сами видите, насколько хороша эта земля, – негромко продолжил Джозеф. – Вам здесь понравится, сэр.

Он встряхнул головой, чтобы прогнать остатки оцепенения, и рассмеялся – то ли устыдившись хороших мыслей, то ли удивившись внезапному ощущению родства с дубом.

– Наверное, это от одиночества. Хорошо, что теперь со мной Хуанито и что приедут братья. А то уже начинаю разговаривать сам с собой.

Вдруг нахлынуло чувство вины. Он поднялся, подошел к ставшему родным дереву и поцеловал кору. Вспомнил, что Хуанито, должно быть, наблюдает, и с вызовом посмотрел на парня. Однако тот сидел, опустив голову и пристально изучая землю. Джозеф вернулся к костру.

– Наверняка видел... – начал он сердито.

– Ничего не видел, сеньор, – возразил Хуанито, не поднимая глаз.

Джозеф сел рядом.

– Мой отец умер.

– Глубоко сожалею, друг мой.

– Хочу об этом поговорить, Хуанито, потому что мы с тобой друзья. Я не печалюсь: верю, что отец здесь.

– Мертвые всегда здесь, сеньор. Они никогда от нас не уходят.

– Нет, – серьезно возразил Джозеф. – Дело в другом. Отец живет в этом дереве. Отец и есть дерево! Глупо, но хочется верить, что это так и есть. Можешь немного со мной поговорить, Хуанито? Ты родился в этом краю. А я, как только сюда приехал, в первый же день понял, что эта земля полна призраков. – Он растерянно помолчал. – Нет, неправильно. Призраки – всего лишь слабые тени настоящего. А то, что здесь живет, более реально, чем мы. Мы – призраки здешней реальности. Что это, Хуанито? Неужели разум мой ослаб от двух месяцев одиночества?

– Мертвые никогда не уходят, сеньор, – повторил Хуанито и посмотрел прямо перед собой глазами, полными огромного горя. – Я обманул вас, сеньор. Я не кастилец. Моя мать была индианкой и многому меня научила.

– Чему же именно? – требовательно уточнил Джозеф.

– Отец Анджело осудил бы мои слова. Матушка говорила, что земля – наша мать; что все живое черпает из нее силы для существования и уходит обратно в ее чрево. Вспоминая об этом, сеньор, и чувствуя, что верю, потому что все вижу и слышу, начинаю думать, что я не кастилец и не кабльеро. Я – настоящий индеец.

– Но я же вовсе не индеец, Хуанито, а сейчас тоже начинаю все видеть.

Хуанито взглянул благодарно и сразу опустил глаза. Некоторое время мужчины сидели, глядя в землю, и Джозеф спрашивал себя, почему не пытается защититься от той силы, которая наступала с непреодолимым упорством.

Наконец Джозеф поднял голову и посмотрел сначала на дуб, а потом на стоящий под деревом каркас дома.

– По большому счету, все это не важно, – проговорил он решительно. – Мои чувства и мысли не убьют ни призраков, ни богов. Надо работать, Хуанито. Вот дом, который необходимо построить, а вот ранчо, где надо завести скот. Будем трудиться, не обращая внимания на призраки. Пойдем, – добавил Джозеф поспешно, – некогда сидеть и раздумывать.

И они отправились строить дом.

Тем вечером Джозеф написал братьям письмо:

«Рядом с моим участком есть свободная земля. Каждый из вас сможет получить по сто шестьдесят акров, и тогда всего у нас получится шестьсот сорок акров единым массивом. Трава здесь высока и густа, а землю нужно лишь обработать. Нет никаких камней, Томас, о которые может затупиться твой плуг, никаких торчащих валунов. Если приедете, станем жить новой общиной».

Глава 5

Когда братья приехали и устроились на земле, трава уже созрела для покоса. Старший, сорокадвухлетний Томас, был плотным сильным человеком с золотыми волосами, длинными желтыми усами, круглыми румяными щеками и по-зимнему холодными голубыми глазами под полуопущенными веками. Томас интересовался всяким животным. Часто сидел на краю яслей, пока лошади жевали сено. Протяжный стон начавшей телиться коровы будил его в любой час ночи, и он спешил убедиться, что отел идет нормально, а при необходимости оказать помощь. Когда Томас шагал по лугу, лошади и коровы поднимали головы, нюхали воздух и направлялись к нему. Своими сильными тонкими пальцами Томас мог тянуть собак за уши до тех пор, пока те не начинали скулить от боли, но, как только он прекращал, снова с готовностью подставляли уши. Томас всегда держал несколько полудиких животных. Не успел он прожить на новом месте и месяца, как, помимо четырех дворняжек, собрал вокруг себя енота, двух койотов-подростков, которые бегали за ним по пятам и рычали на чужаков, целый ящик хорьков и краснохвостого сарыча. Он не проявлял доброты к животным – по крайней мере, больше той, какую они проявляли друг к другу, – но, должно быть, вел себя с понятной им последовательностью, поскольку все существа ему доверяли. Когда одна из собак неосторожно напала на енота и потеряла в схватке глаз, Томас сохранил полную невозмутимость. Выковырял разорванный глаз карманным ножом и прищемил собаке лапу, чтобы та забыла о ране. Томас любил и понимал животных, а если убивал, то не испытывал чувств более глубоких, чем испытывали они сами, убивая друг друга. Природное начало проявлялось в нем слишком определенно, чтобы допустить присутствие сентиментальности. Он ни разу не потерял ни одной коровы, потому что инстинктивно знал, куда та может забрести. Редко охотился, но если выходил из дома с ружьем, то отправлялся напрямик к убежищу зверя и убивал с быстротой и точностью льва.

Томас понимал животных, но вот людей не понимал и не очень им доверял. С людьми ему не о чем было разговаривать; такие вещи, как торговля и вечеринки, религия и политика, его пугали. Когда приходилось присутствовать на многолюдном сборище, Томас Уэйн появлялся и молчал, с нетерпением ожидая освобождения. И только Джозеф внушал брату родственные чувства; с ним Томас мог говорить подолгу и без тени страха.

Женой Томаса была Рама – сильная полногрудая женщина с почти сросшимися на переносице черными бровями. Она неизменно осуждала мысли и поступки мужчин. Опытная, умелая повитуха, она вселяла ужас в озорных детей и, хотя никогда не порола трех маленьких дочек, те боялись вызвать недовольство матери, поскольку она умела найти уязвимое место в душе и нанести точный удар. Рама хорошо понимала Томаса и обращалась с мужем как с прирученным зверем: содержала в чистоте, тепле и сытости и редко пугала. Рама с любовью создавала свой мир: стряпня, шитье, рождение детей, уборка представлялись ей самыми важными делами на свете; намного более важными, чем все, чем занимались мужчины. Не натворив ничего предосудительного, дети обожали Раму, так как она отыскивала и ублажала самые нежные уголки души. Ее похвала могла оказаться столь же тонкой и точной, сколь ужасным бывало наказание. Она сразу принимала под свое крыло всех окружающих детей. Двое детей Бертона ставили авторитет тетюшки намного выше непостоянных правил собственной матери: законы Рамы никогда не менялись; зло всегда оставалось злом и получало наказание, в то время как добро обладало вечным, восхитительным благом. В доме Рамы хорошее поведение сулило неоспоримое счастье.

Второго брата, Бертона, природа создала для религиозной жизни. Он боялся и сторонился зла, находя его почти во всяком тесном общении с людьми. Однажды после церковной службы Бертон получил похвалу с кафедры. Когда пастор заявил, что Бертон Уэйн – «человек, сильный в Боге», Томас шепнул Джозефу на ухо:

– Но слабый желудком.

Бертон обнимал жену четыре раза и имел двоих детей. Воздержание было для него естественным состоянием. Он никогда не чувствовал себя хорошо. Бледные впалые щеки выдавали тайное недомогание, а в глазах читалась жажда недостижимого на земле наслаждения. В каком-то смысле слабое здоровье его устраивало, ведь оно доказывало, что Бог думает о нем достаточно, чтобы заставлять страдать. Бертон обладал силой и выдержкой хронического больного: худые руки и ноги были крепки, как канаты.

Женой Бертон управлял сурово – в строгом соответствии с указаниями Священного Писания. Скупко сообщал собственные мысли и решительно укрощал ее чувства, когда те выходили за рамки положенного. Он точно знал, когда жена преступала установленные законы. А когда порою, как время от времени случалось, в сознании Хэрриет что-то ломалось, погружая ее в состояние бреда, Бертон молился возле постели жены до тех пор, пока ее губы вновь не обретали твердость и не переставали что-то невнятно бормотать.

Младший из четырех сыновей Джона Уэйна, Бенджамин, доставлял братьям немало неприятностей своей ненадежностью и распутным поведением. При любой возможности Бенджи напивался до состояния романтического тумана и, радостно распевая, бродил по округе. Выглядел он таким молодым, таким беспомощным и таким потерянным, что многие женщины жалели милого хмельного парня. Поэтому Бенджамин почти постоянно попадал в переделки. Увидев пьяненького сладкоголосого симпатягу с потерянными взглядом, женщины мгновенно уступали желанию прижать его к груди словно малого ребенка, чтобы оградить от ошибок. А потом с удивлением обнаруживали, что ребенок их соблазнил, и не могли понять, как это произошло: ведь он казался таким беспомощным. Бенджамин настолько плохо справлялся с жизнью, что все вокруг старались ему помочь. Молодая жена Дженни неустанно трудилась, чтобы избавить мужа от неприятностей, а когда ночью слышала пенье и понимала, что тот опять пьян, начинала молиться, чтобы он не упал и не разбился. Пение удалялось. Дженни понимала, что до наступления утра какая-нибудь растерянная, испуганная девушка обязательно бросится в объятия Бенджи, и тихо плакала от страха за мужа.

Бенджамин Уэйн жил счастливо и всем вокруг дарил счастье пополам с болью. Он непрерывно лгал, понемногу воровал, жульничал, нарушал обещания и злоупотреблял людской добротой. Однако все его любили, прощали и защищали. Отправившись на запад, братья взяли Бенджи с собой, опасаясь, что, оставшись один, тот погрузится в нищету и голод. Томас и Джозеф следили за порядком на его участке, а сам он занял палатку Джозефа и преспокойно жил в ней до тех пор, пока братья не нашли времени построить ему настоящий дом. Даже Бертон, постоянно бранивший Бенджи, ненавидевший его образ жизни и молившийся за его исправление, не смог стерпеть, что брат прозябает в палатке, и принял участие в работе. Братья не знали, где Бенджи добывает виски; это оставалось тайной. В долине Нуэстра-Сеньора мексиканцы поили симпатичного парня, обучали своим песням, а тот ловко соблазнял их жен, когда они смотрели в другую сторону.

Глава 6

Семьи обосновались вокруг большого дома Джозефа. Братья построили кое-какие скромные лачуги каждый на своей территории, поскольку были обязаны сделать это по закону, однако ни на минуту не задумались о том, чтобы разделить землю на четыре участка. Шестьсот сорок акров составили единый надел, а когда все формальные требования переселения были соблюдены, хозяйство получило название Ранчо Уэйнов. Рядом с большим дубом выросли четыре квадратных дома и просторная общая конюшня с сеновалом.

Возможно, отцовское благословение сразу сделало Джозефа бесспорным вождем клана. На старой ферме далеко на востоке, в Вермонте, Джон Уэйн до такой степени слился со своими полями и покосами, что превратился в живой символ единства земли и ее обитателей. А теперь полномочия посредника перешли к Джозефу. Он вещал от имени травы, почвы, животных – причем не только домашних, но и диких. Джозеф Уэйн стал отцом фермы. Радуюсь разросшимся вокруг постройкам, заглядывая в колыбель новорожденного ребенка Томаса, ставя метки на уши телят, он испытывал такую же радость, какую, должно быть, познал Авраам, увидев, что исполнение обета принесло долгожданные плоды; что и племя его, и скот начали плодиться и размножаться. Страсть к размножению крепла. Джозеф с радостью наблюдал за бесконечной, томительной похотью быков и терпеливой, безустанной тягостью коров. Подводил к кобылам сильного жеребца и подбадривал:

– А ну, парень, не посрамись!

Ранчо представляло собой не четыре отдельных владения, но единое целое, где он был отцом-основателем. Когда он ходил по полям с непокрытой головой, чувствуя, как ветер треплет волосы и бороду, в его глазах вспыхивало острое вождество. Все вокруг – земля, скот и люди – плодилось и размножалось, а источником, корнем этого процветания служил он, Джозеф Уэйн. Вождество придавало силы. Хотелось, чтобы то, что растет, выросло быстрее и как можно раньше принесло обильный урожай. Бесплодие представлялось тяжким грехом – нестерпимым и непростительным. Новая вера наполнила голубые глаза Джозефа яростью. Он безжалостно уничтожал не способных к размножению животных, но, когда сука приползала, распухнув от щенков, когда живот коровы раздувался, обещая скорое появление теленка, эти существа становились для него священными. Джозеф понимал истину не умом, а сердцем и напряженными мышцами ног, приняв наследие племени, в течение миллиона лет кормившего у груди природы и жившего в браке с землей.

Однажды Джозеф стоял у ограды загона, наблюдая за быком и коровой, и нетерпеливо колотил кулаками по жерди; в глазах горел огонь страсти. Бертон подошел сзади в тот момент, когда Джозеф сорвал с головы шляпу, бросил на землю, дернул ворот рубашки с такой силой, что полетели пуговицы, и крикнул:

– Залезай, дурень! Она готова! Залезай сейчас же!

– Ты с ума сошел? – строго спросил брат.

Джозеф быстро обернулся:

– Сошел с ума? Ты о чем?

– Ведешь себя странно. Кто-нибудь может увидеть. – Бертон оглянулся, желая убедиться, что пока этого не случилось.

– Мне нужны телята, – угрюмо пояснил Джозеф. – Что в этом плохого, даже для тебя?

– Видишь ли, – заговорил Бертон уверенно и в то же время снисходительно, – все знают, что это естественно. Все знают, что это должно происходить, чтобы жизнь продолжалась. Но люди не должны наблюдать за процессом без крайней необходимости. Кто-нибудь может тебя увидеть.

Джозеф неохотно перевел взгляд с быка на брата.

– Ну и что? Разве это преступление? Мне нужны телята.

Бертон опустил глаза и стыдливо произнес:

– Если люди услышат то, что услышал я, то могут что-нибудь сказать.

– И что же они могут сказать?

– Право, Джозеф, я не должен объяснять. Писание упоминает о таких запретных вещах. Люди могут подумать, что твой интерес... личный.

Бертон посмотрел на руки, а потом быстро засунул ладони в карманы, словно испугался, что пальцы услышат его слова.

– Аа... – озадаченно протянул Джозеф. – Они могут сказать... понимаю. – Его голос внезапно окреп. – Могут сказать, что чувствую себя быком. Так и есть, Бертон! Если бы мог забраться на корову и покрыть ее, неужели думаешь, что я усомнился бы? Послушай, этот бык способен осеменить двадцать коров за день. А если бы страсть могла дать корове теленка, то я обслужил бы сотню. Вот что я чувствую, Бертон. – Джозеф заметил на лице брата серый, болезненный ужас и добавил мягче: – Ты не понимаешь, Бертон. Мне нужен приплод. Хочу, чтобы земля наполнилась жизнью, чтобы все вокруг возрастало. – Бертон мрачно отвернулся. – Послушай, Бертон. Думаю, мне пора жениться. Все живое размножается, и только я бесплоден. Да, мне нужна жена.

Бертон пошел прочь, но остановился и, обернувшись, проговорил, словно плюнул:

– Больше всего тебе необходима молитва. Когда сможешь молиться, приходи ко мне.

Джозеф посмотрел вслед брату и недоуменно покачал головой.

– Интересно, что он знает такого, чего не знаю я? – проговорил он тихо. – В Бертоне есть какая-то тайна, из-за которой все, что я говорю или делаю, становится нечистым. Я услышал его слова, но для меня они ничего не значат.

Он провел ладонью по длинным волосам, поднял с земли грязную черную шляпу и надел. Бык подошел к ограде, склонил голову и захрапел. Джозеф улыбнулся и свистнул. На свист из конюшни высунулась голова Хуанито.

– Оседлай лошадь, – распорядился хозяин. – Поезжай и приведи с пастбища другую корову. Кажется, этот парень еще не устал.

Джозеф Уэйн трудился мощно, как трудятся холмы, выращивая дубы, – медленно, без чрезмерных усилий и сомнений в том, что эти самые дубы есть одновременно и наказание, и наследие.

Прежде чем горную гряду озарил свет утра, фонарь Джозефа уже мелькнул во дворе и скрылся в конюшне. Там предстояло продолжить работу среди сонных животных: починить упряжь, намылить уздечки, начистить мундштуки. Скребница заскрежетала по мускулистым бокам лошадей. В темноте уже сидел на краю яслей Томас, а рядом, на сене, спал щенок койота. Братья приветствовали друг друга коротким кивком.

– Все в порядке? – спросил Джозеф.

Томас ответил подробно:

– Голубок потерял подкову и поранил копыто. Сегодня ему нельзя выходить. Старушка, черная ведьма, выгнала из стойла Черта. Точно кого-нибудь убьет, если прежде сама не убьется. А Лазурь принесла жеребенка, поэтому я и пришел.

– Как ты узнал, Томас? Почему решил, что это случится именно сегодня утром?

Томас схватился за лошадиную гриву и встал.

– Сам не понимаю. Всегда чувствую, когда должен родиться жеребенок. Иди, посмотри на маленького сукина сына. Теперь уже кобыла разрешит: вылизала от всей души.

Братья подошли к стойлу и увидели жеребенка на тонких слабых ножках, с торчащими коленками и щеточкой вместо хвоста. Джозеф бережно погладил влажную блестящую спину.

– Боже мой! Почему же я так люблю малышей?

Жеребенок поднял голову, посмотрел невидящими, затуманенными темно-синими глазами и отстранился от ладони.

– Всегда тянешь руки, – укоризненно проворчал Томас. – Новорожденные не любят, когда их трогают.

Джозеф тут же отошел.

– Пожалуй, пора позавтракать.

– Эй, послушай! – крикнул вдогонку Томас. – Ласточки летают повсюду. Весной и в амбаре, и на мельнице появятся гнезда.

Братья отлично работали вместе – все, кроме Бенджи, тот отлынивал как мог. По распоряжению Джозефа за домами появились длинные грядки с овощами. На холме гордо возвышалась мельница и, как только ветер усиливался, воинственно размахивала крыльями. Рядом с большой конюшней красовался просторный хлев. Ранчо окружала колючая проволока. На равнинах и склонах холмов обильно росла трава и в положенное время превращалась в сено, а скотина исправно размножалась.

Когда Джозеф повернулся, чтобы выйти из конюшни, солнце поднялось над горами и заглянуло в квадратные окна. Джозеф остановился в полосе света и на миг распростер руки. Взгромоздившийся на кучу навоза рыжий петух посмотрел на него, хлопнул крыльями и сипло закукарекал, заботливо предупреждая кур, что даже в такой чудесный день может случиться что-нибудь ужасное. Джозеф опустил руки и повернулся к Томасу:

– Запряги пару лошадей, Том. Давай проедем по холмам; поищем новорожденных телят. Если увидишь Хуанито, позови с нами.

После завтрака трое мужчин отправились в путь. Джозеф и Томас ехали рядом, а Хуанито замыкал строй. Молодой человек только на рассвете вернулся из Нуэстра-Сеньора, благоразумно и вежливо проведя вечер в доме семейства Гарсиа. Алиса Гарсиа сидела напротив, скромно разглядывая сложенные на коленях руки, а старшие члены семьи – опекуны и арбитры – расположились по обе стороны от Хуанито.

– Понимаете, я не просто служу мажордомом сеньора Уэйна, – объяснял Хуанито заинтересованным, но все же слегка скептически настроенным слушателям. – Можно сказать, что дон Джозеф относится ко мне как к сыну. Куда он идет, туда и я. В очень важных вопросах доверяет только мне.

Два часа подряд Хуанито хвастался красноречиво, но сдержанно, а когда, как предписывал порядок, Алиса удалилась вместе с матерью, произнес положенные слова в сопровождении положенных жестов и в конце концов с приличествующей случаю неохотой был принят Хесусом Гарсиа в качестве зятя. Одержав победу, страшно усталый, но невероятно гордый Хуанито вернулся на ранчо. Еще бы: Гарсиа могли доказать присутствие в родословной по крайней мере одного предка-испанца. И вот сейчас новоиспеченный жених ехал следом за Джозефом и Томасом, мысленно репетируя торжественное объявление.

В поисках заблудившихся телят всадники поднялись на освещенный солнцем травянистый холм. Сухая трава шелестела под копытами. Лошадь Томаса то и дело нервно вздрагивала: перед всадником на луке седла ехал отталкивающего вида енот с блестящими глазами-бусинками на черной, похожей на маску мордочке. Прищурившись от солнца, Томас смотрел вперед.

– Знаешь, в субботу я был в Нуэстра-Сеньора, – произнес он.

– Да, – нетерпеливо ответил Джозеф. – Бенджи, судя по всему, тоже там был. Поздно ночью я слышал его пение. Том, парень непременно нарвется на неприятности. Кое-что здешние люди не станут терпеть. Однажды найдем брата с ножом в шее. Честное слово, рано или поздно его прикончат.

Томас усмехнулся.

– Не переживай, Джо. Проживет дольше, чем Мафусаил², и успеет повеселиться лучше дюжины трезвенников.

– Бертон постоянно тревожится. Уже не раз об этом говорил.

– Послушай, – перебил Томас. – В субботу днем я сидел в салуне, и туда пришли ребята из Чиниты. Так вот, они обсуждали засуху восьмидесятых-девяностых годов. Ты что-нибудь об этом слышал?

Джозеф крепче сжал поводья.

– Да, слышал, – подтвердил он негромко. – Тогда случилось что-то плохое. Больше такое никогда не повторится.

– Но те ребята долго об этом говорили. Рассказали, что вся округа засохла, скот пал, а земля превратилась в пыль. Люди попытались перегнать коров через горы, на побережье, но по дороге от стада почти ничего не осталось. Дожди пошли только за несколько лет до твоего приезда. – Он с такой силой потянул енота за уши, что зверек обиделся и острыми зубами впился в его ладонь.

В глазах Джозефа вспыхнула тревога. Он пригладил ладонью бороду и завернул ее концы внутрь – точно так же, как когда-то делал отец.

– Да, Том, я об этом уже слышал. Но ведь сейчас все в порядке. Говорю же: тогда что-то пошло не так. Засуха больше никогда не повторится. Холмы полны воды.

– Откуда тебе известно, что не повторится? Те парни сказали, что подобное бывало и прежде. Почему ты так уверен?

Джозеф упрямо сжал губы.

– Потому что это невозможно. Ручьи обильно текут. Не представляю, как такое может случиться снова.

Хуанито пришпорил лошадь и догнал старших.

– Дон Джозеф, за холмом звенит колокольчик.

Всадники повернули направо и пустили лошадей галопом. Енот прыгнул на плечо хозяина и сильными маленькими лапками обнял за шею. В ложине за холмом паслось небольшое стадо рыжих коров, а между ними семенили два маленьких теленка. В следующий миг оба они уже лежали на земле. Хуанито достал из кармана баночку с мазью, а Томас раскрыл широкий складной нож. Блестящее лезвие высекло на ушах телят клеймо Уэйнов. Малыши беспомощно закричали от боли, а находящиеся неподалеку матери тревожно замычали. Томас опустился на колени возле бычка, двумя быстрыми движениями кастрировал его и нанес на рану мазь. Почуввав кровь, коровы испуганно захрапели. Хуанито развязал теленку ноги, и новый вол неуклюже заковылял к матери. Мужчины сели верхом и поехали дальше, но прежде Джозеф подобрал вырезанные кусочки ушей. Взглянул на маленькие коричневые лоскутки и сунул их в карман.

Томас внимательно наблюдал за братом.

– Джозеф, – спросил он неожиданно. – Зачем ты развешиваешь убитых ястребов на дубе, возле дома?

– Чтобы отпугнуть других ястребов от цыплят. Так все делают.

– Но ведь ты сам знаешь, что это не работает, Джо. Ни один хищник не пропустит курицу только потому, что мертвый собрат висит вниз головой. Если бы он смог, то съел бы и мертвого то же. – Томас на миг умолк и невозмутимо добавил: – И кусочки ушей прибиваешь к дереву.

Брат сердито повернулся в седле.

– Да, прибиваю кусочки ушей, чтобы знать, сколько у нас телят.

Несколько минут Томас ехал молча, затем снова посадил енота на плечо; тот принялся старательно вылизывать хозяину ухо.

² Мафусаил – патриарх, согласно Библии проживший 969 лет.

– Кажется, знаю, зачем ты все это делаешь, Джо. Понимаю, о чем думаешь. Боишься засухи? Пытаешься от нее защититься?

– Если мое объяснение тебя не устраивает, то не спрашивай, – упрямо проворчал Джозеф. В его глазах застыла тревога, а в голосе послышалась неуверенность. – К тому же я сам толком не понимаю, зачем это делаю. Если поделюсь с тобой, не скажешь Бертону? Он и так за нас переживает.

Томас рассмеялся.

– Забавно. Никто ничего Бертону не говорит, а он всегда все знает и переживает.

– Ладно, расскажу, – решил Джозеф. – Когда я собрался ехать сюда, отец меня благословил. Даровал старинное благословение. Кажется, о нем даже в Библии упоминается. Но, пожалуй, Бертону оно все равно бы не понравилось. Отец всегда внушал мне странное чувство. Сохранял абсолютное спокойствие. Мало походил на других отцов, но оставался последним пристанищем, к которому можно было прибиться, которое никогда не изменится. У тебя не возникало такого чувства?

Брат медленно кивнул:

– Да, понимаю.

– Приехав сюда, я все равно чувствовал защиту отца. А потом получил письмо от Бертона и на миг как будто провалился. Не знал, куда упаду. Дальше прочитал, что отец собирался навестить меня после смерти. Дома тогда еще не было. Я сидел на куче досок. Поднял голову, увидел это дерево... – Джозеф умолк и посмотрел вниз, на гриву лошади. А спустя мгновение снова поднял глаза на брата, но Томас отвернулся. – Вот и все. Может быть, сумеешь понять. Просто делаю то, что делаю. Сам не знаю, почему и зачем. Нравится, и все тут. В конце концов, – продолжил он неловко, – у человека должно быть что-то свое, что не исчезнет утром.

Томас погладил енота нежнее, чем обычно обращался со своими животными, но на брата так и не взглянул. Лишь тихо проговорил:

– Помнишь, однажды в детстве я сломал руку? Мне наложили лубок, и она висела на груди, согнутая в локте. Было адски больно. Отец подошел, распрямил руку и поцеловал ладонь. И все. Трудно ожидать такого поступка от отца, но это был не столько поцелуй, сколько лекарство. Я почувствовал, как по сломанной руке потекла свежая вода. Странно, что я до сих пор ничего не забыл.

Далеко впереди звякнул колокольчик. Хуанито тут же подъехал к ним.

– В соснах, сеньор. Не понимаю, зачем они забрались в сосны. Ведь там нет еды.

Всадники повернули к поросшей темными деревьями гряде. Первый ряд сосен стоял словно караул. Прямые стволы напоминали мачты, а кора в тени казалась фиолетовой. Упругая, усыпанная коричневыми иголками земля не рождала травы. Тишину в роще нарушал лишь шепот ветра. Птицы здесь не селились, а мягкий хвойный ковер скрадывал звуки шагов. Всадники покинули желтое солнечное пространство и углубились в лиловый полумрак. Деревья росли все ближе друг к другу, склонялись, ища поддержки, и соединялись вершинами, образуя единый плотный полог. Между стволами пробивался подлесок – ежевика, черника и бледные, жаждущие света побеги малины. Заросли становились все гуще, пока наконец лошади не заупрямились, отказываясь пробиваться сквозь колючую изгородь.

Хуанито резко свернул влево.

– Сюда, сеньоры. Помню, что здесь есть тропинка.

Он вывел их на старую дорогу, усыпанную иглами, но свободную от кустов и достаточно широкую, чтобы двое всадников смогли проехать рядом. Через сотню ярдов дорога оборвалась, а братья натянули поводья и застыли в изумлении.

Их взорам открылась почти круглая и ровная, как водная гладь, поляна. Вокруг, подобно тесно стоящим колоннам, росли высокие прямые деревья. В центре возвышался огромный словно дом таинственный камень удивительной формы, сравнения для которой не находи-

лось. Плотный, короткий темно-зеленый мох укрывал его мягким одеялом. Монолит напоминал древний, давным-давно растаявший и осыпавшийся алтарь. С одной стороны камня чернела небольшая пещера. Рядом простирали свои растопыренные лапы папоротники. Из темной глубины беззвучно вытекал маленький ручей, пересекал поляну и терялся в густых зарослях. Возле ручья, поджав передние ноги, лежал огромный черный бык – безрогий, с блестящими темными завитками на лбу. Когда появились всадники, бык лениво жевал жвачку и неподвижно смотрел на зеленый камень. Услышав посторонние звуки, он повернул голову и взглянул на людей налитыми кровью глазами. Потом недовольно фыркнул, поднялся, угрожающе нагнулся, но передумал нападать и, повернувшись, скрылся в чаще. Всадники успели рассмотреть хвост и черную, длинную – почти до колен – болтающуюся мошонку. В следующий миг бык исчез, оставив после себя лишь треск веток.

Все это произошло в считанные мгновенья.

– Это не наш бык! Никогда его не видел! – воскликнул Томас и беспокойно взглянул на брата. – Ни разу здесь не был. Как-то жутко. – Голос его дрожал. Он крепко сжимал енота под мышкой, а зверек царапался и кусался, пытаясь освободиться.

Джозеф смотрел на поляну широко распахнутыми глазами, но ничего перед собой не видел. Его подбородок напрягся, легкие до боли наполнились воздухом, а плечи, руки и ноги превратились в до предела сжатые пружины. Он отпустил поводья и сложил ладони на луке седла.

– Помолчи минуту, – медленно проговорил он, обращаясь к брату. – Здесь что-то есть. Тебе страшно, но я точно знаю. Когда-то, может быть, в давнем сне, я видел это место или ощущал его присутствие.

Он опустил руки и прошептал, словно пробуя слова на вкус:

– Это святое место и очень старое. Древнее и святое.

Поляна хранила безмолвие. По круглому небу, низко над верхушками деревьев, пролетел гриф.

Джозеф медленно обернулся:

– Хуанито, ты знал это место. Ты здесь был, правда?

Голубые глаза парня наполнились слезами.

– Матушка приводила меня сюда, сеньор. Она была индианкой. Я был маленьким, а она ждала второго ребенка. Мы пришли и сели возле камня. Долго сидели, а потом ушли. Матушка была индианкой, сеньор. Думаю, старики до сих пор сюда приходят.

– Старики? – быстро переспросил Джозеф. – Какие старики?

– Старые индейцы, сеньор. Простите, что привел вас сюда. Но когда мы подъехали так близко, индеец во мне заставил так поступить, сеньор.

– Скорее поедemте прочь отсюда! – нервно воскликнул Томас. – Черт возьми, надо найти коров!

Джозеф послушно повернул лошадь. Но, едва покинув безмолвную поляну и выехав на дорогу, обратился к брату со словами утешения:

– Не бойся. Здесь есть что-то сильное, хорошее и красивое. Что-то вроде вкусной еды и чистой прохладной воды. Давай сейчас забудем это место. А если вдруг когда-нибудь возникнет острая нужда, вспомним о нем, вернемся... и оно даст нам силы.

Дальше всадники поехали молча, прислушиваясь, не раздастся ли звон колокольчика.

Глава 7

В Монтерее жил шорник по фамилии Макгрегор – неистовый философ и яростный марксист. Возраст не смягчил воинственного настроения, и Маркс со своей благородной утопией остался далеко позади. От постоянной угрюмой гримасы и недовольства миром на щеках Макгрегора залегли глубокие морщины. Глаза его взирали мрачно. Он постоянно судился с соседями, которые якобы нарушали его права, и всякий раз сталкивался с неадекватной законодательной трактовкой конфликта. Макгрегор пытался держать в страхе дочь Элизабет, однако это удавалось ему так же плохо, как прежде с ее матерью, поскольку Элизабет лишь крепче сжимала губы и предпочитала держать свои взгляды при себе, никогда их не высказывая. Старик отчаянно злился от невозможности разрушить предрассудки дочери посредством собственных, ведь понятия не имел, в чем они заключаются.

Элизабет была не только хорошенькой, но и очень решительной девушкой с кудрявыми волосами, маленьким носиком и твердым подбородком, который стал таким от постоянного противостояния отцу. Но особую прелесть ей придавали глаза – серые, необыкновенно широко расставленные и обрамленные такими густыми ресницами, что, казалось, за ними таится далекое сверхъестественное знание. Она была высокой; не худенькой, но подтянутой, полной сил и быстрой, порывистой энергии. Отец любил подчеркивать ее недостатки – точнее, недостатки, которые он сам в ней находил.

– Вся в мать, – укорял он. – Ум ограничен; ни капли здравого смысла. Во всем, что делаешь, руководишься чувствами. Вспомни свою мать. Она с севера Шотландии, и родители ее верили в эльфов. А стоило мне в шутку об этом упомянуть, сразу обижалась и захлопывала рот словно окно. Да еще утверждала, что некоторые вещи не поддаются пониманию, но все-таки существуют. Готов поспорить, что перед смертью она наполнила тебя эльфами.

Он рисовал будущее дочери.

– Настанет день, – вещал он пророчески, – когда женщины будут сами зарабатывать свой хлеб. Нет причин, мешающих женщине научиться полезному ремеслу. Вот ты, например. Уже не за горами то время, когда девушка вроде тебя сможет полностью себя обеспечить и откажет первому, кто захочет на ней жениться.

И все же шорник Макгрегор испытал глубокое потрясение, когда Элизабет начала готовиться к окружным экзаменам на должность учительницы. Он почти растрогался.

– Ты слишком молода, дочка. Всего семнадцать лет. Дай хотя бы костям затвердеть.

Однако Элизабет лишь торжествующе улыбалась и не произносила ни слова. В доме, где любое утверждение немедленно встречало сокрушительный отпор, она рано научилась молчать.

Профессия школьной учительницы представлялась воодушевленной юной особе чем-то большим, чем простое обучение детей. В семнадцать лет она могла сдать окружные экзамены и отправиться на поиски приключений. Это был приличный повод покинуть родной дом и город, где все слишком хорошо ее знали, и верный способ сохранить неустойчивое, хрупкое достоинство молодой особы. Там, куда ее пошлют работать, она окажется неизвестной, таинственной и желанной. Элизабет знала драму и поэзию; немного умела читать по-французски и могла вставить в разговор пару умных словечек. Иногда она носила батистовое и даже шелковое белье – что было замечено, когда после стирки ее одежда сохла на веревке. В поведении обычной девушки подобные манеры могли показаться проявлением высокомерия, однако для учительницы они стали похвальными и даже ожидаемыми, как свидетельства общественной и образовательной значимости. Так Элизабет Макгрегор задавала в своей округе интеллектуальный и культурный тон. Люди, среди которых ей предстояло жить, не знали ее детского имени. Она охотно приняла титул «мисс». В семнадцать лет ее окутало покрывало тайны и учености.

И если бы в течение полугода мисс Макгрегор не вышла замуж за самого завидного холостяка местности, это означало бы, что она страшна, как Горгона, ибо такая жена укрепляла положение человека в обществе. Ее дети считались бы умнее остальных детей. Так что при желании преподавание в школе могло стать элегантным и надежным шагом в направлении удачного замужества.

Элизабет Макгрегор была образованна даже шире большинства учительниц. Помимо знания дробей и французского языка она читала отрывки из Платона и Лукреция, помнила названия нескольких пьес Эсхила, Аристофана и Еврипида, а также обладала некоторым классическим багажом, основанным на произведениях Гомера и Вергилия. Сдав экзамены, она получила назначение в Нуэстра-Сеньора. Уединенность этого места казалась ей очаровательной. Хотелось все спокойно обдумать, разложить по полочкам и в результате создать новую Элизабет Макгрегор. В городке Пресвятой Девы она сняла комнату в доме семьи Гонсалес.

По долине пролетел слух, что новая учительница молода и хороша собой, так что стоило Элизабет отправиться в школу или бакалейную лавку, по пути ей тотчас попадались молодые люди, пристально изучающие свои часы, старательно скручивающие сигарету или рассматривающие некую далекую точку в пространстве, по всей видимости имеющую жизненно важное значение. Время от времени среди праздных зевак встречался странный человек: высокий, с черной бородой и пронзительными голубыми глазами. Человек этот беспокоил Элизабет, потому что смотрел так, как будто раздевал ее.

Услышав о приезде новой учительницы, Джозеф Уэйн начал упорно сужать круги, пока наконец не оказался в гостинной семьи Гонсалес – в respectable, устеленной коврами комнате – и уселся напротив Элизабет. Визит носил официальный характер. Мягкие волосы девушки очаровательно вились вокруг хорошенького личика, однако она была учительницей. Смотрела строго, почти сурово. Если бы она постоянно не расправляла на коленях платье, то можно было бы назвать ее спокойной. Время от времени глаза встречали пристальный взгляд гостя и тут же ускользали.

Джозеф надел черный костюм и новые ботинки. Подстриг волосы, расчесал бороду и, как смог, вычистил ногти.

– Вам нравится поэзия? – спросила Элизабет, взглянув в острые неподвижные глаза.

– О да. Да, нравится... во всяком случае, то, что читал.

– Конечно, мистер Уэйн, таких поэтов, как древнегреческие авторы, как Гомер, сейчас уже нет.

На лице Джозефа отразилось нетерпение.

– Помню, – подтвердил он. – Конечно помню. Один человек приплыл на остров и превратился в свинью.

Элизабет поджала губы, мгновенно снова став учительницей – холодной и высокомерной.

– Это «Одиссея», – пояснила она строго. – Считается, что Гомер жил за девятьсот лет до Христа и оказал глубокое влияние на всю греческую литературу.

– Мисс Макгрегор, – серьезно перебил Джозеф, – должно быть, есть какой-то определенный способ правильно вести себя в подобных случаях, но я его не знаю. Прежде чем явиться сюда, я пытался придумать, что вам скажу, но так и не смог, потому что никогда не делал ничего подобного. Пришла пора о чем-то говорить, но я не знаю как. К тому же любые уловки кажутся мне бесполезными.

Элизабет попала во власть его глаз и удивилась силе и свободе его речи.

– Не понимаю, что вы имеете в виду, мистер Уэйн. – Она почувствовала, как пошатнулось надежное основание учености. Вероятность падения испугала ее.

– Чувствую, что все делаю неправильно, – продолжил Джозеф, – но другого способа не знаю. Видите ли, мисс Макгрегор, я боюсь сбиться и запутаться. Хочу, чтобы вы стали моей

женой, и вы должны это знать. У нас с братьями шестьсот сорок акров земли. Кровь наша чиста. Думаю, я мог бы вам подойти, если бы знал, чего вы хотите.

Эти слова Джозеф произнес, глядя на свои руки. А когда снова поднял глаза, увидел, что Элизабет покраснела и выглядит очень несчастной. Он поспешно вскочил.

– Кажется, я все сделал неправильно. Сейчас я очень смущен, но надо было сказать. А теперь я пойду, мисс Макгрегор. Лучше вернусь, когда оба избавимся от смущения.

Не попрощавшись, он вышел из дома, прыгнул в седло и умчался во тьму.

Горло горело стыдом и ликованием. Выехав на берег реки, Джозеф остановил лошадь, поднялся в стремянах и зычно крикнул, чтобы облегчить жар. Ему ответило гулкое эхо. Ночь выдалась очень темной. Высокий туман смягчал остроту звезд и заглушал звуки. Крик разорвал тишину и напугал его самого. Некоторое время Джозеф сидел неподвижно, ощущая, как от тяжелого дыхания вздымаются и опадают бока лошади.

– Ночь слишком невозмутима, – сказал он себе, – слишком равнодушна. Надо что-то сделать.

Он почувствовал, что время требует знака, конкретного поступка. Действие должно было объединить его с уходящим моментом, иначе этот момент просто улетит, не захватив с собой даже части его существа. Джозеф сорвал с головы шляпу и бросил во тьму. Однако этого показалось мало. Он нащупал висевший на луке седла кнут, сорвал его и с силой хлестнул по ноге, чтобы причинить себе боль. От свиста и звука удара лошадь испуганно заметалась и встала на дыбы. Джозеф бросил кнут в кусты, сжал бока лошади коленями, а когда животное успокоилось, рысью направил его в сторону ранчо. Сам же широко раскрыл рот, чтобы впустить в горло прохладный воздух.

Элизабет посмотрела на закрывшуюся дверь и подумала: «Внизу слишком большая щель. Когда подует ветер, в комнате станет холодно. Пожалуй, лучше переехать в другой дом». Она расправила юбку, провела по ней ладонью, так что ткань прильнула к ногам, подчеркнув их форму, а потом посмотрела на свои руки.

«Теперь я готова, – продолжила она начатое рассуждение. – Да, готова его наказать. Деревенщина, грубиян, простак. Никаких манер. Даже не умеет вежливо себя вести. И не понимает приличного обращения. Отвратительная борода. Смотрит в упор. А костюм просто жалок». Она задумалась о возможном наказании и медленно кивнула. «Сказал, что не знает, как надо говорить. И хочет на мне жениться. Придется всю жизнь терпеть эти глаза. Борода, возможно, жесткая, но я так не думаю. Нет, не думаю. Как мило с его стороны сразу перейти к делу! И этот костюм... Он будет меня обнимать...» Мысли своевольно блуждали. «Надо придумать, что делать». Обещавший вернуться человек оставался незнакомцем. Хода его мысли и реакции Элизабет не понимала. Она поднялась в свою комнату и медленно разделась. «В следующий раз надо будет посмотреть на ладони. Это многое прояснит». Она снова кивнула собственным мыслям, бросилась на кровать лицом вниз и расплакалась. Слезы подействовали так же бодряще и освежающе, как широкий утренний зевок. Спустя некоторое время Элизабет встала, задула лампу и придвинула к окну маленькое бархатное кресло. Поставила локти на подоконник и посмотрела в темноту. Воздух наполнился влагой тумана; освещенное окно соседнего дома предстало в ореоле тусклого сияния.

Элизабет услышала внизу, во дворе, стремительное осторожное движение и нагнулась, чтобы посмотреть, что происходит. Раздался глухой звук прыжка, шипящий, похожий на скрежет возглас, а потом хруст костей. Взгляд проник сквозь серую завесу и выхватил длинную, приземистую, похожую на тень кошку, убегающую с каким-то мелким существом в зубах. Над ее головой с писком кружила летучая мышь. «Интересно, где он сейчас, – подумала Элизабет. – Наверное, едет, и борода развеивается по ветру. Вернется домой очень усталым. А я вот спокойно сижу здесь и отдыхаю. Так ему и надо». С противоположного конца городка, со сто-

роны салуна, приближались звуки гармоники, а вскоре нежный и безнадежный, словно усталый вздох, мужской голос запел:

– «Прекрасны Максвелтона склоны...»³.

Пошатываясь, мимо проходили два человека.

– Подожди! Неправильный мотив! Забудь свои мексиканские песни. Давай заново. Опять не так! – Мужчины остановились. – Жаль, что не умею играть на твоей гармошке.

– Можете попробовать, сеньор.

– Попробовать, черт возьми! Уже пробовал, да она только ржала как лошадь.

– Ну что, сеньор, еще разок «Максвелтона»?

Один из мужчин подошел вплотную к забору, поднял голову и посмотрел в окно.

– Спуститесь, – позвал умоляюще. – Пожалуйста, спуститесь.

Элизабет сидела, боясь пошевелиться.

– Я отошлю индейца прочь!

– Сеньор, я не индеец!

– Отошлю этого джентльмена домой, если спуститесь. Я так одинок.

– Нет, – произнесла Элизабет и испугалась собственного голоса.

– Если спуститесь, спою вам красивую песню. Послушайте, как хорошо могу петь. Играй, Панчо! Играй «Над волнами»!

Песня наполнила воздух испарившимся золотом, а голос окрасил мир восхитительной печалью. Исполнение закончилось так тихо, что Элизабет перегнулась через подоконник, чтобы расслышать последние звуки.

– Теперь спуститесь? Жду...

Дрожа, Элизабет встала и потянула раму вниз, чтобы закрыть окно. Но голос проник даже сквозь стекло:

– Не хочет, Панчо. Может быть, попробуем в соседнем доме?

– Там живет старушка, сеньор. Лет восьмидесяти, не меньше.

– А в следующем?

– Там есть девочка. Тринадцать лет.

– Что ж, попробуем выманить тринадцатилетнюю. А сейчас... «Прекрасны Максвелтона склоны...»

Все еще дрожа от потрясения и страха, Элизабет легла в постель и с головой накрылась одеялом.

– Еще немного, и я бы вышла, – пробормотала она в отчаянье. – Если бы он еще раз позвал, не устояла бы и спустилась...

³ Популярная шотландская песня XIX века.

Глава 8

Прежде чем снова явиться к Элизабет, Джозеф выжидал целых две недели. Осень принесла с собой низкое серое небо и пушистые ватные облака. Из дня в день они приплывали со стороны океана, некоторое время сидели на вершинах холмов, а потом уходили обратно, как небесные разведчики. Красноплечие черные трупялы собирались в эскадроны и проводили маневры в полях. Незаметные весной и осенью голуби выбирались из своих убежищ и компаниями рассаживались на заборах и сухих деревьях. По утрам солнце вставало за осенним занавесом из воздушной пыли, а по вечерам заходило красным шаром.

Бертон вместе с женой поехали в Пасифик-Гроув⁴ на религиозное собрание.

– Ест Бога, как медведь накануне зимы ест мясо, – ехидно заметил Томас.

Самого его приближение зимы печалило, пугая ветрами и сыростью, от которых не спрячешься ни в одной пещере.

Дети на ранчо почувствовали, что Рождество уже не за горами, так что можно было начинать торжественную церемонию ожидания. Они задавали Раме осторожные вопросы относительно наиболее удобного волхвам поведения, и мудрая женщина старалась как можно полнее использовать их нетерпение.

Бенджи лениво болел, а молодая жена пыталась понять, почему никто вокруг не обращает внимания на его страдания.

Работы на ранчо оставалось немного. Высокая сухая трава у подножия холмов могла кормить скот всю зиму. Амбары были забиты сеном для лошадей. Джозеф подолгу сидел под дубом и думал об Элизабет. Вспоминал ее позу: тесно сдвинутые ноги и высоко поднятую голову – казалось, что если бы не шея, то голова оторвалась бы и улетела. Хуанито подходил к нему, устраивался рядом и тайком заглядывал в лицо, чтобы понять настроение друга и определить линию поведения.

– Возможно, еще до наступления весны женюсь, Хуанито, – однажды признался Джозеф. – Она будет жить здесь, в этом доме, и перед обедом звонить в маленький колокольчик. Только не коровий. Я куплю серебряный. Думаю, тебе понравится слышать его голос и знать, что пришло время обедать.

Польщенный откровенностью хозяина, Хуанито наконец-то раскрыл свой секрет:

– Я тоже, сеньор.

– Тоже женишься, Хуанито?

– Да, сеньор. На Алисе Гарсиа. В их семье есть документ, доказывающий, что дед родился в Кастилии.

– Рад слышать, Хуанито. Поможем тебе построить здесь дом, и тогда больше не придется ездить. Будешь жить на ранчо.

Хуанито рассмеялся от счастья.

– Я тоже повешу возле крыльца колокольчик, сеньор. Но обязательно коровий, чтобы по звуку понимать, у кого из нас готов обед.

Джозеф запрокинул голову и с улыбкой посмотрел на переплетенные ветки. Несколько раз хотелось шепнуть дубу насчет Элизабет, но осуществить намеренье мешал стыд.

– Послезавтра собираюсь поехать в город, Хуанито. Думаю, захочешь составить мне компанию.

– О да, сеньор. Сяду на козлы, а вы сможете сказать: «Это мой кучер. Отлично разбирается в лошадях. Никогда не беру в руки поводья».

⁴ Пасифик-Гроув – город, расположенный в округе Монтерей, штат Калифорния. Основан методистской церковью в 1874 году как летний палаточный лагерь и религиозный центр.

Джозеф рассмеялся.

– Наверное, хочешь, чтобы я сделал то же самое для тебя.

– Нет-нет, сеньор.

– Выедем рано, Хуанито. По такому случаю нужно купить тебе костюм.

Пастух взглянул недоверчиво:

– Костюм, сеньор? Не обычные штаны? Настоящий костюм с пиджаком?

– Да, с пиджаком и жилетом. А в качестве свадебного подарка в жилетном кармане появятся часы на цепочке.

Это уже было слишком.

– Сеньор, – проговорил Хуанито, вставая. – Надо срочно починить подпругу.

Он ушел в амбар, чтобы как следует подумать и о костюме, и о часах на цепочке. Костюм требовал как серьезного размышления, так и особой тренировки.

Джозеф прислонился спиной к стволу. Улыбка в глазах медленно растаяла. Он снова посмотрел вверх, на ветки. Прямо над головой шершни слепили шар и вокруг этого ядра принялись строить бумажное гнездо. Внезапно вспомнилась круглая поляна среди сосен. Перед глазами возникла каждая деталь таинственного пейзажа: необыкновенный, покрытый мхом огромный камень; темная, обрамленная папоротником пещерка и прозрачный ручей, беззвучно вытекающий из таинственного мрака и куда-то украдкой спешащий. Вспомнился даже растущий в воде кресс-салат с нежными подвижными листочками. Захотелось пойти туда, сесть возле камня и провести ладонью по мягкому мху.

«В этом месте можно спрятаться от печали, разочарования или страха, – подумал Джозеф. – Сейчас такой необходимости нет. Не случилось ничего плохого, чтобы бежать. Но надо о нем помнить. Если вдруг потребуется утешение, лучшего места не найти». Вспомнились высокие прямые стволы сосен и почти осязаемый покой. «Надо когда-нибудь заглянуть в пещерку и посмотреть, где начинается ручей».

Весь следующий день Хуанито добросовестно трудился, приводя в порядок упряжь, двух гнедых лошадей и бричку. Он мыл, натирал, чистил и расчесывал, а потом, испугавшись, что не достиг совершенства, начинал процесс заново. Медный набалдашник на дышле ослепительно сиял; каждая заклепка блестела серебром; упряжь выглядела лакированной. Посреди хлыста красовался красный бант.

В знаменательный день, еще до полудня, Хуанито выкатил экипаж, чтобы убедиться, что тот не скрипит. Потом запряг лошадей, привязал их в тени и вошел в дом, чтобы разделить с Джозефом обед. Съели мало: всего-то по паре кусочков размоченного в молоке хлеба. Закончив скромную трапезу, они кивнули друг другу и встали из-за стола. В бричке уже сидел Бенджи и терпеливо ждал. Джозеф рассердился:

– Куда собрался, Бенджи? Ты же болен.

– Уже поправился, – ответил брат.

– Беру с собой Хуанито. Для тебя места нет.

Бенджи обезоруживающе улыбнулся.

– Ничего, заберусь в ящик.

Он перелез через сиденье и улегся на досках.

Хуанито повел бричку по неровной, изрезанной колесами дороге. Настроение было испорчено неожиданным появлением Бенджи. Джозеф перегнулся через спинку сиденья:

– Ни в коем случае не пей. Ты болен.

– И не собираюсь. Всего лишь хочу купить новые настенные часы.

– Не забудь, что я сказал, Бенджи. Я запрещаю тебе пить.

– Не проглочу ни капли, Джо, даже если капля случайно попадет в рот.

Джозеф сдался, понимая, что уже через час после приезда в город брат напьется и предотвратить безобразие не удастся.

Платаны возле ручья уже начали сбрасывать листья, и дорога покрылась шуршащими коричневыми лоскутами. Джозеф поднял поводья; лошади перешли на рысь, мягко ступая копытами по осеннему ковру.

Элизабет услышала на крыльце знакомый голос и поспешила наверх, чтобы снова спуститься. Она боялась Джозефа Уэйна и почти постоянно о нем думала. Разве позволительно отказаться выйти замуж, даже если она его ненавидит? Если откажется, может случиться что-нибудь ужасное. Вдруг он умрет или ударит ее кулаком? В своей комнате, прежде чем спуститься в гостиную, мисс Макгрегор призвала на помощь все свои знания: алгебру, даты вторжения Цезаря в Англию и Никейского собора и спряжение французского глагола *être*⁵. Таких премудростей Джозеф не постиг. Возможно, запомнил одну-единственную дату: 1776 год. Невежественный человек! Губы девушки презрительно сжались. Глаза прищурились. Сейчас она поставит его на место, как самоуверенного школьника.

Элизабет провела пальцами по талии, чтобы убедиться, что блузка аккуратно заправлена. Слегка взбила волосы, потерла губы тыльной стороной ладони, чтобы вызвать прилив крови к ним. Затем задула лампу и величественно спустилась в гостиную, где в ожидании стоял Джозеф.

– Добрый вечер, – проговорила Элизабет с достоинством. – Когда объявили о вашем визите, я читала драматическую поэму Браунинга «Пиппа проходит мимо». Вам нравится Браунинг, мистер Уэйн?

Джозеф нервно запустил пальцы в волосы и испортил аккуратный пробор.

– Вы решили? – спросил он строго. – Сначала я должен получить ответ. Не знаю никакого Браунинга.

Он смотрел такими голодными, молящими глазами, что ее высокомерие сразу испарилось, а разнообразные познания расползлись по своим норам. Элизабет беспомощно подняла руки:

– Я... я не знаю.

– Тогда я снова уйду. Вы еще не готовы. Если, конечно, не хотите поговорить о Браунинге. Или не желаете прокатиться. Я приехал в бричке.

Элизабет посмотрела на зеленый ковер с коричневой полосой вытоптанного ворса, а потом ее взгляд перешел на ботинки Джозефа, старательно намазанные плохим гуталином – не черным, а разноцветным: с зелеными, синими и лиловыми разводами. На миг сознание сосредоточилось на ботинках и немного успокоилось. «Должно быть, гуталин старый, да еще и закрыт был неплотно, – подумала Элизабет. – От этого всегда появляются разводы. То же самое случается с черными чернилами, если держать бутылку открытой. Наверное, он об этом не знает, а я не скажу. Если скажу, то больше никогда не смогу хранить секреты». Она спросила себя, почему он стоит так неподвижно.

– Можно поехать к реке, – предложил Джозеф. – Река чудесная, но приближаться к воде очень опасно. Камни скользкие. Поэтому пешком туда идти нельзя. А вот съездить ничто не мешает.

Хотелось рассказать ей, как будут шуршать по сухим листьям колеса, как иногда от соприкосновения железа и камня будут вспыхивать длинные синие искры, похожие на змеиные языки. Хотелось объяснить, какое низкое этим вечером небо – можно достать рукой. Но произнести такие слова он не мог.

– Было бы хорошо, если бы вы поехали, – проговорил Джозеф. А потом сделал короткий шаг вперед и разрушил хрупкий покой ее сознания.

Элизабет неожиданно повеселела. Она робко положила ладонь на его рукав, а потом осторожно похлопала по толстой ткани.

⁵ Быть (*фр.*).

– Поеду, – ответила она, услышав, что говорит слишком громко. – Наверное, прогулка пойдет на пользу. Преподавание утомляет, так что надо подышать свежим воздухом.

Напевая про себя, она побежала наверх за пальто, а на лестничной площадке дважды коснулась пальцем носка ботинка, как делают девочки в танце вокруг майского дерева. «Компрометирую себя, – подумала она без сожаления. – Люди увидят, как едем вечером вдвоем, и это будет означать, что мы помолвлены».

Джозеф стоял возле лестницы и смотрел вверх, ожидая ее появления и стгорая от нетерпеливого желания открыть свое существо, чтобы она смогла увидеть все его секреты – даже те, о которых он сам не знал.

«Это было бы правильно, – думал он. – Она узнает, что я за человек, и сможет стать частью меня». Элизабет остановилась на площадке и улыбнулась, глядя сверху вниз. Она надела длинный голубой плащ, а выбившаяся из прически прядь зацепилась за ворсинки голубой шерсти. Джозеф ощутил прилив нежности к этим непослушным волосам, хрипло рассмеялся и поторопил:

– Пойдемте скорее, пока лошади не потеряли блеск или не прошел удачный момент. О, разумеется, я говорю об упряжи, которую Хуанито старательно начистил.

Он открыл дверь, подвел Элизабет к бричке, помог устроиться на сиденье, а сам отвязал лошадей и застегнул на мартингалах пряжки из слоновой кости. Лошади нетерпеливо пританцовывали, и это радовало.

– Вам тепло? – спросил Джозеф.

– Да, тепло.

Лошади тронулись рысью. Хотелось единым жестом обнять и подарить спелые звезды, наполненную чашу неба, усеянную темными деревьями землю, увенчанные острыми гребнями волны гор, застывшую на пике движения бурю или бесконечно медленно движущиеся на восток каменные рифы. Можно ли найти слова, чтобы рассказать о красоте мира?

– Люблю ночь, – проговорил он. – Ночь сильнее дня.

С первого мига знакомства Элизабет напряженно готовилась отразить нападение на свой огражденный и защищенный мир, но сейчас вдруг случилось что-то неожиданное и странное. То ли интонация и ритм, то ли глубокая искренность его слов разрушили старательно возведенные стены. Кончиками пальцев она прикоснулась к руке Джозефа, вздрогнула от восторга и отдернула руку. Горло сжалось, не позволяя вздохнуть. «Он услышит, что я дышу, как лошадь. Стыдно», – подумала Элизабет и тихо, нервно рассмеялась, понимая, что ничуть не стесняется. Мысли, которые она всегда держала взаперти в самых потаенных уголках сознания, как можно дальше от поля умственного зрения, внезапно вылезли из своих убежищ и оказались вовсе не мерзкими и отвратительными словно слизняки как она всегда полагала, а легкими, веселыми и благочестивыми. «Если он вдруг коснется губами моей груди, я обрадуюсь, – подумала она. – Радость так меня переполнит, что я обеими ладонями подниму грудь к его губам». Она представила, как это сделает, и поняла, что почувствует, изливая навстречу мужчине горячий поток своего существа.

Лошади громко фыркнули и метнулись в сторону: посреди дороги стояла темная фигура. Хуанито быстро подошел и заговорил с Джозефом:

– Едете домой, сеньор? Я вас ждал.

– Пока нет, Хуанито.

– Тогда подожду еще, сеньор. Бенджи уже пьян.

Джозеф нервно поерзал на сиденье.

– Я знал, что так и будет.

– Ходит по городу, сеньор, и распевает во все горло. С ним Вилли Ромас. Вилли счастлив. Вполне возможно, что кого-нибудь убьет.

В свете звезд крепко сжимавшие поводья руки Джозефа казались белыми и слегка подрагивали, когда лошади поворачивали головы.

– Найди Бенджи, – мрачно распорядился он. – Через пару часов поедем домой.

Лошади сорвались с места, и Хуанито исчез во тьме.

Теперь, когда стена рухнула, Элизабет почувствовала, как расстроился Джозеф. «Он расскажет, в чем дело, и я смогу помочь».

Джозеф сидел неподвижно. Ощувив непреклонный вес его рук на поводьях, лошади перешли на размеренный, осторожный шаг. Они уже приближались к неровной черной полосе прибрежных деревьев, когда из кустов донесся голос Бенджи:

– Estando bebiendo de vino,
Pedro, Rodarte y Simon...⁶

Джозеф выхватил из гнезда хлыст и с такой яростью ударил лошадей, что ему пришлось тут же с силой натянуть поводья, чтобы умерить их пыл. Услышав голос Бенджи, Элизабет горько расплакалась. Джозеф сдерживал лошадей до тех пор, пока громкий перестук копыт по твердой дороге не превратился в сложный ритм рыси.

– Я не сказал, что мой брат – пьяница. Но вы должны знать мою семью. Брат – пьяница. Не просто время от времени заходит в салун и выпивает лишнего, как многие мужчины. Нет. У Бенджи это болезнь. Теперь вы знаете. – Он смотрел вперед. – Это пел мой брат. – Джозеф чувствовал, как Элизабет вздрагивает от рыданий. – Хотите, чтобы я отвез вас домой?

– Да.

– Хотите, чтобы оставил вас в покое?

Не получив ответа, Джозеф грубо развернул лошадей и поехал обратно.

– Хотите, чтобы я оставил вас в покое? – повторил он настойчиво.

– Нет, – пробормотала Элизабет. – Я просто глупая. Хочу вернуться домой и лечь в постель. Хочу попытаться понять свои чувства. Честно.

Джозеф снова ощутил, как к горлу подступает ликование. Он наклонился, поцеловал ее в щеку и подбодрил лошадей. Возле дома помог ей спуститься и проводил до двери.

– Теперь отправлюсь на поиски брата. Через несколько дней вернусь. Спокойной ночи.

Элизабет не дождалась, пока Джозеф уедет. Не успел стихнуть звук колес, как она уже лежала в постели. Сердце билось с такой отчаянной силой, что голова сотрясалась на подушке. Стук сердца заглушал все остальные звуки, но она все-таки слышала его – тот голос, которого ждала. Он медленно приближался к ее дому – восхитительный пьяный голос. Элизабет собрала всю волю и выдержку, чтобы противостоять той огненной боли, которую он рождал.

Она взволнованно зашептала:

– Знаю, что он никчемный человек! Пьяный, никуда не годный бездельник! Надо что-нибудь придумать. Какое-нибудь волшебство. – Она дождалась того момента, когда голос зазвучал перед домом. – Да, пора. Это единственный шанс. – Спрятав голову под подушку, она торопливо забормотала: – Люблю этого певца, даже никчемного. Ни разу не видела его лица и все же люблю больше всех на свете. Господи Иисусе, помоги преодолеть желание. Помогите избавиться от этого человека.

Потом она лежала неподвижно в ожидании ответа на свою горячую молитву. Ответ явился вместе с последним всплеском боли. Из боли выросла ненависть к Бенджи – настолько неистовая и мощная, что челюсти сжались, а губы обнажили хищный оскал. По коже поползли мурашки ненависти. Ногти заболели от желания вцепиться в плоть. Потом ненависть улету-

⁶ Педро, Родарте и Симон пили вино (*исп.*).

чилась. Постепенно слабевший вдали сладкий голос вызывал все меньше интереса. Лежа на спине, Элизабет переплела пальцы за головой.

«Теперь я скоро выйду замуж», – подумала она спокойно.

Глава 9

Прежде чем свадьба состоялась, осень успела потемнеть и превратиться в зиму. Потом пришла весна, а весну сменила еще одна осень. Следовало подумать о завершении учебного года. Только после этого, в разгар летней жары, когда дубы разомлели под палящим солнцем, а река сжалась и превратилась в ручей, Элизабет нашла время обратиться к модисткам. Трава на склонах холмов созрела; по ночам скот выходил из зарослей пастись, а едва вставало солнце, снова прятался в пропитанную ароматом полыни тень и весь день сонно жевал жвачку. Душистое сено заполнило амбары выше стропил.

Целый год Джозеф раз в неделю ездил в Нуэстра-Сеньора, чтобы посидеть с Элизабет в гостинной или прокатиться вместе с ней в бричке.

– Когда мы поженимся, Элизабет? – спросил он однажды.

– Надо закончить учебный год, – ответила она, – и сделать еще тысячу разных дел. Съездить ненадолго в Монтерей. Отец захочет увидеть меня перед свадьбой.

– Правильно, – рассудительно согласился Джозеф. – Потом можешь измениться.

– Знаю. – Элизабет сжала ладони вокруг его запястья и взглянула на переплетенные пальцы. – Смотри, как трудно пошевелить тем пальцем, которым хочется пошевелить. Сразу перестаешь понимать, где какой.

Джозеф улыбнулся ее наивной привычке цепляться за мелочи, чтобы не думать.

– Боюсь измениться, – призналась Элизабет. – Хочу и боюсь. Как по-твоему, растолстею? Быстро превращусь в другую женщину и буду вспоминать себя прежнюю, как умершую подругу?

– Не знаю, – ответил Джозеф, просунув палец в складку на плече ее английской блузки. – Возможно, вообще ничто в мире не меняется; все вокруг продолжается без изменений.

Однажды Джозеф привез невесту на ранчо и, не удержавшись от легкого хвастовства, принялся показывать ей свои владения.

– Вот дом. Его я построил первым делом, как только сюда приехал. Сначала на многие мили вокруг ничего не было. Только этот дом под дубом.

Элизабет прислонилась к дереву и погладила кору.

– Должно быть, там, наверху, приятно сидеть – в том месте, где ветки выходят из ствола. Можно мне залезть на дуб, Джозеф? – Она обернулась и встретила странный, волнующе пристальный взгляд. Темные волосы растрепались и упали на глаза. «Если бы у него оказалось тело коня, я полюбила бы его еще сильнее», – внезапно подумала Элизабет.

Джозеф быстро подошел и подал ей руку.

– Обязательно залезь на дерево! Хочу, чтобы ты это сделала. Давай помогу. – Он сложил ладони, чтобы Элизабет встала на них, как на ступеньку, поднял девушку и поддерживал до тех пор, пока она не уселась в развилке, откуда росли прочные ветки. Он увидел, как естественно ее фигура вписалась в этот изгиб, как крепко обняли ее серые руки дерева, и крикнул:

– Я очень рад!

– Рад, Джозеф? Да, выглядишь радостным. Глаза сияют. Но что же тебя обрадовало?

Он потупился и тихо рассмеялся.

– Иногда радуешься странным вещам. Сейчас мне приятно, что ты сидишь на моем дереве. А мгновение назад вдруг показалось, будто бы я вижу, что мое дерево тебя любит.

– Отойди немного, – попросила Элизабет. – Хочу забраться повыше, чтобы заглянуть за амбар.

Джозеф шагнул в сторону, потому что Элизабет была в пышной юбке.

– Как странно, что до сих пор я не замечала сосен на горном хребте. А теперь увидела и сразу почувствовала себя дома. В Монтерее родилась среди сосен. Когда поедем туда венчаться, ты их увидишь.

– Это необычные сосны. После свадьбы когда-нибудь отвезу тебя туда.

Элизабет осторожно слезла с дуба и встала рядом с женихом. Потом заколола волосы, ловкими пальцами поймала выбившиеся пряди и умело вернула их на место.

– Если заскучаю по дому, можно будет подняться к тем соснам и представить, что вернулась на родину.

Глава 10

Свадьба состоялась в Монтерее, в маленькой протестантской часовне. Церемония прошла торжественно и уныло. Церковь так часто наблюдала смерть двух зрелых тел в процессе бракосочетания, что, казалось, ритуалом венчания праздновала мистическую двойную кончину. И Джозеф, и Элизабет ощущали мрачность приговора.

«Всю оставшуюся жизнь вам предстоит терпеть», – обещал безрадостный церковный ритуал, а холодная музыка звучала безысходным пророчеством.

Элизабет посмотрела на сутулого отца: тот едва терпел ненавистную обстановку христианского храма, считая все вокруг оскорблением того, что называл своим интеллектом. Сухие пальцы не несли благословения. Она поспешно перевела взгляд на стоявшего рядом человека, который с каждой секундой все больше превращался в ее мужа.

Лицо Джозефа выглядело решительным и суровым. На скулах выступили желваки от напряжения. Вдруг Элизабет стало его жалко. С острой печалью она подумала: «Если бы мама была с нами, она могла бы сказать: «Вот моя дочка. Она хорошая девочка, Джозеф, потому что я люблю ее. И как только научится, станет хорошей женой. Надеюсь, ты вырвешься из своей жесткой скорлупы, Джозеф, и сможешь отнестись к Элизабет с нежностью. Это единственное, чего она хочет; исполнить желание девочки не так уж сложно»».

Внезапно глаза Элизабет наполнились слезами.

– Согласна, – произнесла она громко и про себя добавила: «Надо немного помолиться. Господи Иисусе, помоги. Мне очень страшно. За все время, отведенное на познание себя, я так ничего и не узнала. Смилуйся надо мной, Господи Иисусе, – хотя бы до тех пор, пока не пойму, что собой представляю».

Хотелось увидеть на стене распятие, но церковь была протестантской. А когда Элизабет нарисовала Христа в воображении, тот предстал с красивым мужественным лицом, молодой бородой и пронзительными растерянными глазами стоявшего рядом Джозефа.

А в эту самую минуту мозг Джозефа сжимал непонятный страх.

«В церковном ритуале есть что-то безнравственное, – думал он. – Почему, чтобы найти свой брак, мы должны пройти через странное испытание? Мне казалось, что в церкви таится та красота, которую ищет человек, а здесь только жалкое, рабское поклонение». Его постигло разочарование за себя и за Элизабет, смешанное с чувством вины из-за того, что ей приходится терпеть столь грязное вступление в брак.

Элизабет потянула его за рукав и прошептала:

– Все, конец. Теперь надо выйти. Повернись ко мне. – Она взяла его под руку, и, как только они сделали первый шаг по проходу, с колокольни донесся мелодичный перезвон.

Джозеф судорожно вздохнул и подумал: «Вот и Бог пришел на свадьбу; жаль, что с опозданием. Наконец-то железный Бог. – Он чувствовал, что если бы знал действенный способ, то в эту минуту начал бы молиться. – Вот что нас связывает. Вот настоящая свадьба – добрый железный голос!»

Вот то, что мне близко и что я знаю. Возлюбленные колокола, наполняющие своим голосом тела и неистовые сердца! Так утром солнечные лучи бьют в небесный колокол; так гулко стучит дождь по полному животу земли. Конечно знаю: так молния пронзает измученный воздух. А порою, желтым днем, горячий сладкий ветер играет верхушками деревьев».

Он робко взглянул на жену и прошептал:

– Колокола прекрасны, Элизабет. Колокола священны.

Она вздрогнула и посмотрела недоуменно, так как образ не изменился: лицо Христа по-прежнему воплощалось в лице Джозефа. Она неловко рассмеялась и призналась себе: «Молюсь собственному мужу».

Когда молодожены собрались в путь, шорник Макгрегор загрустил и неуклюже поцеловал дочь в лоб.

– Не забывай отца. Впрочем, если забудешь, не удивлюсь. Сейчас это почти в порядке вещей.

– Ты приедешь к нам на ранчо, папа?

– Никого не навещаю, – сердито ответил Макгрегор. – От обязательств человек только слабеет, а удовольствия не получает.

– Будем рады вас видеть, – заметил Джозеф.

– Долго будете ждать – и вы, и ваши сотни акров. Скорее встретимся в аду, чем приеду на ранчо.

Он отвел Джозефа в сторону, чтобы не услышала Элизабет, и горестно признался:

– Ненавижу тебя за то, что ты сильнее меня. Хочу полюбить, но не могу: слишком слаб. То же самое с Элизабет и ее сумасшедшей матерью. Обе знали, что я слаб, и за это я обеих ненавидел.

Джозеф улыбнулся. Шорник вызывал жалость и сочувствие.

– То, что вы делаете сейчас, – вовсе не слабость.

– Нет! – воскликнул Макгрегор. – Это хороший, сильный поступок. О, я знаю, как быть сильным, но не могу научиться выдержке и упорству.

Джозеф снисходительно похлопал тестя по руке:

– Будем рады, если приедете.

Губы Макгрегора тут же сердито сжались.

Из Монтерея ехали на поезде по длинной долине Салинас – серо-золотой аллее между двумя мощными горными хребтами. Смотрели в окно и видели, как ветер дует по долине в сторону океана, как своей сухой мощью пригибает к земле злаки; как травы ложатся и напоминают гладкую собачью шерсть; как он гонит к устью долины целые стада перекасти-поле, как стгибает деревья, приказывая им расти криво. На маленьких станциях Чуалар, Гонсалес и Гринфилд видели обозы с зерном, ожидающие погрузки огромных мешков. Поезд шел вдоль пересохшей реки Салинас. Там по горячему песку широкого желтого русла безутешно бродили цапли в поисках воды, где еще могла остаться рыба, и, нервно оглядываясь на поезд, убегал испуганный койот. А горы тянулись по обе стороны подобно рельсам для невиданного огромного поезда.

В станционном городке Кинг-Сити Джозеф и Элизабет сошли с поезда и отправились в платную конюшню, где дожидались лошади. По дороге из Кинг-Сити в долину Пресвятой Девы оба чувствовали себя свежими, сияющими и странно молодыми. В багажном ящике стояли корзины с новой одеждой. Длинные плащи защищали дорожные костюмы от пыли, а лицо Элизабет прикрывала синяя вуаль, из-под которой в поисках впечатлений стреляли по сторонам любопытные глаза. Сидя плечом к плечу и глядя вперед, на коричневатую-желтую дорогу, Джозеф и Элизабет испытывали смущение: игра казалась слишком дерзкой. Отдохнувшие за четыре дня, сытые лошади дергали головами и рвались вперед, однако Джозеф сдерживал их нетерпение, приговаривая:

– Тише, тише; не спешите. Пока доедем до дома, еще успеете устать.

В нескольких милях впереди показались ивы. Раскидистые гибкие деревья росли на берегу речки, спешившей навстречу широкой реке Салинас. Ивы уже пожелтели, а листья ядовитого дуба угрожающе покраснели. В месте слияния рек Джозеф остановил бричку, чтобы посмотреть, как живая вода речки Нуэстра-Сеньора устало погружается в белый песок и пропадает в новом русле. Говорили, что под землей она продолжает течь так же весело, и в этом можно было убедиться, прокопав песок на несколько футов в глубину. Неподалеку от места впадения виднелись широкие ямы, заботливо вырытые в русле специально для того, чтобы скот мог утолить жажду.

Джозеф расстегнул плащ, так как день выдался очень жарким, снял черную шляпу, развязал шарф, защищавший от пыли воротник, и протер им кожаную ленту.

– Хочешь спуститься, Элизабет? Можно ополоснуть руки, и сразу станет прохладнее.

Однако Элизабет покачала головой. Странно было видеть, как качается эта закутанная голова.

– Нет, милый, мне хорошо. Когда приедем домой, будет уже очень поздно. Лучше поспешим.

Он ударил поводьями по крупам лошадей, и те послушно потрусили вдоль реки. Ивы низко склонялись над их головами, а иногда ласково касались плеч длинными гибкими ветками. Сверчки истошно трещали в нагретых кустах, а кузнечики взлетали на белых или желтых крыльях, на миг восторженно задерживались в воздухе и шлепались в мягкую сухую траву. Время от времени с дороги в панике убегали маленькие калифорнийские кролики, а едва оказавшись в безопасности, садились на задние лапки и с любопытством рассматривали бричку. Терпкий дух перегретой травы смешивался с горьким запахом ивовой коры и ароматом лавровых деревьев. Откинувшись на кожаную спинку сиденья, Джозеф и Элизабет отдались на волю жаркого дня и ритмичного перестука копыт. Их спины и плечи послушно повторяли каждое движение брички. Оба впали в состояние, похожее на сон, но более глубокое и лишенное сновидений. Теперь дорога и река вели прямоком в горы. Темный шалфей покрывал высокие гребни подобно грубому меху – все пространство, кроме шрамов от воды, остававшихся серыми и голыми, как недавно зажившие раны от седла на спине лошади. Солнце клонилось к западу, а дорога и река указывали место заката. Для сидящей в бричке пары время растворилось в неровных промежутках между мыслями. Холмы и русло реки величественно подступили, а вскоре дорога начала подниматься, и лошади напряглись, тяжело вздымая и резко, словно молоты, роняя головы. Путь вверх по склону оказался долгим. Колеса скрипели на плоских хлопьях известняка, составлявшего основную породу холмов. Железные обода жестко стучали по камням.

Джозеф наклонился и встряхнул головой, чтобы прогнать забытие, как собака вытряхивает из ушей воду.

– Элизабет, мы подъезжаем к ущелью.

Она развязала вуаль и подняла на шляпу. Глаза начали медленно оживать.

– Должно быть, уснула.

– И я тоже. Задремал с открытыми глазами. Но мы уже возле ущелья.

Гора была расколота. Два белых выступа из гладкого известняка аккуратно обрушились, немного склонившись навстречу друг другу и оставив место только для русла реки. Дорога лепилась к скале в десяти футах над поверхностью воды. В середине ущелья, где зажатая с обеих сторон река текла быстро, глубоко и беззвучно, из воды поднимался грубый монолит и с сердитым ворчаньем разрезал поток, словно нос упрямо борющейся с течением лодки. Солнце уже спустилось за гору, но сквозь ущелье было видно, как его трепещущий свет ложится на долину Пресвятой Девы. Бричка попала в прохладную голубую тень белых скал. Визбравшись на вершину длинного склона, лошади теперь шли легко, однако испуганно вытягивали шеи и фыркали, искоса глядя на текущую далеко внизу реку.

Джозеф укоротил поводья и правой ногой слегка нажал на тормоз брички. Он взглянул на безмятежную воду и ощутил прилив чистой теплой радости от предвкушения возвращения в долину, до которой оставалось всего несколько мгновений пути. Затем повернулся к Элизабет, чтобы поделиться счастливым ожиданием, и увидел, что она побледнела, а в ее глазах застыл ужас.

– Давай остановимся, милый. Мне страшно! – Сквозь расщелину Элизабет смотрела в залитую солнцем долину.

Джозеф натянул поводья, до предела выжал тормоз и взглянул вопросительно:

– Прости, я не знал. Тебя пугают узкая дорога и река внизу?

– Нет.

Джозеф спустился на землю и подал ей руку. Однако едва он попытался подвести Элизабет к проходу между скалами, она вырвалась и дрожа остановилась в тени. «Надо постараться объяснить, – подумал он. – Я еще ни разу не говорил об этом. Боялся, что будет слишком сложно, но вот пришла пора выразить все, что необходимо сказать». Он мысленно подобрал те слова, которые собирался произнести. «Элизабет, – воскликнул беззвучно. – Слышишь меня? Я дрожу оттого, что предстоит передать самое сложное, и молюсь о даре выразить чувства. – Глаза его расширились, Джозеф впал в состояние транса. – Думаю без слов, – проговорил мысленно. – Считается, что это невозможно, и все-таки я думаю. Элизабет, услышь меня. Распятый Христос стал символом всей людской боли. А человек, стоящий на вершине холма с расprostертыми руками как символ символа, тоже способен вместить всю боль, которая существовала и будет существовать во веки веков».

На миг Элизабет ворвалась в его мысли с возгласом:

– Джозеф, мне страшно!

А потом он продолжил думать: «Послушай, милая. Ничего не бойся. Я говорю, что умею думать без слов. Позволь побродить среди этих слов на ощупь: попробовать их на вкус, испытать на прочность. Это пространство между привычной реальностью и реальностью чистой, незамутненной, не искаженной ощущениями. Здесь проходит граница. Вчера мы поженились, но это не стало свадьбой. Вот наша свадьба – путь через перевал – вход в ущелье подобно тому, как сперма и яйцеклетка соединяются в чуде беременности. Вот он, символ неискаженной реальности. В моем сердце живет мгновение, своей формой, сутью, продолжительностью не похожее на все остальные мгновения. Да, Элизабет, в этом мгновение заключена наша свадьба. – И он мысленно закончил: – Во время недолгого распятия Христос сосредоточил в своем теле все сущее страдание, и оно пребывало неискаженным».

Размышляя так, Джозеф улетел к звездам, но внезапно холмы окружили его, лишив одиночества чистого раздумья. Руки и ноги потяжелели и затекли, превратившись в неподъемный груз.

Элизабет заметила, как безнадежно обмяк его рот, как потускнели глаза, утратив недавний огненный блеск.

– Джозеф, чего ты хочешь? – воскликнула она. – О чем просишь меня?

Дважды он попытался ответить, однако горло сжималось и слова застревали в груди. Наконец, с трудом откашлявшись, он хрипло проговорил:

– Хочу пройти через ущелье.

– Я боюсь, Джозеф. Не знаю почему, но ужасно боюсь.

Он вырвался из состояния летаргии и непослушной, негнушейся рукой обнял жену.

– Нечего бояться, милая. Это совсем просто. Я слишком долго жил один, и теперь для меня очень важно пройти через ущелье вместе с тобой.

Она вздрогнула и в ужасе заглянула в зловещую синюю тьму.

– Я пойду, Джозеф, – ответила она горестно. – Должна пойти, но все равно останусь на этой стороне. Буду думать о себе как о девушке, что стоит здесь и сквозь узкий просвет смотрит на ту новую Элизабет, которая появится там, в долине.

Внезапно она вспомнила, как в крошечных оловянных чашках подавала чай трем подружкам и как они строго напоминали друг другу: «Теперь мы леди, а леди всегда сидят ровно и красиво держат руки».

А еще вспомнила, как пыталась поймать в носовой платок сновидения любимой куклы.

– Джозеф, быть женщиной очень страшно и тяжело. Я боюсь. Все, о чем я думала прежде; все, чем была, останется на этой стороне, а на другую сторону придет новая, взрослая женщина. Казалось, что перемена может произойти постепенно, а получается так быстро.

Вспомнились слова мамы: «Когда вырастешь, Элизабет, узнаешь боль, но совсем не ту, о которой думаешь. Это будет боль, которую нельзя облегчить целебным поцелуем».

– Сейчас пойду, Джозеф, – пообещала она спокойно. – Я часто веду себя глупо; тебе придется привыкнуть.

Тяжесть неизвестности покинула Джозефа. Он крепче обнял жену за талию и осторожно повел вперед. Даже не поднимая головы, Элизабет ощущала его ласковый взгляд. Они медленно прошли сквозь синюю тень ущелья. Джозеф коротко рассмеялся.

– Бывает боль более острая, чем восторг, Элизабет. Почти как острая перечная мята, которая обжигает язык. Горечь женского существования может превратиться в экстаз.

Его голос стих, а шаги застучали по каменистой дороге, эхом отдаваясь среди скал. Элизабет закрыла глаза и доверилась крепкой руке. Она попыталась отключить сознание, погрузить разум во тьму, но все равно слышала сердитое бормотанье рассекающего воду монолита и ощущала горный холод воздуха.

А потом воздух потеплел, и дорога уже не казалась такой жесткой. Свет под опущенными веками сначала стал черно-красным, а потом желто-красным. Джозеф остановился и крепко прижал ее к груди.

– Теперь все, Элизабет. Мы сделали это.

Она открыла глаза и посмотрела вокруг, на уединенную живописную долину. Земля танцевала в сиянии солнца и блеске деревьев; оживляя угасающий день, на свежем ветру слегка покачивались небольшие рощицы белых дубов. Перед восхищенным взором раскинулся городок Пресвятой Девы с потемневшими от времени, но украшенными плетистыми розами домами и пылающими огнем настурций заборами. Элизабет с облегчением воскликнула:

– Я спала и видела дурной сон! Постараюсь его забыть. Все это неправда.

Глаза Джозефа сияли.

– Значит, быть женщиной не так уж плохо? – спросил он.

– Все осталось прежним. Ничего не изменилось. Даже не представляла, насколько прекрасна твоя долина!

– Подожди здесь, – попросил он. – Сейчас приведу лошадей.

Однако стоило ему уйти, как Элизабет горько расплакалась, увидев девочку с косичками и в короткой крахмаленной юбочке. Малышка медлила на краю ущелья, с тревогой заглядывала в темноту, переминалась с ноги на ногу, нервно подпрыгивала и бросала в поток камешки. Девочка немного постояла, как когда-то сама Элизабет стояла на углу улицы, ожидая возвращения отца, а потом печально отвернулась и медленно пошла в сторону Монтерея. Элизабет пожалела бедняжку. Трудно быть ребенком: впереди еще столько испытаний, столько болезненных царапин и шишек.

Глава 11

Повозка благополучно миновала ущелье. Лошади высоко поднимали ноги, для надежности стараясь ступать как можно дальше от обрыва, и с опаской косились на реку, а Джозеф с силой натягивал поводья и до визга выжимал тормоз. Едва выйдя на простор, лошади успокоились, и долгое путешествие возобновилось. Джозеф остановил бричку, помог Элизабет вернуться на место. Она села прямо, запахнула на коленях плащ, опустила на лицо вуаль и заметила:

– Если поедem через город, все будут нас рассматривать.

Джозеф что-то сказал лошадям на понятном им языке и ослабил поводья.

– Людское любопытство раздражает тебя?

– Разумеется, нет. Напротив, радуется. Испытаю гордость, как будто сделала что-то необычное. Но когда все будут на меня смотреть, придется сидеть прямо и держаться правильно.

Джозеф засмеялся.

– Может быть, никто и не посмотрит.

– Все посмотрят. Заставлю посмотреть.

Они поехали по единственной длинной улице городка, где дома лепились к дороге, как будто старались согреться. Женщины выходили на крыльцо, чтобы увидеть молодую пару, приветственно махали толстыми руками и бережно произносили новый титул, так как само слово звучало совсем по-новому:

– Buenas tardes, señora⁷. – И тут же через плечо обращались к кому-то в доме: – Ven aca, mira! mira! La nueva señora Wayne viene!⁸

Элизабет приветливо махала в ответ, но все же старалась выглядеть чинной, взрослой особой. Чуть дальше пришлось остановиться, чтобы принять подарки. Посреди дороги стояла пожилая миссис Гутьерес; она держала за ноги курицу и громко расхваливала ее достоинства. Однако едва птица оказалась в багажном ящике брички, миссис Гутьерес застеснялась. Она поправила волосы, сжала руки и наконец с криком «No le hace!»⁹ убежала во двор.

Прежде чем они доехали до конца улицы, в ящике собралась шумная компания связанной живности: два поросенка, ягненок, коза с испуганными глазами и подозрительно сморщенным выменем, четыре курицы и бойцовый петух. Из салуна высыпали веселые посетители и радостно вскинули кружки. Некоторое время молодоженов сопровождали пожелания счастья. Но вот последний дом остался за спиной, а дорога пошла вдоль реки.

Элизабет откинулась на спинку сиденья и глубоко вздохнула. Ее ладонь украдкой забралась в сгиб локтя мужа, на миг сжала руку и замерла в покое.

– Как в цирке, – сказала Элизабет. – Как на параде.

Джозеф снял шляпу и положил на колени. Влажные волосы спутались, глаза смотрели устало.

– Они хорошие люди, – проговорил он умиротворенно. – Буду рад оказаться дома. А ты?

– И я тоже, – ответила Элизабет и вдруг добавила: – Иногда любовь к людям становится такой же сильной и горячей, как страдание.

Джозеф быстро обернулся и взглянул удивленно: она только что высказала его собственную мысль.

– Почему ты об этом подумала, милая?

– Не знаю. А что?

⁷ Добрый вечер, сеньора (*исп.*).

⁸ Иди сюда, смотри, смотри! Едет новобрачная – сеньора Уэйн! (*исп.*)

⁹ Здесь: «Какая разница!» (*исп.*)

– Я думал о том же: иногда люди, холмы, земля – все, кроме звезд, становится единым целым, и любовь к этому миру остра, как страдание.

– Значит, не звезды?

– Нет, звезды никогда. Звезды всегда чужие. Порою зловещие, но всегда чужие. Чувствуешь, как пахнет шалфей, Элизабет? Приятно вернуться домой.

Она подняла вуаль и глубоко, жадно вдохнула. Платаны начали желтеть, а земля уже покрылась первыми опавшими листьями. Бричка выехала на повторявшую линию реки длинную дорогу; солнце повисло над вершинами гор, за которыми прятался океан.

– Приедем глубокой ночью, – вздохнул Джозеф. Свет в лесу казался золотисто-синим, среди круглых камней бежал ручей.

С наступлением вечера воздух стал влажным и прозрачным, так что горы выглядели твердыми и острыми, как хрусталь. После захода солнца настало волшебное время: Джозеф и Элизабет смотрели вперед, на четко очерченные холмы, и не могли отвести глаз. Стук копыт и журчанье воды углубляли состояние транса. Джозеф сосредоточил немигающий взгляд на линии света над западным гребнем гор. Мысли замедлились, превратившись в картины, и на вершинах появились причудливые фигуры. С океана прилетела черная туча и зацепилась за гребень, а воображение превратило ее в голову черного козла. Джозеф ясно видел косо поставленные желтые глаза – умные и ехидные – и изогнутые рога. «Знаю, что козел действительно сидит, положив бороду на горный хребет, и смотрит в долину, – промелькнуло в сознании. – Он должен там быть. Кажется, я где-то прочитал или кто-то мне рассказал, что из океана должен выйти козел. – В эту минуту ему ничто не мешало собственной властью создавать вещи столь же великие, как сама земля. – Если решу, что козел там, он там появится. И я это сделаю. Козел важен».

Высоко в небе порхали птицы. Ловили крылышками последние солнечные лучи и мерцали, как маленькие звезды. Сыч вылетел на охоту и теперь отважно парил в воздухе, оглашая округу пронзительным криком в надежде вспугнуть притаившихся в траве маленьких существ, заставить их вздрогнуть и выдать свое присутствие. Долину быстро заполнил мрак, а черное облако, словно налюбовавшись земной красотой, вернулось в океан.

«Надо запомнить, что это был козел, чтобы никогда не оскорбить животное недоверием», – подумал Джозеф.

Элизабет слегка вздрогнула, и он обернулся:

– Замерзла, милая? Хочешь, прикрою колени попоной?

Она снова вздрогнула, но уже не так заметно, потому что постаралась сдержаться.

– Мне не холодно. Просто сейчас какое-то странное время. Поговори со мной. Опасное время.

Джозеф все еще думал о козле.

– Что значит опасное? – Он взял ее сжатые ладони и переложил на свое колено.

– Опасность в том, что можно потерять себя. Это из-за света. Вдруг показалось, что я таю и растворяюсь, как облако; сливаюсь со всем, что есть вокруг. Ощущение очень приятное, Джозеф. А потом закричал сыч, и стало страшно, что если слишком сильно сольюсь с холмами, то больше никогда не смогу снова превратиться в Элизабет.

– Так влияет вечер, – успокоил он. – Действует на все живые существа. Замечала когда-нибудь, как в это время ведут себя животные и птицы?

– Нет, – ответила она и с готовностью повернулась, почувствовав, что нашла взаимопонимание. – Кажется, я раньше вообще мало что замечала. А теперь словно глаза открылись. Как же по вечерам ведут себя животные?

Голос Элизабет прозвучал слишком громко и спутал его мысли.

– Не знаю, – ответил Джозеф угрюмо. – Точнее, знаю, но должен подумать. На подобные вопросы не ответишь так сразу, – поспешно добавил он, почувствовав, что был резок. Умолк

и посмотрел в сгущающийся мрак. – Да, – заговорил он наконец. – Примерно так: вечером, когда становится по-настоящему темно, все животные замирают. Даже не мигают. Как будто о чем-то мечтают.

Он снова умолк.

– Помню кое-что интересное, – заговорила Элизабет. – Сама не знаю, когда заметила. Но ты сказал, что дело во времени суток, а эта картина важна для вечера.

– Что же? – уточнил он с интересом.

– Когда кошки едят, их хвосты лежат прямо и неподвижно.

– Да, – кивнул Джозеф. – Да, так и есть.

– И это единственное время, когда хвосты кошек лежат прямо и не шевелятся.

Элизабет весело рассмеялась. Теперь, рассказав об этом глупом наблюдении, она поняла, что его можно считать пародией на мечтающих животных Джозефа, и обрадовалась. Замечание показалось ей довольно глубоким.

Однако Джозеф не понял, какой мудрый вывод следует из кошачьих хвостов, и просто сказал:

– Сейчас поднимемся на холм, потом снова спустимся к лесу у реки. Проедем по длинной равнине, и все – мы дома. С вершины увидим огни.

Уже совсем стемнело. Опустилась глухая молчаливая ночь. Бричка взбиралась по склону, словно не желавшая подчиняться закону природы упрямая букашка.

Элизабет прижалась к мужу.

– Лошади идут уверенно. Знают дорогу или ориентируются по запахам?

– Видят, дорогая. Это только для нас совсем темно, а для них сейчас всего лишь глубокие сумерки. Скоро поднимемся на холм, и сразу появятся огни. Слишком тихо, – пожаловался он. – Мне эта ночь не нравится. Ничто вокруг не движется.

Подъем занял не меньше часа, и на вершине Джозеф остановился, чтобы дать лошадям отдых. Склонив головы, те дышали тяжело, но ровно.

– Смотри, – показал он. – Вон там горят огни. Уже поздно, но братья нас ждут. Я не сказал, когда приедем, но они, наверное, догадались. Один из огней движется. Скорее всего, фонарь во дворе. Должно быть, Томас пошел в конюшню, чтобы проверить лошадей.

Ночь накрыла округу плотным покрывалом. Впереди послышался тяжелый вздох; из долины прилетел ветерок и зашуршал в сухой траве.

– Где-то близко враг. Воздух недружественный, – с тревогой пробормотал Джозеф.

– Что ты говоришь, милый?

– Говорю, что погода меняется. Скоро начнется гроза.

Ветер усилился и принес протяжный собачий вой. Джозеф сердито подался вперед.

– Бенджи уехал в город. Я же сказал ему, чтобы, пока меня нет, сидел дома. Это его собака воет. Каждый раз, когда он уезжает, всю ночь не дает спать. – Он натянул поводья. Лошади сделали несколько тяжелых шагов, но тут же выгнули шеи и наострили уши. Джозеф и Элизабет тоже слышали ровный стук копыт. Лошадь скакала галопом.

– Кто-то едет навстречу, – проговорил Джозеф. – Наверное, Бенджи торопится в город. Попробую его вернуть.

Всадник приблизился и так резко натянул поводья, что лошадь едва не встала на дыбы. Хриплый голос крикнул:

– Сеньор, это вы? Дон Джозеф?

– Да, Хуанито, в чем дело? Куда спешишь?

Лошадь пронеслась мимо, а хриплый голос ответил:

– Скоро захотите со мной встретиться, мой друг. Буду ждать вас возле камня, среди сосен. Я не знал, сеньор! Клянусь, не знал!..

Послышался глухой стук шпор. Лошадь фыркнула и ринулась вперед, вниз по склону. Джозеф выхватил из гнезда хлыст и пустил своих лошадей рысью.

Элизабет постаралась заглянуть в его хмурое лицо.

– Что случилось, милый? О чем он говорил?

Руки Джозефа мерно поднимались и опускались, крепко сжимая поводья и одновременно подгоняя лошадей. Железные обода скрежетали на камнях.

– Пока не знаю. Не зря чувствовал, что ночь плохая.

Бричка уже спустилась в долину. Лошади пытались замедлить шаг, однако Джозеф продолжал подгонять их до тех пор, пока они не перешли на неровный бег. Бричку так трясло на ухабах, что Элизабет пришлось упереться ногами в пол и обеими руками вцепиться в борт.

Теперь уже были видны строения ранчо. Фонарь стоял на куче навоза, и свет отражался от заново побеленной стены конюшни. В двух домах горел свет, и сквозь окна Джозеф увидел, как внутри беспокойно снуют люди. Как только они подъехали, во двор вышел Томас и остановился возле фонаря. Он взял поводья и погладил лошадей по шеем. На его лице застыла неподвижная улыбка.

– Быстро вернулись, – заметил он.

Джозеф спрыгнул на землю.

– Что случилось? Я встретил Хуанито.

Томас отстегнул мартингалы и пошел к крупам, чтобы ослабить лямки.

– Мы ведь знали, что однажды это произойдет. Даже обсуждали с тобой.

Откуда-то из темноты возле брички появилась Рама.

– Здравствуй, Элизабет. Наверное, тебе лучше пойти со мной.

– В чем дело? – испуганно воскликнула Элизабет.

– Пойдем, дорогая. Сейчас все объясню.

Элизабет вопросительно взглянула на мужа.

– Да, иди, – кивнул Джозеф. – Иди с ней в дом.

Дышло упало; Томас снял упряжь с мокрых лошадиных спин.

– Ненадолго оставлю их здесь, – сказал он, будто оправдываясь, и бросил упряжь через ограду загона. – Пойдем.

Джозеф неподвижно смотрел на фонарь. Потом взял его и обернулся.

– Конечно, Бенджи что-то натворил. Сильно поранился?

– Умер, – ответил Томас. – Уже два часа как мертв.

Братья вошли в маленький дом Бенджи, миновали темную гостиную и остановились в спальне, где горела лампа. Джозеф взглянул на искаженное дикой болью лицо младшего брата: зубы обнажились, сломанный нос распух. На глазах тускло мерцали монеты в пятьдесят центов.

– Через некоторое время лицо немного разгладится, – сказал Томас.

Джозеф медленно перевел взгляд на лежащий на столе, возле кровати, нож. Он воспринимал события так, словно смотрел на все с высоты. Душу наполнял странный, похожий на высшее знание, могущественный покой.

– Это сделал Хуанито? – произнес Джозеф почти утвердительно.

Томас взял нож и протянул брату, а когда тот отказался взять, снова положил на стол.

– Вонзил в спину, – пояснил он тихо. – Хуанито поехал в Нуэстра-Сеньора за пилой, чтобы укоротить рога тому драчливому быку, который так всем надоел, но слишком рано вернулся.

Джозеф отошел от кровати.

– Давай его прикроем. Что-нибудь накинём сверху. Я встретил Хуанито по дороге; он сказал, что не знал.

Томас жестко рассмеялся.

– Откуда он мог знать? Лица же не видел. Просто застал на месте и ударил. Хотел сразу сдаться, но я велел дожидаться тебя. Нам предстоит суд.

Джозеф продолжал смотреть в сторону.

– Думаешь, придется вызвать coronera? Вы что-нибудь поменяли?

– Принесли домой. И еще подтянули ему штаны.

Джозеф пригладил бороду и завернул внутрь ее концы.

– А где Дженни?

– Бертон увел ее к себе молиться. Она плакала, когда уходила. А сейчас, наверное, бьется в истерику.

– Отправим ее домой, на восток, – решил Джозеф. – Жить здесь все равно не сможет. – Он шагнул к двери. – Тебе придется поехать в полицию и доложить о смерти. Постарайся убедить их, что произошел несчастный случай. Может быть, не станут проверять. Это действительно несчастный случай.

Джозеф вернулся к кровати, небрежно похлопал Бенджи по руке и вышел из дома.

Он медленно зашагал по двору туда, где на фоне темного неба чернел дуб. Подойдя, прислонился спиной к стволу и посмотрел вверх, в густую крону: среди веток мерцали бледные туманные звезды. Потом нежно провел ладонями по коре.

– Бенджамин умер, – поведал он тихо, глубоко вздохнул, а потом повернулся, залез на дерево, устроился среди мощных сучьев и прижался щекой к прохладной шершавой коре. Он знал, что мысль его будет услышана: «Теперь точно знаю, в чем заключалось благословение. Знаю, какую ношу взял на себя. Томасу и Бертону позволено иметь предпочтения и испытывать неприязнь; только я отрезан от всего. Да, отрезан. Не смогу познать ни удачу, ни неудачу. Не смогу отличить хорошее от плохого. Мне отказано даже в способности почувствовать разницу между наслаждением и болью. Все едино, и все – часть меня».

Джозеф посмотрел на дом, откуда только что вышел. Свет в окне мигал, то появляясь, то исчезая. Собака Бенджи снова завывала, а койоты вдалеке слышали вой и поддержали его безумным хохотом. Джозеф крепко обнял ствол и негромко заговорил:

– Бенджи мертв, а я не рад и не опечален, потому что не знаю причины испытывать то или иное чувство. Просто так и есть. Теперь я понимаю, отец, каким вы были – одиноким за пределами одиночества, спокойным, потому что ни с кем не имели связи.

Он спустился на землю и повторил:

– Бенджамин умер, сэр, и я не стал бы препятствовать смерти, даже если бы обладал властью. Искупления не требуется.

Он пошел к конюшне, чтобы оседлать коня и отправиться к большому камню, где ждал его Хуанито.

Глава 12

Рама взяла Элизабет за руку и повела по двору.

– Не надо плакать, – предупредила она спокойно. – Причины для слез нет. Ты не знала умершего человека, а значит, не можешь горевать. Обещаю, что не увидишь тело, поэтому бояться нечего.

Она поднялась на крыльцо и привела новую родственницу в уютную гостиную с лоскутными покрывалами на креслах и лампами с расписанными розами фарфоровыми абажурами. Даже коврики на полу были искусно сплетены из самых ярких нижних юбок.

– У вас красивый дом, – сказала Элизабет, глядя в широкое лицо с четко очерченными скулами, почти сросшимися на переносице черными бровями и густыми волосами, низко спускающимися на лоб «вдовий треугольником»¹⁰.

– Своими руками сделала его таким, – ответила хозяйка. – Надеюсь, ты тоже сможешь создать уют.

В соответствии с моментом Рама была одета в шуршащее при каждом движении платье из черной тафты с узким корсажем и широкой юбкой. Шею украшал амулет из слоновой кости на серебряной цепочке, давным-давно привезенный предком-моряком с далекого острова в Индийском океане. Она опустилась в кресло-качалку, сиденье и спинка которого были застелены покрывалом в мелкий цветочек, и вытянула на коленях сильные белые пальцы, как это делает пианист, пробуя клавиатуру.

– Садись, – произнесла она требовательно, не то приглашая, не то приказывая. – Придется подождать.

Элизабет чувствовала силу Рамы и знала, что должна проявить собственную личность, но близость этой уверенной женщины успокаивала и примиряла. Она скромно присела и сложила руки на коленях.

– Вы еще не объяснили, что случилось.

Рама грустно улыбнулась.

– Бедное дитя, ты приехала в плохое время. Любое время стало бы плохим, но это к тому же еще и постыдное. – Ее ладони сжались в кулаки. – Сегодня вечером Бенджамин Уэйна ударили ножом в спину. Спустя десять минут он умер, а через два дня будет похоронен. – Она печально посмотрела на Элизабет, как будто заранее предвидела все до мельчайших деталей. – Ну вот, теперь ты знаешь, что случилось, – продолжила Рама спокойно. – Сегодня можешь задавать любые вопросы. Мы потрясены и не принадлежим себе. Подобные события разрушают человеческую природу. Так что спрашивай сегодня. Завтра нас может охватить стыд. Как только похороним Бенджи, больше ни разу не упомянем его в разговоре, а через год и вообще забудем, что такой человек когда-то жил на свете.

Элизабет выпрямилась. Обстановка совсем не походила на ту картину счастливого приезда домой, которую она представляла: в ее воображении молодая супруга с достоинством принимала почтение клана и держалась любезно. Но сейчас комната кружилась под действием неуправляемой силы, а сама она сидела на краю бездонного черного озера и видела, как в глубине таинственно плавают огромные бледные рыбы.

– Почему его убили? – спросила Элизабет. – Слышала, что это сделал Хуанито.

На губах Рамы появилась неопределенная улыбка.

– Видишь ли, Бенджи был вором, – заговорила она. – Причем не очень-то ценил то, что крал. А крал он драгоценное женское достоинство. Пил, чтобы украсть частицу смерти, и

¹⁰ «Вдовий треугольник» – тип линии роста волос. По форме напоминает английскую букву V. Назван так из-за сходства с передней частью головного убора, который раньше носили женщины в Англии после смерти мужа.

наконец получил сполна. Это должно было случиться, Элизабет. Если бросить большую горсть бобов в перевернутый наперсток, то один наверняка попадет в цель. Теперь понимаешь? Хуанито приехал домой и обнаружил вора за работой. Все мы любили Бенджи, – продолжила Рама, помолчав. – Расстояние между презрением и любовью не так уж велико.

Перед силой этой женщины Элизабет чувствовала себя одинокой, отвергнутой и очень слабой.

– Я так долго ехала, – пожаловалась она. – Не обедала и даже еще не умылась.

От мысли о перенесенных лишениях ее губы задрожали. Глаза Рамы смягчились: она наконец-то увидела молодую жену хозяина ранчо.

– Где же Джозеф? – горестно спросила Элизабет. – Это наш первый вечер дома, а он куда-то пропал. Я даже глотка воды не выпила.

Рама встала и расправила шуршащую юбку.

– Прости, бедная девочка. Даже не подумала, что тебя надо накормить. Пойдем в кухню. Умоешься, а я заварю чай, порежу хлеб и мясо.

В кухне сипло пыхтел чайник. Рама положила на тарелку хлеб, куски ростбифа и налила чашку желтого чая.

– Давай вернемся в гостиную, Элизабет. Там будет удобнее ужинать.

Элизабет без стеснения смастерила пару толстых сэндвичей и жадно их проглотила. Однако особенно поддержал и успокоил ее горячий, крепкий, горьковатый чай. Снова сев в кресло, Рама с интересом наблюдала, как новая родственница набивает рот.

– Ты хорошенькая, – заметила она серьезно. – Не думала, что Джозеф найдет хорошенькую жену.

Элизабет покраснела.

– Что вы имеете в виду? – спросила наивно. Здесь были потоки чувств, которые она не могла понять, и способы мышления, которые не относились к категориям ее опыта и образования. Это обстоятельство слегка пугало, и все же она лукаво улыбнулась. – Конечно, он это знает. Сам мне говорил.

Рама спокойно рассмеялась.

– Оказывается, я понимала его хуже, чем думала. Считала, что будет выбирать жену так же, как выбирает корову, – чтобы та в полной мере соответствовала всем требованиям. Хорошая жена тоже должна соответствовать определенным запросам и напоминать корову. Возможно, Джозеф более человечен, чем я представляла. – В ее голосе послышалась горечь. Сильные белые пальцы пригладили волосы по обе стороны от ровного пробора. – Пожалуй, тоже выпью чашку чая. Только долью воды, а то, наверное, уже стал слишком крепким.

– Конечно, Джозеф вполне человечен, – подтвердила Элизабет. – Не понимаю, почему вам кажется иначе. Просто он стеснительный. Смущается, и все.

Внезапно ей вспомнились ущелье и бурлящая река. Стало страшно, и она поспешила выбросить мысль из головы.

Рама с жалостью улыбнулась.

– Нет, он вовсе не стеснительный. Думаю, во всем мире не найдется человека менее стеснительного. – И сочувственно добавила: – Ты не знаешь Джозефа. Расскажу о нем не для того, чтобы испугать, а чтобы ты не испугалась, когда его узнаешь.

Рама долго молчала, собираясь с мыслями и подбирая убедительные слова; но вот наконец она заговорила:

– Вижу, что ты уже ищешь оправдания – они словно кусты, за которыми можно спрятаться от собственных сомнений. – Ее пальцы утратили спокойствие: теперь они шевелились подобно щупальцам голодного морского существа. – «Он ребенок, – говоришь ты себе. – Он мечтает». – Ее голос зазвучал резко и уверенно. – Нет, он не ребенок. А если и мечтает, то ты никогда не узнаешь, о чем его мечты.

Элизабет обиженно вспыхнула:

– О чем вы говорите? Джозеф женился на мне, а вы стараетесь представить его чужим человеком. – Ее голос неуверенно дрогнул. – Конечно, я хорошо его знаю. Думаете, вышла бы за незнакомого человека?

Но Рама лишь улыбнулась.

– Не бойся, Элизабет. Ты уже кое-что видела в жизни. Думаю, жестокости в нем нет, так что можешь поклоняться без страха быть принесенной в жертву.

В памяти Элизабет внезапно возникла картина венчания – то самое мгновение, когда во время монотонной службы она перепутала мужа с Христом.

– Не понимаю, о чем вы! – воскликнула она. – Почему говорите «поклоняться»? Я устала; весь день ехала. Слова обладают значением, которое меняется вместе со мной. Что вы называете «поклонением»?

Рама подалась вперед и положила ладони на колени Элизабет.

– Сейчас странное время, – проговорила она тихо. – В самом начале я сказала, что сегодня вечером дверь открыта. Как в канун Дня Всех Святых, когда призраки свободно разгуливают где хотят. Сегодня умер наш брат, поэтому дверь открыта и во мне, и немного в тебе. На свет могут выйти мысли, которые обычно прячутся в глубине сознания, в темноте, забившись в какой-нибудь укромный уголок. Расскажу о том, что думаю, но обычно держу в секрете. Иногда в глазах других людей я замечаю ту же мысль, будто тень в воде.

В такт своим словам Рама легонько постукивала Элизабет пальцами по колену, а глаза ее блестели все ярче – пока не вспыхнули страстным светом.

– Я понимаю мужчин, – продолжила она. – Своего мужа знаю так хорошо, что чувствую его мысль, как только та зародилась. И чувствую побуждение, прежде чем импульс воплотится в движение. Я знаю Бертон до глубины его вялой души, а Бенджи... Я всегда видела его безмятежность и лень. Понимала, как искренне он сожалеет, что родился таким, но измениться не может. – Рама улыбнулась воспоминанию. – Однажды Бенджи пришел ко мне, когда Томаса не было дома. Потерянный и грустный. Почти до утра я держала его в объятиях словно малого ребенка. – Ее пальцы согнулись, практически сжавшись в кулак. – Понимаю их всех, – закончила она хрипло. – Интуиция никогда меня не подводит. Но Джозефа не понимаю. И отца его тоже не понимала.

Поддавшись ритму постукиваний, Элизабет медленно кивала.

Рама продолжала говорить:

– Не знаю, существуют ли на свете люди, рожденные за пределами человечности, или же некоторые из них настолько человечны, что другие кажутся попросту нереальными. Возможно, время от времени на земле появляется и живет Божество. Насколько в моих силах понять, Джозеф обладает запредельной, несокрушимой силой и спокойствием гор; чувства его дики, яростны, остры словно молния – и подобно молнии безрассудны. Когда его не будет рядом, постарайся о нем подумать, и тогда поймешь, о чем я говорю. Его фигура начнет расти и достигнет горных вершин, а сила превратится в непреодолимый порыв ветра. Бенджи умер. А представить смерть Джозефа невозможно. Он вечен. Отец его умер, но это не было смертью. – Губы Рамы беспомощно затрепетали в поисках слов, и она воскликнула словно от боли: – Говорю тебе, что этот мужчина – не человек, если не воплощает в себе всех мужчин! Мошь, упорство, долгие мучительные размышления всех мужчин мира, вся радость и все страдание, уничтожающие друг друга и все же сохраняющиеся в своей сути. Он – все это, вместилище для маленькой частицы души каждого мужчины и даже больше – символ души земли.

Рама опустила глаза и убрала руку.

– Я же сказала, что сегодня дверь открыта.

Элизабет потеряла коленку в том месте, где пальцы Рамы отбивали ритм. В ее глазах блестели слезы.

– Я так устала, – пробормотала она. – Долго ехала по жаре, и трава вокруг была бурой. Не знаю, достали ли из брички живых кур, поросят, ягненка и козу. Надо их развязать, а не то ноги распухнут.

Она вынула из кармана носовой платок, высморкалась и так старательно вытерла нос, что кончик покраснел.

– Вы любите моего мужа, – проговорила Элизабет строгим, обвиняющим тоном, не глядя на Раму. – Любите и боитесь.

Рама медленно подняла глаза, посмотрела в лицо Элизабет и снова потупилась.

– Я не люблю его. Шанса на взаимность нет. Я поклоняюсь ему, а поклонение – это чувство, которое не требует взаимности. И ты тоже станешь поклоняться без взаимности. Теперь ты знаешь все, так что не бойся.

Еще мгновение Рама смотрела на свои колени, а потом решительно подняла голову и пригладила волосы по обе стороны пробора.

– Дверь захлопнулась, – проговорила она тихо. – Все закончилось. Но на всякий случай запомни мои слова. Когда настанет трудное время, я буду рядом и помогу. Сейчас заварю свежий чай. Может быть, расскажешь мне о своем городе. Ты ведь из Монтерея, правда?

Глава 13

Джозеф вошел в темную конюшню и по длинному проходу за стойлами зашагал к висевшему на крючке фонарю. Чувя присутствие хозяина, лошади переставали ритмично жевать и оглядывались, а самые энергичные даже начинали топтать, чтобы привлечь его внимание. Томас стоял возле фонаря и седлал кобылу. Он перестал подтягивать подпругу и посмотрел на брата поверх седла.

– Решил выбрать Ронни, – пояснил он негромко. – А то слишком разленилась. Хорошая быстрая прогулка взбодрит ее. К тому же в темноте она идет увереннее всех.

– Придумай какую-нибудь историю, – посоветовал Джозеф. – Скажи, что Бенджи поскользнулся и наткнулся на нож. Постарайся сделать так, чтобы обойтись без коронера. Если удастся, похороним уже завтра. – Он устало улыбнулся. – Первая могила. Начинаем обжигаться. Дома, дети и могилы – это и есть настоящая семья. Такие вещи держат человека на земле. А кто в том стойле?

– Только Ключок, – ответил Томас. – Вчера выпустил всех верховых лошадей пастись, чтобы поели травы и размяли ноги. Им не хватает движения. А что, собираешься куда-то ехать?

– Да, причем как можно скорее.

– Хочешь догнать Хуанито? В этих холмах ни за что его не поймаешь. Парень знает здесь каждую травинку и каждую змеиную нору.

Джозеф перекинул подпругу и стремяна через висевшее на крюке седло и снял его, взяв за переднюю и заднюю луки.

– Хуанито ждет меня в соснах, – пояснил он коротко.

– Не езд сегодня, Джо. Подожди до завтра, хотя бы до восхода солнца. И возьми с собой ружье.

– Ружье-то зачем?

– Неизвестно, как парень себя поведет. Индейцы – странный народ. Невозможно предсказать, что им придет в голову.

– Хуанито не станет в меня стрелять, – уверенно возразил Джозеф. – Это было бы слишком просто, а смерти я не боюсь. Отсутствие страха надежнее ружья.

Томас отвязал недоуздок и вывел сонную кобылу из стойла.

– И тем не менее подожди до завтра. Хуанито никуда не денется.

– Нет, он меня ждет. Не могу подвести человека.

Томас направился к выходу, но по пути бросил через плечо:

– И все-таки думаю, что нужно взять ружье.

Джозеф услышал, как брат сел верхом и рысью выехал со двора; немедленно раздался звук возни и погони: вслед за хозяином бросились два молодых койота и собака.

Джозеф оседлал рослого Ключка, вывел коня в темноту и прыгнул в седло. Как только его глаза освободились от света фонаря, ночь приобрела более четкие очертания. Плавные, как линии человеческого тела, погруженные в лиловую мглу, склоны гор мягко темнели в недалекой перспективе. Все вокруг – ночь, холмы, черные полукружья деревьев – выглядело мягким и дружелюбным, как объятие. Лишь впереди в небо вонзались черные стрелы сосен.

Ночь старела, клонясь к рассвету; листья и травы шептались и вздыхали под свежим утренним ветром. Над головой свистели крылья уток: невидимый эскадрон уже тянулся к югу. В воздухе, ловя последние мгновенья ночной охоты, бесшумно сновали совы. Ветер доносил с холмов терпкий дух сосновой хвои, пронзительный запах дербенника и приятный букет рассерженного скунса, издали напоминавший аромат азалии. Джозеф едва не забыл, куда и зачем едет: холмы раскрывали нежные ладони, а горы казались такими же ласковыми и настойчивыми, как любящая полусонная женщина. Поднимаясь по склону холма, он явственно ощущал

тепло земли. Клочок вскидывал крупную голову, фыркал расширенными ноздрями, встряхивал гривой, задирает хвост и танцевал, несколько раз взбрыкнув и вытянув ноги словно скаковая лошадь.

Женственный облик гор напомнил об Элизабет. Джозеф спросил себя, что она сейчас делает. Он не думал о жене с того самого момента, как увидел стоявшего возле фонаря Томаса, а сейчас успокоил себя мыслью о том, что Рама сделает все необходимое.

Длинный пологий склон закончился; начался более крутой и трудный подъем. Клочок уже не радовался прогулке и не развлекался, а шел сосредоточенно, низко опустив голову. С каждым шагом острые сосны становились все выше и все упрямее вонзались в небо. Возле тропинки журчал спешивший вниз, в долину, ручей, и вдруг путь преградила сосновая роща. Черная стена выросла прямо на дороге. Джозеф свернул направо и попробовал вспомнить, далеко ли до ведущей на поляну широкой тропы. Клочок нервно заржал, остановился как вкопанный и упрямо встряхнул головой. Джозеф попытался направить его по тропе, однако конь наотрез отказался повиноваться. Удар шпорами лишь заставил его попятиться и упереться передними ногами, а хлыст подействовал еще хуже: Клочок развернулся и бросился вниз по склону. Джозеф спешился и взял коня под уздцы, однако тот решительно отказался двигаться. Мускулы на его шее дрожали.

– Хорошо, – сдался Джозеф. – Жди здесь. Не знаю, что тебя пугает, но Томас тоже этого боится, а он понимает природу куда лучше меня.

Он снял с передней луки веревку, обернул вокруг ствола молодого дерева и завязал на два узла.

Петлявшая между сосен тропа тонула во тьме. Даже небо терялось в плотном переплетении веток. Джозеф шагал осторожно, соразмеряя каждый шаг и ощупывая пространство вытянутыми руками, чтобы не наткнуться на ствол. Глубокую тишину нарушало лишь тихое бормотанье невидимого крошечного ручейка. Потом впереди появилось небольшое серое пятно. Джозеф опустил руки и быстро зашагал к цели. Ветки сосен шевелились под ветром, который не мог проникнуть в лес на равнине, но тревожил сосны на вершине хребта, рождая не звук и не вибрацию, а нечто среднее. Джозеф пошел осторожнее: дремлющая роща дышала страхом. Бесшумно ступая по мягкому хвойному ковру, он наконец добрался до круглой поляны – наполненного частицами света и накрытого тусклым куполом неба серого пространства. Свежий ветер неспешно шевелил кроны сосен, и иголки тихо свистели. Огромный камень в центре казался темнее стволов деревьев, и лишь светлячок безмятежно мерцал голубой точкой.

Приближаясь к камню, Джозеф испытывал тот же смутный, почти суеверный страх, который заставляет маленького мальчика с опаской обходить алтарь в пустой церкви: вдруг какой-нибудь святой поднимет руку или Христос на кресте вздохнет и застонет? Так и Джозеф держался в стороне, не отводя от камня напряженного взгляда. Светлячок исчез за выступом и погас.

Шорох нарастал. Круглое пространство наполнилось жизнью и скрытым движением. Джозефу показалось, что волосы на голове встали дыбом.

«Сегодня здесь обитает зло, – подумал он. – Теперь я понимаю, чего испугался конь».

Он вернулся в тень деревьев, сел и прислонился спиной к стволу, а вскоре ощутил слабую вибрацию земли.

– Я здесь, сеньор, – послышался рядом тихий голос.

Джозеф вздрогнул и едва не вскочил.

– Ты испугал меня, Хуанито.

– Знаю, сеньор. Вокруг так тихо. Здесь всегда тихо. Слышны звуки, но они доносятся снаружи. Пытаются проникнуть сюда, но не могут.

Они немного помолчали. Джозеф различал лишь черную тень на темном фоне.

– Ты просил прийти, – проговорил он.

– Да, сеньор, друг мой. Не позволю сделать это никому, кроме вас.

– Что сделать, Хуанито? Чего ты от меня ждешь?

– Того, что вы должны сделать, сеньор. Принесли нож?

– Нет, – с недоумением ответил Джозеф. – У меня нет ножа.

– Тогда дам вам свой, складной. Тот, которым метил телят. Лезвие короткое, но в правильном месте согнется. Я покажу, где находится правильное место.

– О чем ты, Хуанито?

– Бейте, держа лезвие горизонтально, друг мой. Тогда оно пройдет между ребрами и достанет до сердца. Сейчас покажу, куда надо метить.

Джозеф встал.

– Неужели ты хочешь, чтобы я убил тебя, Хуанито?

– Вы должны это сделать, друг мой.

Джозеф придвинулся ближе, постарался рассмотреть его лицо, но так и не смог.

– Почему я должен тебя убить, Хуанито?

– Я зарезал вашего брата, сеньор. Вы мой друг. А теперь должны стать моим врагом.

– Нет, – возразил Джозеф. – Здесь что-то неправильно.

Он умолк в растерянности, потому что ветер покинул деревья, а тишина наполнила поляну словно густой туман – так что голос раздавался в воздухе чуждым звуком. Джозеф сомневался. Часть слов он произносил шепотом, но даже при этом его речь тревожила поляну.

– Что-то неправильно. Ты же не знал, что это мой брат.

– Надо было посмотреть, сеньор.

– Но даже если бы знал, ничего бы не изменилось. Тобой двигала природа, и ты сделал то, чего она потребовала. Это естественно и... все кончено.

Хотя на поляну уже проник серый свет зари, Джозеф все равно не видел лица Хуанито.

– Ничего не понимаю, сеньор, – обреченно произнес Хуанито. – Это хуже, чем нож. Удар принес бы огненную боль, но потом все прошло бы. Я был бы прав, и вы тоже поступили бы справедливо. А так не понимаю. Как будто тюрьма на всю жизнь.

Теперь уже между деревьями пробивался свет, и двое мужчин стояли словно черные свидетели.

Джозеф взглянул на камень в поисках силы и знания. Увидел грубую, неровную поверхность и заметил серебряную нить там, где по поляне тек ручей.

– Это не наказание, – проговорил он наконец. – Не в моей власти тебя наказывать. Возможно, если сочтешь необходимым, ты должен будешь сам себя наказать. Поступишь в соответствии с инстинктом своей породы – точно так же, как молодой пойнтер показывает, где прячется птица, потому что подчиняется голосу породы. А у меня нет для тебя наказания.

Хуанито подбежал к камню, зачерпнул из ручья воды, напился из ладоней и быстро вернулся.

– Хорошая вода, сеньор. Индейцы уносят ее с собой, чтобы пить во время болезни. Говорят, она выходит из самого центра мира.

Он вытер губы рукавом. Теперь уже Джозеф различал черты его лица и небольшие пещеры глаз.

– Что будешь делать? – спросил Джозеф.

– Сделаю то, что скажете вы, сеньор.

– Слишком много от меня требуешь! – сердито крикнул Джозеф. – Делай что хочешь!

– Но я хотел, чтобы вы меня убили, сеньор.

– Вернешься на работу?

– Нет. – Хуанито решительно покачал головой. – Могила неотомщенного человека окажется слишком близко. Не смогу там быть до тех пор, пока кости не очистятся. Уеду на время, сеньор. А когда кости станут белыми, вернусь. Память о ноже исчезнет вместе с плотью.

Внезапно горе нахлынуло с такой силой, что Джозеф едва не задохнулся от боли.

– Куда же поедешь, Хуанито?

– Знаю место. Возьму с собой Вилли. Поедем вместе. Там, где есть лошади, всегда найдется работа. Если буду помогать Вилли отгонять сны об одиночестве и злых людях, выходящих из пещеры, чтобы его разорвать, наказание покажется не таким тяжелым.

Он быстро зашел за сосну и скрылся, лишь из-за стены деревьев донесся голос:

– Здесь моя лошадь, сеньор. Вернусь, когда кости очистятся.

Спустя мгновение донесся скрип стремени, а следом послышался глухой стук копыт по сосновым иглам.

Небо посветлело, и высоко над центром поляны повис маленький кусочек огненного облака. Однако сама поляна все еще оставалась серой и мрачной, а в середине печально дремал огромный камень.

Джозеф подошел и провел ладонью по толстому слою мха.

«Из самого центра мира, – подумал он и вспомнил, как ласково и скромно течет ручей по поляне. – Из сердца мира». Он заставил себя повернуться спиной к камню и медленно пошел прочь – туда, где оставил коня. А когда поехал вниз по крутому склону, за спиной встало солнце и вспыхнуло в окнах домов. Желтая трава блестела от росы, но холмы уже скудели, дряхлели и готовились к зиме. Небольшое стадо молодых волов наблюдало за хозяином, медленно поворачиваясь, чтобы не терять его из виду.

В эти минуты Джозефа переполняла радость: в душе росло понимание единства собственной природы с природой земли. Он вспомнил, что Томас уехал в Нуэстра-Сеньора, так что гроб придется сколачивать одному, и пустил лошадь рысью. Он попробовал понять, каким был Бенджи, но вскоре отказался от этой попытки, так как ничего не получилось.

Подъехав к загону, он увидел, что из трубы дома Томаса поднимается дым, расседлал коня и аккуратно повесил упряжь на место.

«Элизабет сейчас у Рамы», – подумал Джозеф и поспешил к молодой жене.

Глава 14

Зима пришла рано. Уже за три недели до Дня благодарения, по вечерам, горные вершины краснели у океана, а назойливый колючий ветер пронизывал долину, по ночам завывал на углах домов и хлопал ставнями, а внезапные порывы словно недружно шагающие солдаты поднимали на дорогах пыль и опавшие листья. Дрозды сбивались в стаи и улетали щебечущими облаками; голуби некоторое время грустно сидели на заборах, а с наступлением ночи исчезали. Весь день утки и гуси чертили в небе безошибочно направленные на юг стрелы, а в сумерках устало кричали и высматривали с высоты зеркало воды, где можно было бы отдохнуть. Однажды ночью в долину Пресвятой Девы пришел мороз, сразу окрасив ивы в желтый цвет, а кизил – в красный.

И на земле, и в небе шла неутомимая, поспешная подготовка к зиме. Белки самоотверженно трудились в полях, запасая в спрятанных под землей складах в десять раз больше провизии, чем требовалось, а у входа в норы седые старейшины сердито верещали, распоряжаясь урожаем. Лошади и коровы утратили блестящую летнюю шкуру и отрастили плотный зимний ворс, а собаки выкопали неглубокие ямки, чтобы спать, спрятавшись от ветров. И все же, несмотря на общую суету, печаль, подобная голубому дымному туману, закрывающему холмы, наполняла долину. Шалфей потемнел, став лилово-черным. С виргинских дубов дождем опали листья, хотя деревья по-прежнему упрямо сохраняли крону. Каждый вечер небо над океаном горело, тучи собирались и строились рядами, наступали и отступали в предзимних маневрах.

На Ранчо Уэйнов тоже шла неустанная работа. Трава была убрана, и амбары доверху наполнились сеном. Пилы трудились над дубовыми бревнами, а колуны исправно превращали чурбаки в дрова. Джозеф руководил работой, а братья с готовностью выполняли распоряжения. Томас строил сарай для инструментов, смазывал лемех плуга и зубья бороны. Бертон проверял крыши, чистил упряжь и седла. Общая поленница уже выросла высотой с дом.

Дженни проводила мужа в последний путь. Бенджи похоронили на склоне холма, в четверти мили от фермы. Бертон смастерил крест, а Томас окружил могилу невысокой белой оградой с калиткой на железных петлях. Некоторое время Дженни каждый день собирала цветы и относила на могилу, но довольно скоро даже она стала реже вспоминать Бенджи и заскучала по дому и родным. Она думала о танцах, о снеге, о том, как стареют родители. И чем больше думала, тем острее сознавала необходимость своего присутствия рядом. К тому же теперь, без мужа, новый край внушал ей неуверенность и растерянность. Поэтому однажды Джозеф увез ее в бричке, а все остальные Уэйны помахали на прощание. Все имущество Дженни уместилось в дорожной корзинке – включая память о Бенджи: его часы на цепочке и свадебные фотографии.

В Кинг-Сити Джозеф стоял рядом с Дженни на железнодорожной станции, и она тихо плакала – оттого, что покидала дом и семью, но еще больше от страха перед долгим путешествием.

– Когда-нибудь вы все приедете на родину, правда? – спросила она.

Торопясь вернуться на ранчо, потому что мог пойти дождь – а пропустить его не хотелось, – Джозеф ответил:

– Да, конечно. Обязательно навестим родные края.

Алиса, жена Хуанито, горевала куда глубже Дженни. Она совсем не плакала, а только сидела на крыльце своего дома и мерно раскачивалась. Алиса ждала ребенка; к тому же она очень любила и жалела Хуанито. Так она проводила много часов подряд – раскачивалась, что-то бормотала, но никогда не плакала. В конце концов Элизабет взяла ее в свой дом и определила работать на кухню. Алиса немного повеселела и даже начала разговаривать – особенно когда мыла посуду, стоя далеко от раковины, чтобы не потревожить будущего ребенка.

– Хуанито не умер, – однажды уверенно заявила она, обращаясь к Элизабет. – Когда-нибудь он непременно вернется, и наутро жизнь станет такой же, как прежде. Даже забуду, что он когда-то уезжал. Знаешь, – добавила она гордо, – отец просил вернуться домой, но я отказалась. Решила остаться здесь и ждать Хуанито. Ведь он вернется сюда.

Она то и дело расспрашивала Джозефа о муже:

– Думаете, он вернется? Уверены, что вернется?

Джозеф неизменно отвечал чрезвычайно серьезно:

– Сказал, что вернется.

– Но когда, когда, по-вашему, это случится?

– Может быть, через год, а может быть, через два. Придется подождать.

И Алиса возвращалась к Элизабет.

– Наверное, когда Хуанито вернется, ребенок уже научится ходить.

Элизабет приняла новую жизнь и постаралась измениться, чтобы соответствовать ее условиям. Две недели она ходила по дому, хмурилась, заглядывала во все углы и составляла список вещей, которые следовало заказать в Монтерее. Домашние дела быстро стерли из памяти первый вечер наедине с Рамой. Только иногда Элизабет просыпалась среди ночи в ледяном страхе оттого, что рядом в постели лежит мраморный идол, и прикасалась к руке мужа, чтобы убедиться, что его рука теплая. Рама оказалась права. Тем вечером дверь распахнулась, а потом захлопнулась. Больше они никогда не разговаривали настолько откровенно. Рама оказалась хорошей учительницей и тактичной женщиной, потому что умела показать, как нужно управляться с домашними делами, не критикуя неопытность и неловкость ученицы.

Когда прибыли заказанные вещи: ореховая мебель, красивая посуда и прочее; когда все было расставлено и развешено по местам: полка для шляп, зеркала, легкие кресла, широкая кровать из клена и высокое бюро, – тогда в гостиной установили новую закрытую печь – с блестящей черной облицовкой, узорной дверцей и серебристыми, сияющими никелем деталями. Но вот наконец обустройство дома завершилось; взгляд Элизабет утратил тревогу, а лоб разгладился. Она начала петь испанские песни, которые выучила в Монтерее. Когда Алиса приходила работать, они с удовольствием пели вместе.

Каждое утро Рама являлась поговорить – всегда по секрету, ибо секреты переполняли Раму. Она объясняла тонкости брака, которых Элизабет не знала, потому что выросла без матери. Рассказывала, что надо делать, чтобы родился мальчик, и что – чтобы родилась девочка. Конечно, эти методы не считались абсолютно надежными; порою подводили даже они, но, поскольку никакого вреда не причиняли, стоило попробовать. Рама знала сотню примеров, когда старинные поверья оправдывались. Алиса тоже внимательно слушала, а порою возражала:

– Неправильно. У нас делают по-другому. – И подробно объясняла, что следует предпринять, чтобы курица, которой только что отрезали голову, не хлопала крыльями: – Сначала начертите на земле крест. А как только голова упадет, осторожно положите курицу на крест, и она будет лежать тихо, потому что знак святой.

Рама попробовала, убедилась, что так и есть, и с тех пор начала относиться к католикам терпимее, чем прежде.

Это было хорошее время, полное тайн и ритуалов. Элизабет любила наблюдать, как Рама приправляет жаркое. Она пробовала, чмокала губами и застывала с суровым вопросом в глазах: «Достаточно? Нет, еще не совсем». Раме никогда не нравилось то, что она готовила.

По средам Рама появлялась с большой корзинкой для рукоделия, а следом топали те из детей, кто хорошо себя вел. Алиса, Рама и Элизабет садились треугольником и принимались штопать носки.

Середину треугольника занимали хорошие дети (плохие оставались дома без дела, так как Рама знала, что праздность – худшее наказание для ребенка). Рама рассказывала истории,

а потом Алиса набиралась смелости и объясняла множество чудес. Однажды в сумерках ее отец увидел, как по долине Кармел шла огненно-рыжая коза. Алиса знала не меньше пятидесяти историй о привидениях – причем случались они не где-то далеко, а здесь, в Нуэстра-Сеньора. Она рассказывала, как в канун Дня Всех Святых к семье Вальдес явилась страдавшая кашлем прапрабабушка; как убитый свирепыми индейцами из племени яки лейтенант-полковник Мерфи разъезжал по долине с рассеченной грудью и показывал всем, что у него нет сердца. Алиса считала, что сердце съели яки. Все правдивые истории имели верные доказательства. Когда она это говорила, ее глаза испуганно округлялись. А потом, ночью, стоило кому-то из детей упомянуть, что «у него не было сердца» или что «пожилая леди кашляла», как все начинали пищать от страха.

Элизабет рассказывала услышанные от матери предания: волшебные легенды о шотландских феях, вечно занятых плетением золотых кружев или каким-нибудь другим полезным ремеслом. Ее истории были хороши, но не производили столь же глубокого впечатления, как рассказы Рамы или Алисы, потому что случались давным-давно и в далекой Шотландии, которая казалась не более правдивой, чем населявшие ее феи. Зато ничего не стоило пройти по дороге и увидеть то самое место, где каждые три месяца проезжает лейтенант-полковник Мерфи, а Алиса обещала отвести слушателей к каньону, где по ночам двигались фонари – притом что никто не держал их в руках.

Это было хорошее время, и Элизабет чувствовала себя очень счастливой. Джозеф говорил немного, однако никогда не проходил мимо без того, чтобы не приласкать ее; никогда не смотрел на жену без спокойной медленной улыбки, от которой на сердце становилось тепло и уютно. Казалось, он не умел спать крепко: всякий раз, когда Элизабет просыпалась среди ночи и протягивала к нему руку, сразу заключал ее в объятия. За несколько месяцев замужества грудь ее округлилась, а глаза наполнились тайной. Время было волнующим и интересным, потому что у Алисы должен был вскоре родиться ребенок. А еще приближалась зима.

Дом Бенджи стоял пустым, и два пастуха-мексиканца переселились туда из амбара. Томас поймал среди холмов медвежонка-гризли и пытался его приручить. Правда, пока без особого успеха.

– Малыш больше похож на человека, чем на животное, – говорил Томас. – Совсем не хочет учиться.

Медвежонок кусал хозяина всякий раз, когда тот подходил, и все же Томас гордился питомцем, потому что все вокруг уверяли, что в горах Берегового хребта гризли не водятся.

Бертон занимался духовной подготовкой, так как планировал отправиться на религиозное собрание в Пасифик-Гроув и провести там лето. Он заранее радовался грядущим светлым чувствам и предавался ликованию при мысли о том времени, когда снова обретет Христа и во всеуслышание покается в грехах.

– По вечерам можно будет ходить в общественный дом, – объяснял он жене. – Там все пьют и едят мороженое. Возьмем палатку и останемся на месяц или даже на два.

Бертон предвкушал, как будет восхвалять проповедников за их благостные речи.

Глава 15

Дождь пошел в первых числах ноября. Каждое утро Джозеф вглядывался в небо, изучая далекие грузные тучи, а каждый вечер наблюдал, как заходящее солнце румянит небосвод. И вспоминал пророческие детские стишки:

Красное небо утром —
Морякам тревожно.
Красное небо вечером —
Морякам спокойно.

Или так:

Красное небо утром —
Жди дождей.
Красное небо вечером —
Жди ясных дней.

Он смотрел на барометр чаще, чем на часы, и радовался, видя, как игла опускается все ниже и ниже. А потом выходил во двор и шептал дубу:

— Скоро начнется дождь и смоем с листьев пыль.

Однажды Джозеф застрелил охотившегося на кур ястреба, повесил его на высокой ветке головой вниз и начал пристально следить за лошадьми и курами.

Томас смеялся над братом:

— Ты тут ничем не поможешь. Всему свое время, Джо. А если будешь слишком стараться, только вспугнешь дождь. — И добавил: — Я собираюсь зарезать свинью утром.

— Укреплю в ветвях дуба перекладину, чтобы повесить тушу, — ответил Джозеф. — Рама сделает колбасу?

Когда свинья завизжала, Элизабет спрятала голову под подушку, но Рама невозмутимо стояла на месте казни и деловито собирала кровь в ведро для молока. А едва мужчины закончили работу и отнесли мясо в новую маленькую копильню, начался ливень. В этот раз природа не обманула: утром с юго-запада и с океана прилетел неистовый ветер; приползли тучи, заняли все небо и опустились так низко, что накрыли вершины гор — а потом зашлепали жирные тяжелые капли. Дети собрались в доме Рамы, возле окна, и встретили дождь радостными криками. Бертон вознес хвалу Господу и уговорил жену сделать то же самое, хотя Хэрриет плохо себя чувствовала. Томас ушел в конюшню и присел на край яслей, чтобы лучше слышать, как дождь стучит по крыше. Сено еще хранило тепло нагретых солнцем склонов. Лошади беспокойно переминались с ноги на ногу и крутили головами, пытаясь вдохнуть свежий воздух, который залетал в конюшню сквозь маленькие окошки для чистки навоза.

Когда небо разверзлось, Джозеф стоял под дубом. Свиная кровь, которой он оросил ствол, казалась черной и блестящей по сравнению с корой. Элизабет окликнула с крыльца:

— Иди в дом, промокнешь!

Он со смехом обернулся:

— У меня кожа пересохла. Мечтаю промокнуть!

Первые крупные капли поднимали фонтанчики пыли, а скоро земля потемнела от влаги. Дождь усилился, подул свежий ветер. Воздух наполнился запахом влажной пыли, и начался первый настоящий зимний ливень. Заполнив собой все пространство, вода стучала по крышам и срывала с деревьев слабые листья. Земля быстро намочилась, и по двору побежали ручейки.

Джозеф стоял, подняв голову и закрыв глаза, а дождь молотил по его щекам и векам; струи текли по бороде и попадали в расстегнутый воротник рубашки. Одежда потяжелела и обвисла. Так он стоял долго, желая убедиться, что природа подарила им настоящий серьезный дождь, а не обманчивый мимолетный ливень.

Элизабет снова позвала:

– Джозеф, иди домой, не то простудишься!

– От этого не простудишься, – рассмеялся он. – Только станешь здоровее!

– На голове вырастут водоросли! Иди, Джозеф, печка хорошо горит! Переоденься!

Однако он продолжал стоять под деревом, и только когда вода потекла по стволу, вернулся в дом.

– Год будет хорошим, – заметил он радостно. – Перед Днем благодарения по каньонам потекут речки.

Элизабет сидела в большом кожаном кресле, а на печке тушилось жаркое. Когда муж вошел, она рассмеялась: радость переполняла воздух.

– Вода капает с тебя прямо на чистый пол.

– Знаю, – коротко ответил Джозеф и внезапно ощутил такую острую любовь к земле и к Элизабет, что прошел по комнате и в жесте благословения положил на ее волосы мокрую ладонь.

– Джозеф, с тебя капает прямо мне на шею!

– Знаю, – повторил он.

– Джозеф, у тебя холодная рука! Во время обряда конфирмации епископ положил ладонь мне на голову, и его рука тоже была холодной. По спине побежали мурашки, а я подумала, что это Святой Дух. – Она улыбнулась счастливой улыбкой. – Потом мы обсуждали церемонию, и все девочки подтвердили, что на них снизошел Святой Дух. Как давно это было, Джозеф!

Она ступила на тропу воспоминаний; в середине долгой узкой картины времени увидела тесный белый проход в горах, но даже он показался очень далеким.

Джозеф быстро наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Через две недели вырастет жирная трава.

– Джозеф, на свете нет ничего хуже мокрой бороды! Сухая одежда лежит на кровати, милый.

Вечером он сидел в кресле-качалке у окна. Украдкой заглядывая в его лицо, Элизабет видела, что муж недовольно хмурится, едва стук капель стихает, и улыбается, слыша, как дождь припускает с новой силой. Ближе к ночи пришел Томас и, прежде чем переступить порог, долго вытирал ноги на крыльце.

– Хороший дождь, – заметил Джозеф.

– Да, неплохой. Завтра придется прокопать канавы. Загон затопило, надо будет осушить.

– В этой воде соберется хороший навоз, Том. Направим ее в огород.

Дождь продолжался целую неделю, иногда слабея и превращаясь в туман, а потом снова набирая силу. Вода прибила старую сухую траву, а уже через несколько дней сквозь эту подстилку пробились крошечные зеленые побеги. Река с шумом вырвалась из-за западных холмов и вышла из берегов, сметая по пути ивы и ворча среди камней. По каждому каньону и каждой трещине в земле мчались в реку бурные ручьи. Все овражки, канавы и рвы превратились в озера и потоки.

Детям пришлось играть дома и в амбаре. Дождь быстро утратил для них прелесть новизны, и теперь они донимали Раму, требуя все новых и новых развлечений. Женщины начали жаловаться, что мокрая одежда занимает в кухне слишком много места.

Надев непромокаемый плащ, Джозеф целыми днями расхаживал по ферме: вкручивал в землю ручной бур, чтобы проверить, на какую глубину проникла вода; стоял на берегу реки,

глядя, как мимо проплывают ветки, бревна и целые деревья. Ночами спал чутко, прислушиваясь к дождю, или всего лишь дремал, просыпаясь, как только шум стихал.

А однажды утром небо очистилось. Ярко засияло солнце. В прозрачном чистом воздухе словно отполированные заблестели листья виргинских дубов. Трава поспешно тронулась в рост. Все замечали, как оживают и становятся ярче дальние холмы, как голубеют ближние склоны и как под ногами пробиваются сквозь землю острые зеленые иглы.

Дети наконец-то вырвались из заточения и словно засидевшиеся птицы принялись так отчаянно носиться, что у некоторых начался жар и пришлось уложить их в постель.

Джозеф достал плуг и вспахал огород. Томас прошел следом с бороной, а Бертон разровнял почву катком. Каждый из участников этой торжественной процессии стремился прикоснуться к почве. Даже дети попросили по маленькому клочку земли, чтобы посадить редиску или морковь. Редиска росла быстрее, но если удавалось дождаться урожая, то морковная плантация оказывалась самой красивой и приносила самые вкусные овощи. Трава не уставала расти. Иголки превратились в былинки, а потом каждая из былинки разделилась на две. Гребни и склоны холмов снова смягчились, став плавными и пышными; шалфей утратил угрюмый темный цвет. Во всем краю только сосновая роща на восточном хребте хранила таинственную задумчивость.

День благодарения отпраздновали щедрым пиром, а задолго до Рождества трава выросла по щиколотку.

Однажды на ферму пришел пожилой торговец-мексиканец и принес в своем коробе множество полезных товаров: иголки, булавки, нитки, маленькие комочки пчелиного воска, благочестивые картинки, жвачку, губные гармоники, рулоны красной и зеленой гофрированной бумаги. Этот старый согбенный человек носил на спине только небольшие вещицы. Он раскрыл короб на парадном крыльце Элизабет, сконфуженно улыбнулся и немного отступил, время от времени вытягивая руку и переворачивая бумажную пластинку с иглами, чтобы было удобнее рассмотреть, или легонько подталкивая указательным пальцем жвачку, чтобы привлечь внимание собравшихся вокруг детей. Увидев из амбара этот небольшой базар, Джозеф неспешно подошел. Только сейчас старик снял потертую шляпу:

– Buenas tardes, señor.

– Tardes, – ответил Джозеф.

Торговец улыбнулся в величайшем смущении.

– Вы меня не помните, сеньор?

Джозеф внимательно посмотрел в смуглое морщинистое лицо.

– Боюсь, что нет.

– Однажды, – объяснил старик, – вы ехали верхом из Нуэстра-Сеньора, а я решил, что вы направляетесь на охоту, и попросил кусок оленины.

– Да, – задумчиво кивнул Джозеф. – Теперь припоминаю. Ты – Старик Хуан!

Торговец склонил голову словно усталая птица.

– А потом, сеньор... потом мы заговорили о празднике. Я только недавно вернулся из Сан-Луис-Обиспо. Вы уже устроили этот праздник, сеньор?

Глаза Джозефа радостно распахнулись.

– Пока нет, но обязательно устрою. Когда, по-твоему, лучше это сделать, Старик Хуан?

От неожиданной чести торговец торжественно раскинул руки и поднял голову.

– Видите ли, сеньор... в нашем краю для праздника подойдет любое время. Но некоторые дни особенно хороши. Например, Рождество – Natividad.

– Нет, – с сомнением покачал головой Джозеф. – Рождество наступит слишком скоро. Не успеем подготовиться.

– Ну, тогда Новый год, сеньор. Это лучшее время, потому что все счастливы и хотят веселиться.

– Точно! – воскликнул Джозеф. – Устроим праздник на Новый год!

– Мой зять играет на гитаре, сеньор.

– Он тоже придет. Кого мне пригласить, Старик Хуан?

– Пригласить? – В глазах торговца появилось изумление. – Не нужно никого приглашать, сеньор! Вот вернусь в Нуэстра-Сеньора, скажу, что в Новый год у вас будет праздник, а дальше весть полетит по округе, и люди сами придут. Может быть, придет священник, привезет в седельных сумках алтарь и отслужит мессу. Будет очень красиво.

Джозеф посмотрел на крону дуба и рассмеялся.

– К тому времени трава уже вырастет такой высокой!

Глава 16

На следующий после Рождества день Марта, старшая дочка Рамы, не на шутку напугала других детей.

– Во время праздника пойдет дождь, – авторитетно заявила она.

Поскольку Марта была самой взрослой и серьезной, а к тому же умело пользовалась этим преимуществом, младшие дети ей поверили и очень огорчились.

Трава выросла высокой. Теплая погода ускорила рост, и в полях появилось множество грибов – в том числе дождевиков и поганок. Дети приносили домой целые ведра грибов, а Рама жарила их на сковородке, куда клала серебряную ложку, чтобы проверить, нет ли ядовитых. Она уверяла, что, если попадется поганка, серебро обязательно потемнеет.

За два дня до Нового года на дороге появился Старик Хуан вместе с зятем – улыбчивым и никчемным мексиканским парнем. Мануэль шел за тестем след в след, потому что ленился даже смотреть по сторонам, чтобы не свалиться в канаву. Оба остановились перед крыльцом Джозефа и прижали шляпы к груди. Мануэль повторял каждое действие Старика Хуана, как щенок повторяет движения взрослой собаки.

– Он играет на гитаре, – объявил Старик Хуан, а Мануэль в доказательство достал из-за спины выдавший виды инструмент и натянуто улыбнулся.

– Я сказал о празднике, – продолжил Старик Хуан. – Люди придут. Еще четыре гитары, сеньор. Отец Анджело тоже придет (радостное известие) и отслужит мессу. А я, – добавил он гордо, – я буду строить алтарь. Да, так сказал сам отец Анджело!

Бертон заметно помрачнел.

– Джозеф, ты ведь этого не допустишь, правда? На нашем ранчо. Не позорь семью.

Но Джозеф лишь радостно улыбнулся.

– Эти люди – наши соседи, Бертон. Я не собираюсь обращать их в иную веру.

– Ни за что не стану смотреть, – сердито заявил Бертон. – Не допущу на эту землю папскую ересь!

Томас усмехнулся:

– Тогда сиди дома, Бертон. А мы с Джо не боимся католического искушения, вот и посмотрим.

Предстояло сделать тысячу дел. Томас съездил на повозке в Нуэстра-Сеньора, купил бочку красного вина и бочонок виски. Пастухи забили трех волов и повесили мясо на деревья, а Мануэль уселся рядом, чтобы отгонять птиц. Под большим дубом Старик Хуан построил из досок алтарь, а Джозеф разровнял посреди двора площадку для танцев и собственноручно ее подмел. Старик Хуан успевал повсюду; даже объяснил женщинам, как приготовить *salsa pura*¹¹. Следовало взять консервированные помидоры, перец чили, специи и сушеные травы, которые Старик Хуан достал из кармана. Он показал, как копать ямы для огня, и принес сухие дубовые дрова. Мануэль сидел под развешанным на деревьях мясом, устало пощипывая струны гитары и время от времени сбиваясь на страстные мелодии. Дети участвовали в работе и вели себя очень хорошо, так как Рама предупредила, что плохой ребенок останется дома и будет наблюдать праздник из окна – наказание столь ужасное, что детвора дружно бросилась таскать дрова и даже предлагала Мануэлю помощь в охране мяса.

Гитары прибыли в новогодний вечер, в девять часов, вместе с четырьмя смуглыми худощавыми мужчинами с прямыми черными волосами и прекрасными руками. Музыкантам ничего не стоило проехать верхом сорок миль, чтобы без отдыха отыграть на празднике день и ночь, а потом проехать те же сорок миль в обратном направлении, домой. Однако, идя за

¹¹ Настоящий соус сальса (*исп.*).

плугом, они начинали спотыкаться уже через пятнадцать минут. Увидев товарищей, Мануэль ожил. Помог повесить драгоценные седельные сумки в безопасном месте и расстелить на сене одеяла. Однако спали гитаристы недолго: в три часа ночи Старик Хуан развел в ямах огонь, и те явились с сумками в руках. Установили вокруг танцевальной площадки четыре столба; достали из сумок необыкновенные предметы: красные и синие флажки, бумажные фонарики и ленты. Работая при неверном свете костров, они еще до рассвета построили павильон.

Рано утром на муле приехал отец Анджело. За мулом следовала тяжело груженная лошадь, сопровождаемая двумя сонными алтарными служками на одном осле.

Отец Анджело сразу принялся за работу. Расстелил на сколоченном Стариком Хуаном алтаре парчовую скатерть, поставил свечи и отвесил служкам по подзатыльнику, чтобы быстрее шевелились. В сарае он переоделся в праздничную сутану и наконец вынес главную драгоценность – распятие и Деву Марию с младенцем. Он сам вырезал и раскрасил их, сам придумал и смастерил хитрую конструкцию. Фигуры складывались посередине на петлях, так искусно спрятанных, что в расправленном виде механизм оставался незаметным. Головы привинчивались, а младенец крепился в руках матери колышком, который входил в отверстие. Отец Анджело нежно любил свое уникальное изобретение, а оно по праву приобрело в округе широкую известность, если не славу. Достигая в высоту трех футов, в сложенном виде фигуры уместались в седельной сумке, а замысловатая конструкция заслужила полное одобрение и благословение архиепископа. Старик Хуан смастерил для распятия и Пресвятой Девы отдельные подставки и даже привез толстую свечу для алтаря.

Еще до восхода солнца на Ранчо Уэйнов потянулись гости. Состоятельные семьи приехали в украшенных бахромой легких экипажах, другие прибыли в повозках, фургонах и верхом. Бедные белые фермеры спустились с Кингс-Маунтин в телегах, до половины заполненных соломой и до отказа – детьми. Дети вообще являлись толпами и некоторое время стояли молча, внимательно рассматривая друг друга. Индейцы возникали незаметно и замирали в стороне с неподвижными равнодушными лицами, все замечая и ни в чем не участвуя.

Отец Анджело проявлял строгость в церковных делах, однако в свободное от службы время становился милым, общительным человеком. Стоило ему получить добрый кусок мяса и чарку вина, как глаза его веселели, а язык развязывался. Ровно в восемь священник зажег свечи, призвал служек и начал утреннюю мессу. Хорошо поставленный голос зазвучал зычно и проникновенно.

Верный обещанию, Бертон остался дома, чтобы молиться вместе с женой, но, даже согласно возвышая два голоса, они не смогли заглушить вездесущую ненавистную латынь.

Когда месса закончилась, люди окружили священника тесным кольцом, чтобы посмотреть, как он будет складывать Деву Марию и Христа. Отец Анджело справился с задачей артистично, сначала преклонив колена перед каждой фигурой и только после этого сняв ее с подставки, чтобы отвинтить голову.

К тому времени ямы наполнились красными углями, а их края запылали жаром. С более многочисленным, чем требовалось, отрядом добровольцев Томас выкатил на тележке бочку с вином, приладил кран и выбил пробку. Истекая жиром, над ямами висели огромные куски мяса, так что угли то и дело вспыхивали белым огнем. Отборная говядина была забита на ранчо и провисела положенное время на деревьях. Три человека поставили на стол таз сальсы и вернулись на кухню за баком бобов. Женщины вынесли свежий хлеб, держа золотистые буханки охапками – словно дрова, и сложили их ровными рядами. Стоявшие поодаль индейцы подошли ближе, а уже включившиеся в игру, но все еще робкие дети почувствовали запах мяса, хлеба и осмелели от здорового голода.

Чтобы открыть праздник, Джозеф совершил ритуал, о котором рассказал Старик Хуан, – ритуал настолько древний и естественный, что показался знакомым. Он подошел к бочке и наполнил оловянную кружку поющим, сверкающим вином. Поднял на уровень глаз и мед-

ленно, бережно вылил вино на землю. Снова наполнил кружку и теперь уже осушил четырьмя жадными глотками. Отец Анджело с улыбкой кивнул, одобряя соблюдение народной традиции. Но когда Джозеф подошел к дереву и плеснул немного вина на кору, то услышал рядом тихий, но строгий голос священника:

– Нехорошо поступаешь, сын мой.

Джозеф сердито обернулся:

– О чем вы? В кружку попала муха!

Однако отец Анджело улыбнулся мудро и грустно.

– Будь осторожен с деревьями, сын мой. Иисус защищает лучше, чем лесные нимфы – дриады. – Улыбка выглядела доброй, ибо отец Анджело был не просто ученым человеком, но и настоящим мудрецом.

Джозеф невежливо отвернулся, чтобы уйти, но тут же остановился в сомнении.

– Вы все понимаете, святой отец?

– Нет, сын мой, – покачал головой Анджело. – Я понимаю лишь малую часть сущего, но церковь понимает все. Самые запутанные вещи становятся для нее прозрачными, а мне понятно то, что делаешь ты. Примерно так: дьявол владел этим краем многие тысячи лет, а Христос явился совсем недавно. Как в только что завоеванной стране долгое время живут древние обычаи – иногда тайно, а иногда приспособливаясь к новым правилам, – так и здесь, сын мой, некоторые давние предрассудки живут даже в мире Христа.

– Спасибо, – поблагодарил Джозеф. – Думаю, мясо уже готово.

Возле ям добровольцы переворачивали вилами куски говядины, а гости с кружками в руках выстроились в очередь к винной бочке. Первыми поили и кормили музыкантов, так как солнце уже стояло высоко и их ждала работа. Гитаристы залпом выпили виски, жадно проглотили мясо с хлебом и сальсой и полукругом уселись на ящики, чтобы, пока гости едят, играть мягко, пробуя сложные ритмы, а потом, с началом танцев, выплеснуть энергию и слиться в едином страстном порыве.

Зная местные нравы и обычаи, Старик Хуан то и дело наполнял кружки музыкантов виски.

На площадку вышли две пары и чинно открыли танцы поклонами, мерными шагами и медленными поворотами. Гитары зазвенели причудливыми переливами. Снова выстроилась очередь к бочке, и на площадке появилось еще несколько пар – уже не столь искусных и благонравных, как первые. Музыканты уловили перемену и налегли на басовые струны, а ритм зазвучал тяжелее и упрямее. Скоро пространство наполнилось гостями, которые не утруждали себя танцем, а, держась за руки, в такт возили ногами по земле. Индейцы подошли к ямам и столам, чтобы молча, без слова и знака благодарности, принять предложенную еду: мясо и хлеб. Потом встали возле танцующих и приступили к трапезе, с пустыми лицами притопывая под музыку.

Гитары не умолкали. Играли и играли – ритмично и однообразно. То и дело кто-нибудь из исполнителей правой рукой дергал открытую струну, в то время как левая тянулась к кружке с виски. То и дело кто-нибудь из танцоров покидал площадку, подходил к бочке, залпом осушал кружку и спешил обратно. Спустя долгое время пары распались, руки вытянулись, чтобы обнять каждого, кто попадется, колени согнулись, а ноги затопали по земле в замедленном ритме. Послышалось тихое гуденье – одна глубокая горловая нота. Затем в четверть тона подстроился контрапункт. Все больше и больше голосов включалось в обе партии. Целые группы танцующих раскачивались в такт музыке. Гуденье набирало силу, становясь громче и отчетливее, а смех и шутки стихали. Один из мужчин был известен своим высоким ростом; другой прославился красотой голоса. Какая-то женщина считалась стройной и миловидной, тогда как стоявшая рядом слыла толстой и некрасивой. Однако сейчас все эти особенности утратили значение. Танцующие слились в единую могучую силу. Лица приобрели отсутствующее выра-

жение, плечи подались вперед. Каждый стал частью общего танца, душа которого заключалась в ритме.

Музыканты сидели словно демоны. В их прищуренных глазах мерцало сознание собственной мощи и стремление к новой власти. Гитары звучали согласно, усиливая друг друга. Мануэль, утром то и дело глупо улыбавшийся и смущенно ухмылявшийся, сейчас запрокинул голову и самозабвенно запел отчаянный минорный мотив с бессмысленными словами. Танцоры хором скандировали короткий припев. Следующий музыкант добавил свою реплику, и хор тут же ему ответил.

Солнце уже пересекло зенит и склонилось к холмам; с запада прилетел холодный ветер. Танцоры снова потянулись к мясу и вину.

Джозеф стоял поодаль. Глаза его сверкали, ноги слегка двигались в такт музыке. Он чувствовал себя частью целого, но не присоединялся к танцу, а восторженно думал: «Все мы что-то здесь нашли. Можно сказать, что на миг стали ближе к земле». Тело наполнилось удовольствием столь же первозданным, как ритмичный звук басовой струны, а в душе появилась странная вера: «Что-то из этого прорастет. Происходящее похоже на всеобщий призыв». Взглянув на западные холмы и увидев наползающую с океана тяжелую зловещую тучу, он сразу понял, чем ответит природа.

– Ну конечно, – проговорил Джозеф тихо, – сейчас пойдет дождь! Когда выплескивается такая мощная молитва, что-то обязательно должно случиться!

Он с радостью наблюдал, как огромная туча перебирается через горы и направляется к солнцу.

Когда начались танцы, Томас скрылся в конюшне. Необузданных чувств он боялся точно так же, как животное боится грома. Однако ритм проник даже сквозь толстые стены. Чтобы успокоиться, Томас принялся гладить лошадь. Через некоторое время рядом послышались тихие всхлипы. Томас пошел на звук и обнаружил в пустом стойле Бертон: стоя на коленях, брат плакал и молился. Отогнав страх, Томас рассмеялся.

– Что с тобой, Берт? Не нравится праздник?

– Говорю тебе, это поклонение дьяволу! – сердито закричал Бертон. – Ужасно! И где? Здесь, у нас, на нашем дворе! Сначала мерзкий католический священник с раскрашенными деревянными идолами, а теперь дикая оргия!

– Что это тебе напоминает, Берт? – невинно осведомился Томас.

– Что напоминает? Колдовство и шабаш ведьм! Все дьявольские языческие обряды мира!

– Так продолжай молиться, Бертон, – спокойно посоветовал Томас. – Знаешь, на что похоже это общее действо? Прислушайся, и услышишь звуки почти религиозного собрания. Словно великий евангелист проповедует пастве.

– Поклонение дьяволу! – снова воскликнул Бертон. – Грязное, греховное поклонение! Если бы знал заранее, непременно ушел бы куда подальше!

Томас хрипло рассмеялся, вернулся на свое место, снова присел на край яслей и принялся слушать молитву брата, радуясь тому, как благочестивые возгласы подчиняются ритму гитар.

Пока Джозеф наблюдал за распухшей черной тучей, она стояла на месте и все же пожирала небо, а потом вдруг схватила и проглотила солнце. Яркий день тут же сменился сумерками, а горы ответили неуютным, резким металлическим блеском. Спустя миг после того, как скрылось солнце, из тучи вырвалось золотое копьё молнии, а следом по вершинам гор прокатился гром. За первой вспышкой последовала вторая – тоже в сопровождении гулко-го рокота.

Музыка и экстатические танцы как по команде прекратились. Сонными испуганными глазами танцоры посмотрели в небо – так смотрят разбуженные землетрясением дети. Мгновение все стояли, не понимая, что происходит, но потом сознание вернулось к ним. Люди бросились к привязанным лошадям, достали сбруи и принялись поспешно впрягать животных

в повозки и брички. Гитаристы торопливо сняли флажки, убрали так и не пригодившиеся фонари и спрятали реквизит в седельные сумки в надежде сберечь от дождя.

В конюшне Бертон встал с колен и торжественно провозгласил:

– Снисходит гнев Господень!

– Послушай внимательно, Берт, – с улыбкой возразил Томас. – Это же гроза.

Молнии сыпались из могучей тучи, как струи дождя, а воздух сотрясаясь от ударов грома. Через несколько минут к воротам потянулась длинная череда экипажей. Почти все направились в сторону городка Пресвятой Девы, а некоторые свернули к горным ранчо. В ход пошли все имеющиеся в наличии способы укрытия. При каждой вспышке молнии лошади фыркали, а при каждом ударе и раскате грома испуганно дергали головами и сбивались на галоп.

Едва начались танцы, женщины семьи Уэйн собрались на крыльце Джозефа – как положено хозяйкам, отдельно от гостей. Алиса не удержалась от искушения и спустилась на площадку, а Элизабет и Рама остались сидеть в креслах-качалках, наблюдая за весельем.

Теперь, когда туча накрыла небо, Рама встала и собралась домой.

– Ты сегодня не похожа на себя, Элизабет. Слишком тихая. Не простудилась?

– Все в порядке, Рама. Просто от возбуждения и грусти чувствую себя немного вялой.

Праздники всегда нагоняют грусть.

Всю вторую половину дня Элизабет наблюдала за одиноко стоявшим Джозефом и видела, что муж то и дело поглядывает на небо. «Предчувствует дождь», – решила она, а когда прокатился гром, подумала: «Джозефу понравится. Грозы всегда его радуют». Сейчас, когда гости разъехались, а гром свободно разгуливал над головами, Элизабет продолжала украдкой поглядывать в его сторону.

Пастухи торопились убрать под крышу посуду и еду. Джозеф дождался первых дождевых капель и только тогда перешел на крыльцо, присел на верхнюю ступеньку перед женой, ссутулится и сложил руки на коленях.

– Понравился праздник, Элизабет?

– Да.

– А раньше приходилось видеть что-нибудь подобное?

– Уже видела фиесты, но такую буйную ни разу. Как по-твоему: может случиться, что собравшееся в небе электричество довело людей до иступления?

Джозеф обернулся и посмотрел ей в лицо.

– Скорее подействовало вино, дорогая. – Он серьезно прищурился. – Выглядишь неважно, Элизабет. Хорошо себя чувствуешь? – Джозеф встал и заботливо склонился над ней. – Пойдем в дом, становится холодно.

Он вошел первым, зажег висевшую в центре комнаты лампу, открыл заглушку и развел в печи огонь. Тяга тихо загудела в трубе. Дождь мерно шуршал по крыше, как будто мела грубая метла. В кухне Алиса что-то тихо напевала, все еще оставаясь во власти танца. Элизабет тяжело опустилась в кресло.

– Давай сегодня поужинаем немного позже, дорогой.

Джозеф встал на колени рядом.

– Выглядишь страшно усталой.

– Это от возбуждения и от множества людей. Да и музыка... слишком энергичная.

Она умолкла, пытаясь понять, что значили музыка и танец.

– Такой странный день, – проговорила она наконец. – Столько людей, месса, а потом пир, танцы, и вот теперь гроза. Я глупая, Джозеф, или в чреде событий есть какой-то скрытый смысл? Похоже на те картинки, которые продают в городах. Сначала пейзаж кажется немудреным, но если хорошо приглядеться, то среди линий появляется множество скрытых фигурок. Понимаешь, о чем я говорю? Камень превращается в спящего волка, облачко оказывается

черепом, а среди веток деревьев возникают марширующие воины. Тебе не показалось, что день полон скрытого, не очень понятного смысла?

Джозеф все еще стоял на коленях, низко склонившись в свете лампы, и внимательно смотрел на ее губы, как будто плохо слышал. Машинально глядя бороду, он то и дело кивал.

– Замечаешь все, что происходит вокруг; каждую мелочь, – проговорил одобрительно. – Стараешься проникнуть в самую суть вещей.

– Значит, ты тоже почувствовал странность событий? Скрытый смысл показался мне предупреждением. О, даже не знаю, как объяснить...

Джозеф слегка отстранился и посмотрел на печку, из которой пробивался свет. Его левая ладонь по-прежнему гладила бороду, а правая поднялась и легла на колено жены. Ветер завывал в кроне дуба над домом, а печка ровно и едва слышно потрескивала, отвечая притихшему огню.

– *Corono ale de flores que es cosa mia sentidos...*¹² – напевала Алиса.

Джозеф тихо заговорил:

– Понимаешь, Элизабет, оттого что ты стараешься проникнуть в суть, мне должно быть менее одиноко, но этого не происходит. Хочу все тебе объяснить и не могу. Не думаю, что это предупреждение нам. Скорее указание на то, как движется мир. Облако – вовсе не адресованный людям знак надвигающегося дождя. Сегодня предупреждения не было, и все же ты права. Мне тоже кажется, что здесь есть скрытый смысл.

Он на мгновение умолк, а Элизабет протянула руку и погладила мужа по волосам.

– Танец выпал из времени, – продолжил Джозеф. – Превратился в вечность, стал прозрением. – Он снова замолчал и постарался освободить сознание от подступивших словно густой вязкий туман тяжелых и смутных мыслей. – Люди радовались танцу и наслаждались им – все, кроме Бертона. А Бертон чувствовал себя несчастным и боялся. Трудно предвидеть, когда и чего он испугается.

Элизабет заметила, как губы мужа тронула мимолетная улыбка.

– Проголодался, дорогой? Можем поужинать в любой момент. Только сегодня еда будет холодной.

Она знала, что произносит незначительные слова, чтобы сохранить секрет, однако секрет все равно просочился прежде, чем удалось его удержать.

– Джозеф, утром меня тошнило.

Он взглянул сочувственно.

– Слишком много работала перед праздником.

– Да, возможно. Но, дорогой, дело не в этом. Не хотела пока тебе говорить, но Рама считает... как по-твоему, она понимает? Говорит, что никогда не ошибается, значит, должна понимать. Она многое повидала и все знает.

Джозеф усмехнулся:

– Что Рама знает? Сейчас подавишься словами.

– Ну, видишь ли... Рама говорит, что у меня будет ребенок.

Слова упали в странную тишину. Джозеф сидел неподвижно, глядя в огонь. Дождь на миг прекратился, а Алиса перестала петь.

Элизабет осторожно, робко нарушила молчание:

– Разве ты не рад, дорогой?

Джозеф шумно, тяжело выдохнул.

– Никогда в жизни так не радовался! – А потом шепотом добавил: – И никогда так не боялся.

– Что ты сказал, милый? Не расслышала последних слов.

Джозеф встал и склонился над женой.

¹² Венки из цветов, что открывают мои чувства... (исп.)

– Будь осторожна, – предупредил он строго. – Сейчас тебя укурю. Нельзя мерзнуть, нельзя падать.

Он бережно укутал Элизабет пледом.

Радясь заботе и гордясь неожиданной тревогой мужа, она улыбнулась.

– Скоро пойму, что и как делать, милый; не бойся за меня. Все выясню и пойму, – произнесла она уверенно, – потому что, когда женщина носит ребенка, перед ней открывается целый мир новых знаний. Так сказала Рама.

– Будь осторожна, – повторил Джозеф.

Элизабет радостно рассмеялась.

– Ребенок уже так тебе дорог?

Джозеф опустил голову и нахмурился.

– Да, ребенок дорог, но еще дороже его ожидание и рождение. Это так же грандиозно, как гора. Настоящая связь с землей. – Он умолк, подыскивая слова, способные точно передать чувство. – Доказательство того, что мы живем здесь, моя милая. Единственное доказательство того, что мы не чужаки. – Вдруг он поднял голову и посмотрел на потолок. – Дождь прекратился. Пойду проверю лошадей.

Элизабет снова рассмеялась.

– Я читала или слышала, что где-то далеко на севере – то ли в Норвегии, то ли в России – есть странный обычай. Надо обо всем рассказать скотине. Когда в семье что-то случается – рождение или смерть, – хозяин идет к лошадям и коровам, чтобы сообщить новость. Ты тоже идешь для этого?

– Нет, – ответил Джозеф. – Просто хочу проверить, все ли привязи хорошо укреплены.

– Не ходи, – жалобно попросила Элизабет. – Томас позаботится о животных. Он никогда о них не забывает. Останься со мной. Если уйдешь сегодня, мне будет одиноко. Алиса! – окликнула она громко. – Можешь подать ужин прямо сейчас? – И снова заговорила тихо: – Посиди со мной, Джозеф.

Она схватила его ладонь и прижала к груди.

– Помню, как в детстве на Рождество мне подарили куклу. Когда увидела ее на елке, сердце наполнилось невыразимым жаром. До того момента, как взяла куклу в руки, я очень боялась и страдала. Так хорошо это помню! Не знаю почему, но жалела, что кукла принадлежит мне. Она казалась слишком волшебной, слишком прекрасной, чтобы стать моей. У нее были настоящие брови и ресницы. С тех пор Рождество всегда наполнялось чудом, и сегодня тоже такой день. Если то, о чем я тебе сказала, правда, то это слишком большая драгоценность, и мне страшно. Посиди со мной, милый. Не уходи сегодня.

В ее глазах блеснули слезы.

– Конечно останусь, – успокоил Джозеф. – Ты слишком устала да и вообще теперь должна много отдыхать.

Он просидел дома весь вечер и лег спать вместе с женой. Однако, как только ее дыхание стало ровным, бесшумно поднялся и оделся. Элизабет слышала движение и лежала тихо, приотворяясь спящей. «У него какие-то важные ночные дела», – подумала она кротко и вспомнила слова Рамы: «Если Джозеф мечтает, то ты никогда не узнаешь, о чем его мечты».

От одиночества стало холодно. Элизабет вздрогнула и тихо заплакала.

Джозеф неслышно спустился с крыльца. Небо прояснилось, ночь стала колючей от надвигающегося мороза, однако с деревьев по-прежнему капала вода, а с крыши на землю стекал крошечный ручеек. Джозеф подошел к большому дубу, остановился и, подняв голову, едва слышно заговорил:

– Ждем ребенка, сэр. Обещаю, что, как только родится, сразу принесу его вам.

Он дотронулся до холодной мокрой коры и медленно провел пальцами по стволу. «Священник знает мою тайну, – подумал он спокойно. – Знает какую-то часть и не верит. А может быть, верит, но боится этой веры».

– Надвигается буря, – снова обратился к дереву Джозеф. – Понимаю, что укрыться не удастся. Но вы, сэр, должно быть, знаете, как защитить нас от бури.

Он долго стоял, осторожно водя пальцами по черной коре, и думал: «Это чувство захватывает все сильнее. Поначалу я искал утешения после смерти отца, а теперь влечение стало настолько острым, что превосходит почти все. И все же по-прежнему утешает».

Он подошел к яме, где жарили мясо, и взял с решетки большой кусок.

– Вот, пожалуйста, – проговорил умоляюще, поднял руку и положил мясо в развилку веток. – Защитите нас, если сможете. Надвигающаяся стихия способна уничтожить всех.

Внезапно рядом послышались шаги. Голос Бертона произнес:

– Джозеф, это ты?

– Да. Уже поздно. Что тебе нужно?

Бертон подошел ближе и остановился.

– Хочу поговорить с тобой, Джозеф. Хочу предостеречь.

– Сейчас не время, – угрюмо возразил младший брат. – Поздно. Поговорим завтра. Я проверял лошадей.

Бертон продолжал стоять неподвижно.

– Лжешь, Джозеф. Думаешь, что никто ничего не замечает, но я за тобой слежу. Видел, как ты приносишь дереву дары. В тебе крепнет языческое начало, и я пришел, чтобы предостеречь. – Бертон волновался и часто дышал. – Сегодня ты видел гнев Господень и предупреждение идолопоклонникам. Да, пока всего лишь предупреждение, Джозеф! В следующий раз молния попадет в цель. Я наблюдал, как ты подкрался к дереву, и вспомнил слова Исаяи. Ты покинул Бога, и гнев Его тебя покарает! – Задыхаясь от наплыва чувств, Бертон ослаб и умолк. – Джозеф, – попросил он почти робко, – пойдем в амбар и вместе помолимся. Христос примет тебя в свое лоно. Давай спилим дерево.

Однако Джозеф отпрянул и сбросил пытавшуюся удержать его руку.

– Спасайся сам, Бертон, – рассмеялся он коротко и сухо. – Ты слишком серьезен. Отправляйся спать и не лезь в мои игры. Занимайся своими делами.

Он оставил брата под дубом и вернулся в дом.

Глава 17

Весна началась уверенно, и холмы щедро покрылись травой – изумрудно-зеленой, буйной, жирной, богатой травой. Склоны блестели и перекатывались мягкими волнами. Дожди не прекращались, и река текла мощно, а деревья на берегах склонялись под весом мокрых листьев и сплетали ветви над водой, так что на протяжении многих миль поток прятался в темной пещере. Сырая зима оставила заметный след на строениях фермы: дома почернели, на северной стороне крыш начал расти бледный мох. Вершины навозных куч зазеленели от непрошеной поросли.

Скот обрадовался покрывшему склоны холмов обилию еды и ответил увеличением потомства. Редко когда так много коров приносили по два теленка, как этой весной. Свиньи тоже неумоимо плодились, и слабых поросят в пометах не было. В конюшне остались привязанными лишь несколько лошадей, а остальные свободно паслись на холмах: жалко было терять богатую сочную траву.

Когда пришел апрель и привел с собой теплые душистые дни, цветы раскрасили зеленые склоны яркими лоскутами: маки алыми и золотыми, а люпины синими. Каждый цветок, казалось, был сам по себе и дарил земле неповторимую краску. И все же дожди шли часто, переполняя землю влагой. Каждое углубление в почве превращалось в ручей, а каждая ямка становилась колодцем. Откормленные телята растолстели, а едва они перестали сосать материнское вымя, как коровы снова приняли быков.

Алиса поехала домой, в Нуэстра-Сеньора, родила сына и привезла малыша на ранчо.

В мае с океана подул упрямый летний ветер, а с ним прилетел запах соли и слабый аромат водорослей. Мужчинам весна принесла бесконечную работу. Все ровные участки вокруг домов почернели под плугом и получили щедрую порцию семян овса и пшеницы. Грядки принесли столь обильный урожай, что хозяйки выбирали для кухни только самые крупные, самые красивые овощи. Репа необычной формы или небезупречная морковь отправлялись на корм свиньям. Земляные белки радостно пищали у своих нор и сейчас, весной, уже выглядели толще, чем обычно осенью. На пологих склонах холмов жеребята учились прыгать и мерились силами, а лошади со снисходительным интересом наблюдали за шалостями детей. Как только дожди потеплели, коровы и лошади больше не искали убежища под деревьями, а продолжали пастись под потоками воды, отчего их округлые бока блестели словно лакированные.

В доме Джозефа спокойно и радостно готовились к рождению ребенка. Элизабет прилежно шила детское приданое, а другие женщины, понимая, что ожидается появление на свет главного младенца ранчо и наследника власти, приходили, чтобы посидеть с ней, скрасить ожидание и помочь в работе. Они обтянули корзинку для белья стеганым атласом, а Джозеф укрепил ее на качающейся подставке. Получилась очаровательная колыбель. Теплых пеленок обметали больше, чем могло понадобиться одному малышу. Сшили длинные детские плащаницы и украсили их кружевами. Заверили Элизабет, что беременность проходит легко, так как она почти не болела, а становилась все спокойнее и счастливее. Рама научила ее шить покрывало для родильной кровати, и Элизабет отнеслась к делу так ответственно, словно покрывало должно было остаться в доме на всю жизнь, а не сгореть сразу же после появления на свет ребенка. Поскольку ожидался первенец Джозефа, Рама придала убранству невиданную элегантность: смастерила толстую бархатную веревку с петлями на концах, чтобы накинуть на столбы кровати. Всем остальным женщинам во время схваток приходилось держаться за скрученную простыню.

Как только потеплело, шитье продолжилось на крыльце, в лучах солнца. Все необходимое было готово и собрано за несколько месяцев до срока. Тяжелый отрез неотбеленного миталя, которым следовало перевязать бедра Элизабет, был подшит и бережно убран в сундук.

Набитые гусиными перьями маленькие подушки и мягкие стеганые одеяльца были готовы уже к первому июня.

Разговоры о детях продолжались бесконечно: о том, как они появляются на свет, какие неожиданности могут случиться, как быстро стирается из сознания матери память о боли, как с самого начала мальчики отличаются от девочек. Воспоминания и рассказы – порою фантастические – не иссякали. Рама знала истории о детях, родившихся с хвостами, с лишними конечностями, со ртами посреди спины. Но все эти примеры не пугали, потому что она сообщала конкретные причины подобных неприятностей. Некоторые отклонения происходили из-за пьянства, другие – вследствие болезни, но худшие, самые страшные уродства возникали как результат зачатия во время менструации.

Иногда к ним подходил Джозеф с травинками на шнурках ботинок, зелеными пятнами на коленях джинсов и каплями пота на лбу. Он стоял, поглаживая бороду, и слушал их разговоры. Время от времени Рама обращалась к нему за подтверждением своих слов.

Этой щедрой весной Джозеф работал без устали. Кастрировал бычков, убирал камни, чтобы не мешали расти овощам, помечал скот новым тавром с инициалами «ДУ». Вместе с Томасом он строил вокруг ранчо изгородь из колючей проволоки, поскольку дождливой весной столбы без труда входили в землю. Стадо выросло, и пришлось нанять еще двух вакеро.

В июне началась жара, и трава тут же выросла на фут. Однако дышать стало трудно: Элизабет почувствовала себя плохо, начала часто раздражаться. Она составила список необходимых покупок и отдала мужу. Однажды утром, еще до рассвета, Джозеф поехал в бричке в Сан-Луис-Обиспо, чтобы исполнить заказ. Путешествие туда и обратно занимало три дня.

Как только он уехал, Элизабет охватил страх. Что, если его убьют? Самые неразумные предположения вдруг показались вероятными. Джозеф мог встретить другую женщину и убежать с ней. Бричка могла перевернуться в белом ущелье и сбросить его в реку.

Она не встала, чтобы проводить Джозефа, однако, когда поднялось солнце, оделась, вышла на крыльцо и присела на ступеньку. Все вокруг раздражало: стрекот кузнечиков, валявшиеся на земле куски упаковочной проволоки. Доносившийся из конюшни запах аммиака вызывал тошноту. Осмотрев и возненавидев двор и ранчо, Элизабет подняла взгляд к холмам в поисках новой жертвы и увидела на гребне сосновую рощу. Сразу охватила острая ностальгия по родному Монтерею, тоска по темным деревьям полуострова, по уютным солнечным улицам, по белым домам и голубой бухте с пестрыми рыбацкими лодками. Но больше всего по соснам. Смолистый аромат хвои показался самым восхитительным на свете. Так захотелось его вдохнуть, что от нетерпения заболело тело. Элизабет не отводила глаз от черной рощи на вершине.

Постепенно желание изменилось: теперь уже привлекали только деревья. Они манили с высоты, звали укрыться от солнца среди стволов и почувствовать покой соснового леса. Она представила, как лежит на мягкой постели из иголок, смотрит сквозь ветви в небо, слушает, как тихо шелестит в кронах ветер, а потом улетает, унося с собой аромат хвои.

Элизабет встала с крыльца и медленно пошла к конюшне. Кто-то работал там: через окошки наружу то и дело вылетали кучки навоза. Она вошла в мягкий полумрак и увидела Томаса.

– Хочу немного прокатиться, – сказала она обыденным тоном. – Будь добр, заложи двуколку.

Томас оперся на вилы.

– Не подождешь полчаса? Закончу работу и отвезу, куда скажешь.

Элизабет рассердилась.

– Ты мне не нужен. Хочу поехать одна, – возразила она коротко.

Томас посмотрел пристально.

– Не уверен, что Джозеф согласился бы отпустить тебя одну.

– Но Джозефа нет дома, а я хочу поехать.

Томас поставил вилы к стене.

– Хорошо, запрягу старушку Луну. Она спокойная и послушная. Только не сворачивай с дороги, не то увязнешь в грязи. Местами еще очень сыро.

Он помог ей сесть в коляску и проводил долгим озабоченным взглядом.

Элизабет почувствовала, что ему не понравится, если она поедет в сосновую рощу, а потому удалилась на значительное расстояние от дома и только после этого направила старую белую кобылу к холмам, свернула с дороги и поехала по неровной, тряской земле. Солнце уже нещадно палило, а ветер в долину не залетал. Она долго ехала вверх по склону, пока неожиданно на пути не возникла глубокая промоина. Овраг растянулся в обе стороны слишком далеко, чтобы обогнуть его, а сосны возвышались впереди, совсем рядом. Элизабет выбралась из коляски, привязала лошадь к торчавшему из земли корню и отстегнула мартингал. Затем спустилась в овраг, поднялась на противоположной стороне и медленно зашагала к роще. Скоро на пути попался весело журчащий ручеек: он вытекал из леса и спокойно продолжал путь, не встречая камней. Элизабет наклонилась, достала из воды веточку кресс-салата, с удовольствием сунула в рот и неспешно пошла вверх вдоль ручья.

Раздражение бесследно улетучилось; чувствуя себя счастливой, она вступила в сосновый лес. Шаги тонули в плотном ковре иголок; не раздавалось ни единого звука, кроме шелеста хвои в кронах деревьев. Несколько мгновений ничто не мешало идти вперед, а потом на пути выросла плотная стена из виноградных лоз и ежевики. Пришлось пробиваться, раздвигая ветки, а иногда даже ползти на четвереньках. Почему-то ей очень хотелось попасть в глубину леса.

Когда Элизабет наконец-то выбралась из зарослей и выпрямилась, ее руки были расцарапаны до крови, а волосы растрепались. Но глаза сияли восторженным изумлением: кольцо деревьев окружало безупречно ровное пространство, в центре которого возвышался огромный зеленый камень странной формы.

– Я знала, что он здесь, – прошептала Элизабет, обращаясь к соснам. – Интуиция подсказывала, что этот чудесный камень прячется в глубине леса.

Все звуки, кроме шепота деревьев, замерли, но и этот шепот доносился с высоты, отчего общее молчание казалось еще глубже. Покрывавший камень изумрудный мох выглядел плотным словно ковер, а длинные перья папоротников зелеными шторами свисали над входом в пещерку. Элизабет присела возле крохотного ручья: тонкая ниточка воды незаметно пересекала поляну и пряталась в кустах. Камень притягивал взгляд странной формой и внушал необъяснимую тревогу.

– Я уже где-то это видела, – проговорила Элизабет вслух. – Как будто знала, что камень здесь, иначе почему так настойчиво пробиралась на эту поляну?

Ее остановившиеся на камне глаза расширились, мысли утратили четкость и превратились в медленно текущие воспоминания – тихие, причудливые и туманные. Она увидела, как идет в воскресную школу в Монтерее и встречает медленную процессию одетых в белое португальских детей, торжественно марширующих во имя Святого Духа с коронованной предводительницей во главе колонны. Смутно вспомнила, как с разных сторон стекались семь подобных волн, чтобы слиться в благочестивом экстазе в Пойнт-Джо неподалеку от Монтерея. И вдруг, продолжая смотреть на камень, увидела в нем своего младенца, свернувшегося у нее под сердцем головой вниз. Заметила, как он слегка шевельнулся, и в тот же миг ощутила движение внутри собственного тела.

Шепот над головой не стихал, а черные деревья подступали все ближе и ближе. Элизабет почувствовала, что осталась одна в целом мире. Все ее бросили и ушли, но почему-то это обстоятельство нисколько не пугало. Затем явилось понимание, что она сможет получить все, что захочет; следом возник страх оттого, что больше всего хотелось смерти и только потом – понимания со стороны мужа.

Ее рука медленно соскользнула с колен и опустилась в холодную воду ручья. Деревья сразу отступили, а низкое небо взлетело. Внезапно появилось яркое солнце; лес зашуршал уже не мягко, но сердито и угрожающе. Элизабет быстро взглянула на камень и увидела в нем существо такое же опасное, как притаившееся дикое животное; такое же грубое и неприятное, как лохматый козел. Поляну заполнил странный холод. Элизабет в панике вскочила и прижала ладони к груди. Пространство погрузилось в мистический ужас. Черные деревья отрезали отступление. Громадный камень приготовился к прыжку. Боясь отвести от него взгляд, Элизабет попятилась, а возле тропинки увидела, как в пещерке шевелится неведомое создание. Вся поляна дрожала от страха. Слишком напуганная, чтобы закричать, Элизабет повернулась и опрометью побежала по тропинке. Она бежала долго, пока наконец не оказалась на открытом пространстве, где ласково светило солнце.

Лес сомкнулся за ее спиной и выпустил на свободу.

В изнеможении Элизабет опустилась на землю возле ручья. Сердце билось тяжело и болезненно, а дыхание вырывалось судорожными толчками. Но ручей нежно шевелил стебли растущего в воде кресс-салата, а на дне, в песке, мерцали крапинки слюды. В поисках защиты Элизабет посмотрела вниз и увидела освещенные солнцем строения фермы, окруженные мягко стелющимися под ветром серебристыми волнами уже начинающей терять изумрудный цвет травы. Хорошо знакомый мирный пейзаж успокаивал, а безмятежность летнего дня дарила утешение.

Прежде чем страх окончательно отступил, Элизабет встала на колени и принялась молиться. Она постаралась подумать о том, что произошло на поляне, однако впечатление быстро потускнело. «Это было что-то древнее. Настолько древнее, что я уже почти забыла». Вспомнилось странное душевное состояние, внезапное непостижимое стремление к смерти. «Наверное, те чувства были несправедливыми». Она обратилась с молитвой к Богу:

– Отец наш Небесный, да святится имя Твое... Господи Иисусе, защити меня от этих запретных переживаний, сохрани на пути света и добра. Не позволяй дурному началу перейти через меня к моему ребенку. Очисти мою кровь от скверны.

Вспомнилось, как отец рассказывал, что тысячу лет назад его предки следовали учению друидов.

Молитва принесла облегчение. В сознание снова проник ясный свет; он вытеснил страх, а вместе с ним и память о страхе. «Должно быть, во всем виновато мое состояние, – сказала себе Элизабет. – Следовало сразу об этом подумать. В том месте не было ничего особенного; мое нездоровое воображение сыграло со мной злую шутку. А ведь Рама не раз предупреждала, чего можно ожидать во время беременности».

Обретя душевный покой и утешение, она поднялась с колен и пошла вниз по склону, по пути собирая цветы, чтобы украсить дом к приезду Джозефа.

Глава 18

Лето выдалось очень жарким. Изю дня в день солнце нещадно палило долину, лишая землю влаги, иссушая траву и заставляя живые существа прятаться на склонах холмов, в густых зарослях шалфея. Лошади и коровы целыми днями лежали в тени, ожидая ночи, чтобы выйти на пастбище. На ранчо собаки валялись на земле с высунутыми языками и натужно дышали. В разгар жары затихали даже самые надоедливые насекомые. В полдень слышался лишь слабый и оттого еще более жалобный плач жестоко раскаленных камней и земли. Река съежилась до размеров узенького ручейка, а в августе исчез даже он.

Томас косил траву и укладывал сено в огромные стога, а Джозеф отбирал скот для продажи и отправлял в новый загон. Бертон готовился к поездке в Пасифик-Гроув на религиозное собрание: складывал в бричку палатку, посуду, съестные припасы, простыни и подушки, а однажды ранним утром впряг двух хороших лошадей и вместе с женой отправился за девятью милями, чтобы помолиться вместе с братьями не по крови, а по вере. Рама согласилась присмотреть за детьми во время трехнедельного отсутствия их родителей.

Снова сияя здоровьем, Элизабет вышла проводить Бертон и Хэрриет. После недолгого недомогания она чувствовала себя хорошо и выглядела чудесно. Ее щеки пылали румянцем; глаза сияли таинственным счастьем. Глядя на жену, Джозеф часто спрашивал себя, какой секрет она таит, о чем думает и почему постоянно готова рассмеяться.

«Да, она определенно знает что-то очень важное и хорошее, – подумал он. – Женщины в этом положении несут в себе тепло Господа. Им ведомо то, о чем другие не подозревают, в том числе особая, высшая радость. В каком-то смысле они держат в руках нервы земли». Прищурившись, Джозеф внимательно посмотрел на жену и по-стариковски медленно погладил бороду.

По мере того как приближался срок, Элизабет требовала от мужа все больше внимания. Хотела, чтобы он сидел с ней весь день и весь вечер, и обижалась, когда Джозеф упоминал о работе.

– Я ничего не делаю, а праздность любит компанию, – объясняла она жалобно.

– Нет, ты постоянно трудишься, – убежденно возражал Джозеф. Он отчетливо представлял, как происходит этот невидимый труд. Хотя ее руки празднично лежали на коленях, кости строили кости младенца, кровь творила кровь, а плоть создавала плоть. Слова о том, что Элизабет ничего не делает, показались забавными, и Джозеф коротко рассмеялся.

По вечерам она требовала, чтобы муж сидел рядом и держал ее за руку.

– Боюсь, что ты бросишь меня, – признавалась она смущенно. – Вдруг выйдешь в эту дверь и больше не вернешься? Тогда у ребенка не будет отца.

Однажды, когда они отдыхали на крыльце, Элизабет внезапно спросила:

– Почему ты так любишь это дерево, милый? Помнишь, как ты радовался, когда я сидела на нем в первый свой приезд сюда?

Она взглянула на уютную развилку высоко над землей.

– Это прекрасное большое дерево, – уклончиво объяснил Джозеф. – Думаю, что люблю его за совершенство.

Однако Элизабет хотела большего.

– Нет, Джозеф, причина не только в этом! Однажды я слышала, как ты разговаривал с дубом словно с человеком и обращался к нему «сэр».

Прежде чем ответить, он пристально посмотрел на дерево, а после долгого молчания рассказал о том, как перед смертью отец мечтал попасть на запад, и о том, как получил письмо от брата.

– Это что-то вроде игры. Кажется, что отец еще жив.

Элизабет посмотрела на него широко расставленными, полными женской мудрости серыми глазами.

– Нет, это не игра, Джозеф, – проговорила она мягко. – Ты не смог бы играть, даже если бы очень захотел. Но идея хорошая.

Она впервые проникла в сознание мужа, в единый миг увидела форму и ход его мыслей. И он понял, что это произошло. Чувства нахлынули высокой волной. Джозеф склонился к жене, чтобы поцеловать, но вместо этого уткнулся лбом в ее колени и едва не разрыдался.

Элизабет погладила мужа по волосам и спокойно улыбнулась.

– Надо было раньше открыть мне свою тайну. – На миг она задумалась и добавила: – Но, возможно, раньше я не смогла бы как следует ее рассмотреть.

Когда они ложились спать, она клала голову ему на руку и ночь за ночью вымаливала обещание:

– Когда придет срок, останешься со мной? Боюсь, что будет очень больно и страшно. Боюсь, что позову, а тебя не окажется рядом. Ты не уйдешь далеко, правда? И если окликну, сразу вернешься?

И Джозеф сурово обещал:

– Я обязательно буду с тобой, Элизабет. Не беспокойся.

– Но только не в той же комнате. Не хочу, чтобы ты видел – не знаю почему. А если будешь сидеть в другой комнате и слушать, тогда, наверное, ни капли не испугаюсь.

Иногда перед сном она рассказывала ему то, что знала: как персы напали на Грецию и были разбиты, как Орест обратился за защитой к священному алтарю, а фурии сидели рядом и ждали, когда он проголодается и сдастся. Со смехом делилась теми малозначительными сведениями, которые когда-то казались признаком превосходства, а сейчас выглядели попросту глупыми.

Она начала считать недели до своего срока: сначала оставалось три недели, начиная с четверга; потом две недели и один день; и вот наконец всего десять дней.

– Сегодня пятница. Так что это произойдет в воскресенье. Надеюсь, что так. Рама слушала. Говорит, что даже слышала, как бьется сердечко. Можешь поверить?

Потом она сказала:

– Теперь осталась всего неделя. Как только подумаю, сразу начинаю дрожать.

Джозеф спал очень чутко. Стоило Элизабет вздохнуть во сне, как он открывал глаза и с тревогой прислушивался.

Однажды он проснулся оттого, что на их крыльце собрался хор молодых петухов. Было еще темно, однако воздух уже наполнился предчувствием зари и свежестью утра. Взрослые петухи пели мелодично, словно укоряя молодежь за высокие надтреснутые голоса и демонстрируя истинное мастерство. Джозеф лежал с открытыми глазами и смотрел, как мириады световых точек окрашивают воздух в темно-серый цвет. Постепенно начали появляться очертания мебели. Элизабет дышала во сне коротко, отрывисто, как будто всякий раз преодолевая препятствие. Джозеф собрался встать, одеться и выйти к лошадям, когда она вдруг села в постели. Ее дыхание пресеклось, ноги напряглись, и она вскрикнула от боли.

– Что такое? – взволнованно спросил Джозеф. – В чем дело, дорогая?

Элизабет не ответила. Он вскочил, зажег лампу и низко склонился к ней. Глаза ее наполнились слезами, рот открылся, по телу пробежала дрожь. Она снова хрипло закричала. Джозеф принялся растирать ей ладони, и через пару мгновений Элизабет снова упала на подушку.

– Очень болит спина, – простонала она тихо. – Что-то не так. Наверное, сейчас умру.

– Не волнуйся, дорогая. Потерпи минутку, сейчас позову Раму.

Джозеф выбежал из комнаты.

Сонная Рама степенно улыбнулась.

– Возвращайся домой, – распорядилась она деловито. – Сейчас приду. Немного раньше, чем я ожидала. Но некоторое время ничего серьезного не случится.

– Не задерживайся! – потребовал Джозеф.

– Спешить некуда. Просто побудь с ней. А я позову на помощь Алису.

Когда две женщины прошли по двору с охапками чистых тряпок в руках, уже зарумянилась заря. Рама держалась уверенно, а потрясенная остротой боли Элизабет беспомощно на нее смотрела.

– Все в порядке, – успокаивала Рама. – Так и должно быть.

Она отправила Алису на кухню, чтобы развести в печи огонь и нагреть бак воды.

– А теперь, Джозеф, помоги ей встать на ноги и немного пройтись.

Пока он водил Элизабет по комнате, Рама сняла с кровати белье, постелила толстое стеганое покрывало и накинула на столбы петли бархатной веревки. Когда боль снова подступила, Джозеф усадил жену на стул и стал ждать, пока пройдет схватка. Элизабет старалась не кричать, но Рама склонилась к ней с наставлением:

– Ничего не держи в себе. Не нужно. Делай все, что хочется делать.

Бережно обняв Элизабет, Джозеф медленно водил ее по комнате и поддерживал, когда она спотыкалась. Его страх прошел, не оставив следа; глаза светились ни с чем не сравнимой радостью. Приступы боли становились все чаще и чаще. Рама принесла из гостиной большие старинные часы и повесила на стену, чтобы отмечать время каждой схватки. Спокойные периоды медленно, но верно сокращались. Так прошло несколько часов.

Около полудня Рама решительно кивнула:

– Теперь уложи ее, Джозеф, и можешь выйти. А я займусь подготовкой рук.

Он посмотрел на нее полужакрытыми глазами словно в трансе.

– Что значит «подготовка рук»?

– Коротко подстригу ногти, а потом буду постоянно мыть руки горячей водой с мылом.

– Я сам справлюсь, – неожиданно заявил Джозеф.

– Тебе пора уходить. Времени уже мало.

– Нет, – решительно возразил Джозеф. – Я сам приму своего ребенка, а ты только говори, что надо делать.

– Нельзя, Джозеф. Это не мужское дело.

Он взглянул мрачно, и воля Рамы уступила его несокрушимому спокойствию.

– Это мое дело.

Как только встало солнце, у окна спальни собрались дети. Дрожа от любопытства, они слушали слабые вскрики и стоны Элизабет. С самого начала Марта назначила себя главной.

– Иногда они умирают, – объявила она важно.

Хотя солнце уже немилосердно палило, дети не покидали наблюдательный пост. Марта установила строгие правила:

– Первый, кто услышит детский крик, должен сразу сказать: «Слышу!» Он получит подарок, и ему первому дадут поддержать малыша. Так сказала мама.

Остальные сгорали от нетерпения и начинали хором кричать «Слышу!» всякий раз, когда из спальни доносились стоны. Время от времени младшие подсаживали Марту, чтобы она могла мельком заглянуть в окно.

– Дядя Джозеф водит тетю Элизабет по комнате, – деловито сообщила наблюдательница. А спустя некоторое время оповестила: – Тетя лежит на кровати и держится за красную веревку, которую сделала мама.

Вопли и стоны становились все чаще и громче. Дети снова посадили Марту, и на этот раз она спустилась бледной и потрясенной.

– Я видела... дядю Джозефа... он наклонился, и... – она судорожно вздохнула... – и руки у него... красные.

Она замолчала, а другие дети посмотрели изумленно и испуганно. Больше не раздавалось ни разговоров, ни даже шепота. Все просто стояли и слушали. Стоны стали настолько слабыми, что нужно было вести себя очень тихо.

Марта держалась так, как будто знала секрет, и шепотом призывала остальных к порядку. Из спальни донеслись три слабых шлепка, и Марта тут же воскликнула:

– Слышу!

Спустя мгновение все услышали плач младенца и застыли, благоговейно глядя на Марту.

– Как ты узнала, когда надо сказать?

Марта высокомерно улыбнулась.

– Во-первых, я самая старшая, а во-вторых, долго не шалила. Поэтому мама объяснила мне, как надо слушать и чего ждать.

– Как? – ошеломленно спросили все. – Как надо слушать?

– Шлепок! – торжествующе заявила Марта. – Чтобы ребенок закричал, его всегда шлепают. Я победила и хочу в подарок куклу с настоящими волосами.

Вскоре на крыльцо вышел Джозеф и прислонился спиной к перилам. Дети приблизились и остановились, глядя на него снизу вверх. К огромному разочарованию, руки его уже не были красными, но лицо так осунулось и побледнело, а глаза смотрели так устало, что заговорить они боялись.

Наконец Марта набралась храбрости.

– Я первой услышала крик и хочу в подарок куклу с настоящими волосами.

Джозеф посмотрел на детей и слабо улыбнулся.

– Непременно подарю. Когда поеду в город, всем куплю гостинцы.

– Кто родился: мальчик или девочка? – вежливо спросила Марта.

– Мальчик, – ответил Джозеф. – Может быть, через некоторое время вам его покажут.

Он стоял, вцепившись руками в перила, а его живот все еще терзала боль, которая передалась от Элизабет. Он несколько раз глубоко вдохнул горячий полдневный воздух и вернулся в дом.

Рама обмывала беззубый рот новорожденного теплой водой, а Алиса прикалывала безопасные булавки к отрезу миткаля, которым предстояло обвязать бедра Элизабет после того, как отойдет плацента.

– Осталось совсем немного, – успокоила Рама. – Через час все закончится.

Джозеф тяжело опустился на стул и сначала посмотрел на суетящихся женщин, а потом заглянул в тусклые, полные боли и страдания глаза жены. Младенец уже лежал в колыбели, наряженный в красивое платьице, которое было в два раза длиннее его самого.

Когда роды завершились, Джозеф поднял Элизабет и посадил к себе на колени, а женщины сняли запачканное кровью толстое покрывало и снова постелили белье. Алиса собрала тряпки и сожгла в кухонной печи, а Рама как можно плотнее обернула тканью бедра молодой матери.

После ухода женщин Элизабет некоторое время лежала в чистой кровати без сил. Потом протянула Джозефу руку.

– Мне снился сон, – пробормотала она слабо. – Прошел целый день, а я не заметила.

Он нежно погладил каждый ее палец.

– Хочешь, дам тебе малыша?

Она устало нахмурилась:

– Пока не надо. Еще злюсь на него за то, что было так больно. Подожди, пока немного отдохну.

Скоро она уснула.

Ближе к вечеру Джозеф пошел в конюшню, по дороге едва взглянув на дерево.

– Это круг, – проговорил он, обращаясь к самому себе. – Слишком жестокий круг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.